

НОВАЯ ПОЛЬША

№2₍₇₂₎

2006

10 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ БРОДСКОГО

Беседа с Янушем Гловацким

Украинский вопрос в парижской «Культуре»

Последние стихи отца Яна Твардовского

Из новой книги Михала Комара

Новые стихи Бронислава Мая

Ян Стшалка о книге Виктора Ерофеева

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВАРШАВСКОЙ ПРАГИ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2(72)
2006
ФЕВАЛЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Ежи Ильг
БРОДСКИЙ — ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОШЛОСТИ 3

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ 6

НАШИ ЛЮДИ
ЭКОЛОГ В НАТО 12
Беседа с Анной Калиновской

Лешек Шаруга
«КУЛЬТУРА» И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС 17

Милош Петр Внук
ОХОТА НА КУРДЛЕЙ, АПОКАЛИПСИС И БРЕДНИ 22

Ян Твардовский
СТИХОТВОРЕНИЯ 25

Ян Твардовский
ТЕРПИМОСТЬ 28

ХАРАКТЕР ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ 29
Беседа с Янушем Гловацким

Михал Комар
СПРЯТАЛАСЬ 41

Бронислав Май
СТИХОТВОРЕНИЯ 48

Лешек Шаруга
СЛОВО ПРОТИВ ТЬМЫ 52

	Ян Стшалка БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ	53
	Гюляр Абдуллабекова ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПЕЧАТИ	55
	НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ВИСЛЫ <i>Прага — правобережное предместье Варшавы</i>	57
	Януш Майхерек ИСКУССТВО — НА ДОМ	69
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	70
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	74
	ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ЗДИСЛАВА БЕКСИНСКОГО	78

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, А. Миркес-Радэивон, А. Ройтман, Е. Шиманская
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 78), Archiwum A. Kalinowskiej (стр. 12, 14), Archiwum (стр. 52), E. Lempp (стр. 28, 29), A. Zegier (стр. 57- 67)

Редакционный совет

Стефан Братковский
 Хенрик Возняковский
 Наталья Горбаневская
 Ежи Клочовский
 Кароль Модзелевский
 Януш Тазбир
 Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
 Наталья Горбаневская
 Никита Кузнецов
 Виктор Кулерский
 Янина Куманецкая
 Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
 Кристина Пашек (секретариат)
 Гжегож Пшебинда
 Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
 Лешек Шаруга
 Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al. Niepodległości, 213
 02-086 Warszawa
 Ал. Неподлеглости, 213
 02-086 Варшава
 тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
 факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
 e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
 ул. Большая Переяславская,
 д. 15, кв. 49

тел: 921-41-42
 e-mail: mic@inbox.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
 Министерства Культуры
 Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Ежи Ильг

БРОДСКИЙ — ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОШЛОСТИ

Биография Иосифа Бродского (24 мая 1940 — 28 января 1996) — от его ленинградской молодости, первых друзей и посвящения в литературные таинства, от опыта тюрьмы, психбольницы и ссылки до изгнания с родины, многочисленных путешествий и почти четверти века в эмиграции — рисует совершенно необычную фигуру судьбы. Один из величайших поэтов XX столетия, насквозь оригинальный творец, пронизательный мыслитель и, что не менее важно, честный и смелый человек, испытывавший на себе все формы подавления и унижения, какие придумало это столетие ради уничтожения независимости и достоинства личности, он не поддавался порабощению и восторжествовал над этим «веком-волкодавом», вдобавок оставив нам произведения, ослепляющие своим горизонтом мысли и художественным уровнем.

Много лет назад, зачитываясь стихами Бродского, а потом неоднократно слушая, как он их неповторимым образом читает, я не мог избавиться от нескольких чувств: я был уверен, что этот человек мог стать только поэтом и никем другим, и представлял себе, что для него писать стихи — дело почти физиологическое, такое же неизбежное, как дыхание: делая вдох, он набирал в легкие воздух, а выдохом был следующий стих. Он сам определил стихотворчество схоже — как подчинение диктату языка, по отношению к которому поэт — всего лишь медиум.

Иногда поэт производит впечатление жонглера, фокусника, виртуоза, для которого — если говорить о строфах, ритмах и рифмах — нет ничего таинственного и невозможного. Он испытывает свои возможности в невероятных версификационных комбинациях, совершает самые головоломные рифменные подвиги — так, будто ответ на эти вызовы приносит ему особого рода сатисфакцию: чем труднее попытка, тем больше она его окрыляет и тем блистательней результаты. Анна Ахматова, первой увидевшая в нем крупнейший со времен Осипа Мандельштама талант, говаривала: «Иосиф, мы с вами знаем все рифмы русского языка».

Сложить священные сосуды

Автор «Конца прекрасной эпохи», разумеется, сознавал, что вырастает не из вакуума, — он выразил это в своей Нобелевской лекции, воздав честь теням Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Роберта Фроста, Анны Ахматовой и Уистана Одена: «...не будь их, как человек и как писатель я бы стоил немного; во всяком случае, я не стоял бы здесь».

Он подчеркивал, что рассматривает Нобелевскую премию как награду всей русской поэзии, к которой он принадлежит, а также своему поколению, которому в удел достался особый опыт и особая задача: «Это поколение — поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените своей богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, явилось в мир (...) чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось, по крайней мере в России, — есть в немалой мере заслуга моего поколения, и я горд своей к нему принадлежностью (...) ...скорей интуитивно, чем сознательно, мы стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению ее форм и тропов...»

Это стремление уберегло Бродского и его поколение от соблазнов «авангардности», защищало от пустых формальных экспериментов, повелевало прилагать к искусству и собственному творчеству самые высокие мерки. Бродскому случалось сравнивать формы, метр, модели строф со священными сосудами, которые он и его современники нашли разбитыми и пытались сложить их заново и наполнить современным содержанием.

Тысячи стихотворений в памяти

Характерным явлением русской литературной жизни, особенно после 1917 года, а также после II Мировой войны был, пожалуй, нигде больше не встречающийся обычай хранить невероятное количество стихов в памяти. Как древние рапсоды изустно передавали слушателям обширные эпосы, истории войны и описания путешествий в далекие страны, так и русские поэты гроздья декламировали наизусть и свои стихи, и всю важную для них поэзию их предшественников и учителей. Много раз — в Стокгольме, Катовице, Кракове — я имел возможность убедиться, как Бродский приводит по памяти любые стихи Цветаевой, Пастернака, Мандельштама. В Советском Союзе, где за хранение книг и списков произведений авторов, приговоренных к небытию, грозили весьма реальные последствия, хранить поэзию в памяти было делом понятным — это, разумеется, не значит, что люди не подписывали себе приговоров и не платили иногда высочайшую цену за прочтение стихотворения в узком кругу, где было одним человеком больше, чем надо. Пример Мандельштама с его «Мы живем, под собою не чуя страны...» — стихотворением, ставшим прямой причиной ссылки, — достаточно выразителен.

Не-чтение — преступление

Необычная манера читать стихи, сильный голос, величие необыкновенной мелодической линии, приводящей на мысль пение синагогального кантора или песнопения литании, — самым своим звучанием Бродский отсылал к священным и богослужебным корням языка. Автор «Остановки в пустыне» провозглашал драматическую апологию искусства как единственной ценности, способной спасти личность от единообразного и разрушительного воздействия массовых доктрин и политической демагогии. По его мнению, только искусство позволяет человеку сохранить свою индивидуальность, ощутить неповторимость своего бытия, только оно позволяет человеку осуществить свое истинное предназначение: прожить свою собственную, а не навязанную кем-то извне жизнь. Человека может спасти только усовершенствованная общением с поэзией твердость вкуса, эстетические переживания, даруемые ему произведением искусства. Это внутреннее богатство, возможное благодаря переживанию красоты, позволяет личности делать надлежащий нравственный выбор, ибо, согласно знаменитой сентенции Бродского, эстетика — мать этики, а не наоборот.

В Нобелевской лекции Бродский говорил пораженным слушателям: «...не может быть законов, защищающих нас от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т.п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же

преступление это совершает нация, она платит за это своей историей». И выдвигал куда более парадоксальные идеи: «Я не призываю к замене государства библиотекой — хотя мысль эта неоднократно меня посещала, — но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс внешней политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому».

Хотя ничто не было более чуждо Бродскому, чем принимать иератические позы или натягивать одежды пророка — он отрекся от такой роли, пользуясь самоиронией, дистанцией, парадоксом, горьким чувством юмора, — многие его высказывания, в том числе и стихи, неизбежно звучали и звучат для слушателей и читателей как утопические заветы или пророческие откровения.

В речи, произнесенной на церемонии присуждения ему степени доктора honoris causa в Силезском университете в Катовице (1993), Бродский предостерегал своих друзей-поляков от «соблазна самолюбования». Выразив благодарность польскому народу за разрушение величайшего зла, какое до сих пор досталось человечеству, — коммунистической системы, — он сказал слова, в высшей степени актуальные и сегодня: «Теперь, однако, вам нужно разыграть совершенно иную игру. Теперь у вас уже нет удобного внешнего врага или воплощенного зла — тоже удобного — в виде государства. Теперь вам придется стать лицом к лицу со злом в вас самих. Ибо торжество над силами зла ни из кого не делает автоматически хорошего человека. (...) Единственное противоядие на безудержное самолюбование, которое приходит мне в голову, — это хороший вкус и сомнения по отношению к себе. (...) Я глубоко верю, что культура — а литература в особенности — единственная страховка, благодаря которой республика может избежать вульгарности человеческого сердца» (цитаты из речи И.Б. даются в переводе с польского перевода: Бродский произносил свою речь по-английски. — *Пер.*).

Прощание в Венеции

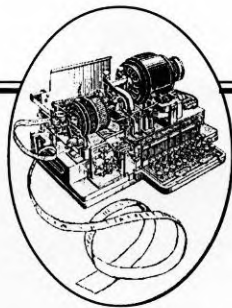
Связи Бродского с польской культурой и поляками были особенно тесными. Напомним только начальное и конечное звенья этой цепочки. Именно в Польше состоялся настоящий дебют Бродского: его стихи, провезенные через границу, переводили Анджей Дравич, Эугения Семашкевич и Виктор Ворошильский, когда о печатанье на родине нечего было и мечтать. Дравичу удалось поместить свои переводы в еженедельнике «Вспулчесьность» [«Современность»] в 1963 г., годом позже в журнале «Одглось» [«Отголоски», «Отзвуки»] появились три сонета в переводе Семашкевич. В Советском же Союзе Бродский сумел, и не без трудностей, напечатать два стихотворения только в 1967 г., в альманахе «Молодой Ленинград». Выбор этих стихов, учитывая время, место и обстоятельства, был знаменателен: это были стихотворение, начинающееся стихом «В деревне Бог живет не по углам...», и элегия «Памяти Т.С.Элиота».

И конец: похороны Бродского на венецианском острове Сан-Микеле. Среди близких друзей, прибывших со всего мира на камерную церемонию (среди них были Сьюзен Зонтаг, Марк Стрэнд, Михаил Барышников, Лев Лосев, товарищи ленинградской молодости — поэты Евгений Рейн и Анатолий Найман), присутствовала также большая группа поляков, в том числе прибывший в последнюю минуту благодаря найденным головоломным авиапересадкам ближайший друг — Чеслав Милош с женой Кэрл. Воздать последнюю честь поэту, которого он в самом начале его эмиграции поддержал знаменитым, часто упоминаемым у Бродского письмом, Милош почел своим долгом.

Стоя над могилой поэта в так любимой им Венеции, мы чувствовали, что кроме чудесного дара дружбы все мы получили от Иосифа Бродского другой великий дар — его произведения, которых смерть поэта отнять у нас не в силах. Кроме множества открытий и замечательных минут они даруют нам также шанс на внутреннее преображение. Ибо прав был их автор, говоря, что по прочтении великого произведения — пусть это будет всего одно стихотворение — мы уже не такие, какими были прежде.

Из послесловия к новому польскому изданию избранных стихотворений (изд. «Знак»)

Ежи Ильг — публицист, литературный критик, доктор гуманитарных наук. С 1992 г. главный редактор издательства «Знак».

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Из обращения президента Александра Квасневского к народу в день инаугурации новоизбранного президента Леха Качиньского: «Основные цели моего правления достигнуты. Польская демократия работает. У нас есть конституция. Политический маятник качается то вправо, то влево, но демократия стабильна. Нам ничто не грозит, ибо Польша — член НАТО, а могущественнейшие государства мира гарантируют нашу безопасность. У нас есть все возможности развиваться, так как мы вступили в Евросоюз. Мы добились сильной позиции и уважения в регионе, наладив дружеские отношения с нашими соседями. Мы всегда стремились к примирению и дружбе и потому экспортировали в другие страны стабильность, диалог и концепцию взаимопонимания. Мы укрепили стратегическое партнерство с Америкой и помогли «оранжевой революции» на Украине. Я хочу с радостью и чувством удовлетворения сказать вам: я счастлив и уверен, что это был один из лучших и удачнейших периодов в истории нашего государства. Охватывая мысленным взором эти десять лет и глядя на переломные изменения, на наши польские успехи, я хочу сердечно поблагодарить всех тех, кто трудился на благо отчизны». (*«Газета wyborcza»*, 23 дек.)

• Согласно опросу ЦИОМа, в декабре 2005 г. поляки побили все рекорды удовлетворенности жизнью: половина опрошенных (49%) довольна, что им удалось чего-то добиться; 43% утверждают, что в их жизни все складывается хорошо; 38% гордятся своими достижениями. С другой стороны, проявления недовольства достигли минимального уровня. На высоком уровне удерживается лишь раздраженность (49%), хотя и она сильно уменьшилась. В разочарованности и усталости признаются 36% опрошенных, а в возмущении и агрессии — 23%. (*«Газета wyborcza»*, 29 дек.)

• «Начиная с 2001 г. место жительства сменили от 4 до 4,5 млн. поляков (...) Жители Восточной Польши и Силезии переезжают в Варшаву, Тригород [т.е. Гдыню, Сопот и Гданьск] и Краков. В свою очередь, отсюда люди бегут в пригороды. Только со времени нашего вступления в ЕС более полумиллиона поляков уехали за границу (...) Уже сейчас 25% тех, кто временно поменял место жительства, не исключают

дальнейших переездов или планируют их». (*Киши-тоф Трембский, «Впрост»*, 15 янв.)

• «Злотый не был таким сильным с июня 2002 года. Вчера за евро давали менее 3,8 злотых, а за доллар — менее 3,14. Это прежде всего результат притока иностранного капитала. Инвесторы охотно покупают польские акции и облигации, так как положительно оценивают перспективы нашей экономики». (*«Жечпосполита»*, 6 янв.)

• «В 2005 г. Польша экспортировала продуктов питания на общую сумму 6,5 млрд. евро (...) Несмотря на сильный злотый, доходы от продажи наших продуктов питания за границу выросли в прошлом году почти на одну пятую. Больше всего мяса, хлебобулочных и кондитерских изделий мы продали в страны Евросоюза (...) Высокие цены на мировых рынках благоприятствовали экспорту молочных продуктов (...) Увеличился и объем экспорта растительных продуктов». (*Беата Древновская, «Жечпосполита»*, 6 янв.)

• «При сравнении 11 первых месяцев прошлого года с аналогичным периодом 2004-го хорошо видно, что общий объем экспорта вырос за это время на 18,7%, а импорта — на 12,2% (...) Больше всего товаров мы по-прежнему продаем в Германию — туда идут 28,2% нашего экспорта (...) Все большее значение приобретают и другие страны, где объем нашего экспорта растет особенно быстро — это, в частности, Россия (рост — 40%, доля экспорта — 4,4%), Чехия (рост — 25%, доля экспорта — 4,5%) и Великобритания (рост — 22%, доля экспорта — 5,6%)». (*«Газета wyborcza»*, 13 янв.)

• Старейшие существующие по сей день польские предприятия — это, в частности, соляные копи «Величка» (основаны в 1241 г.), пивоваренный завод «Намыслув» (1538), катовицкая угольная шахта «Мурцки» (1657), металлургический комбинат «Малапанев» (Озимек, 1754), Варшавская бумажная фабрика (Константин-Езерна, 1760), Государственный монетный двор (Варшава, 1766), чугунолитейный завод «Стомпоркув» (1785), Цмеловский фарфоровый завод (1790), Завод механических приборов (Поремба, 1798), текстильная фабрика «Бельбав» (Белява, 1805), Национальное издательство им. Оссолинских (Вроцлав, 1817). (*«Политика»*, 24-31 дек.)

• «Согласно докладу Европейской комиссии (...) Польша плетется в хвосте ЕС по объему инвестиций в новаторство — мы заняли лишь 21-е место». (*«Газета wyborcza»*, 13 янв.)

• По словам Даниэля Гросса, эксперта брюссельского Центра исследований европейской политики (CEPS), в 1989 г. Польша была на краю банкротства. Сегодня уровень жизни в Польше только в два раза ниже, чем в Германии — экономическом гиганте Европы. Это результат смелых и последовательных реформ, которые проводили сменявшие друг друга польские правительства, а также интеграции в ЕС, которая вынудила Польшу открыть рынок и принять стабильное, благоприятствующее предпринимательству законодательство. Евросоюз — единственный в мире регион, где выравнивание уровня доходов богатых и бедных стран идет настолько успешно». (*«Жечпосполита»*, 14-15 янв.)

• «Программу AMP (Advanced Management Program) будет осуществлять [в Польше] барселонская IESE Business School. Это часть расположенного в Пампелуне Наваррского университета, принадлежащего «Opus Dei» — влиятельной католической организации мирян и духовенства (...) В AMP могут участвовать только лица, занимающие высшие должности в сфере предпринимательства, т.е. те, кто принимает окончательные решения в управлении фирмами». (*«Жечпосполита»*, 16 дек.)

• «В Польше уменьшается количество библиотек. По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 1995 г. их было 9,5 тысяч, а в 2003 г. — уже на 1,8 тыс. меньше (...) В последние годы поляки жалуются, что им не хватает денег на книги. Книги читают менее 60% общества, а покупают только 40% (...) В период с 1995 по 2003 г. в публичных библиотеках незначительно увеличилось количество читателей — с 7 до 7,5 миллионов (...) В этот же период сократился книжный фонд — количество экземпляров на душу населения уменьшилось с 22,4 до 19,8». (*«Газета wyborcza»*, 8 янв.)

• Согласно опросу института ГФК «Полония», если бы выборы состоялись в начале января, «Право и справедливость» (ПиС) получило бы в Сейме большинство — 243 депутатских мандата. «Гражданской платформе» (ГП) досталось бы 170 мандатов, «Самообороне» — 47. (*«Жечпосполита»*, 11 янв.)

• «В декабре первое место в рейтинге доверия занял премьер-министр Казимеж Марцинкевич — ему доверяют 63% опрошенных ЦИОМом (...) На втором месте новоизбранный президент Лех Качинский с 61% (...) Следующие места заняли президент Александр Квасневский (58%), лидер ГП Дональд Туск

(57%) и председатель ПиС Ярослав Качинский (56%)». (*«Газета wyborcza»*, 20 дек.)

• «Еще несколько дней назад мало кто верил, что лидеры стран-членов ЕС способны ограничить свои национальные запросы и согласовать бюджет Евросоюза на ближайшие семь лет (...) Однако в субботу в три часа ночи, после 36 часов мучительных попыток договориться, Казимеж Марцинкевич вышел из зала переговоров с улыбкой на лице (...) Нам достанется каждое пятое евро, предназначенное на структурные расходы Брюсселя. В 2007-2013 гг. мы получим 59,65 млрд. евро на развитие бедных регионов. Польша будет главным получателем помощи ЕС. Мы не добились бы этого результата без решительной позиции польского премьера на переговорах (...) После его дебюта в Евросоюзе нам удалось отвоевать почти 60% обещанных нам бюджетных средств, которые председательствующие в ЕС британцы хотели сократить». (*«Жечпосполита»*, 19 дек.)

• Комиссар ЕС по региональной политике Данута Хюбнер: «Это был очень удачный для Польши саммит ЕС. Польша несомненно добилась успеха. Пожалуй, в своей части Европы она вернула себе позицию лидера, который заботится об общих интересах всех стран региона. Ее действия были восприняты очень положительно». (*«Газета wyborcza»*, 19 дек.)

• «Бывшая зам. председателя ГП Зита Гилёвская назначена вице-премьером и министром финансов в правительстве ПиС (...) Она известна как решительная сторонница плоского налога (...) Гилёвская сама ушла из ГП, когда вышло на явь, что она устроила свою невестку на работу в собственную депутатскую приемную, а сыну платила за юридические экспертизы». (*«Газета wyborcza»*, 7-8 янв.)

• «Смену [министра] положительно восприняли аналитики финансовых рынков и экономисты. С другой стороны, ее подвергли резкой критике «Лига польских семей» и «Самооборона», которые чувствуют себя обманутыми после введения в правительство столь либерального политика». (*Александра Майда, «Жечпосполита»*, 9 янв.)

• «После назначения Зиты Гилёвской вице-премьером и министром финансов инвесторы буквально бросились скупать нашу валюту, акции и облигации. В течение четырех часов евро подешевело на 4 гроша». (*«Газета wyborcza»*, 10 янв.)

• «Министр [иностраннных дел Стефан] Меллер ведет в США переговоры о помощи Украине, которой грозит газовый шантаж со стороны России. Во время встреч в Госдепартаменте, Белом доме и Конгрессе Меллер больше всего говорил о российско-украинском споре. Польша представила американцам не-

сколько вариантов действий». (*«Газета выборча», 21 дек.*)

• Президент Александр Квасневский: «Ни в коем случае (...) нельзя допустить ситуацию, в которой мир, Европа закрывали бы глаза на то, что в России совершаются действия, далекие от демократических стандартов. Евросоюз совершает ошибку, не делая ничего, чтобы через Россию повлиять на ситуацию в Белоруссии (...) Украине важна европейская перспектива. Россия сделает еще очень много для того, чтобы сохранить и усилить свое влияние на Украине. Ответом со стороны Европы должно стать предложение [Украине] вступить в НАТО в 2008-2009 гг. и начать серьезные переговоры о вступлении в ЕС». (*«Жечпосполита», 22 дек.*)

• Из обращения к народу президента Леха Качиньского после вступления в должность: «Мы хотим, чтобы [Европейский] союз был организацией, способствующей постоянному, тесному и институциональному сотрудничеству европейских государств, основанному на принципе солидарности (...) Стратегический союз с Украиной должен приобрести более конкретные очертания. Укрепление сотрудничества с Литвой и Эстонией (...) — еще одна наша цель. Огромное значение для нас имеет также защита гражданских прав в Белоруссии, особенно защита прав польского меньшинства. Живым содержанием нужно наполнить Вышеградские соглашения, наши отношения с Чешской Республикой, Словацкой Республикой и Венгрией. Много говорит о том, что неиспользованными остаются возможности сотрудничества со скандинавскими странами, особенно в связи с ситуацией в Балтийском море. Очень важны и наши отношения с Россией, которая на протяжении веков, несмотря на все превратности судьбы, остается нашим великим соседом. Мы смотрим на них прежде всего с исторической перспективы, сохраняя терпение и уверенность в том, что нет объективных причин, по которым они должны быть плохими». (*«Жечпосполита», 24-26 дек.*)

• Министр экономики Петр Возняк: «Вчера утром упало давление в газопроводе, по которому [российский] газ идет через Украину (...) Если бы в прошлом политики подписали договоры о поставках сырья из Дании и Норвегии, нынешняя ситуация не внушала бы такого беспокойства». (*«Жечпосполита», 2 янв.*)

• «В газовой войне, объявленной Украине Россией, преследуются прежде всего политические цели: поставить Киев на колени и добиться поражения Виктора Ющенко на мартовских парламентских выборах, чтобы к власти могли прийти послушные Мо-

скве пророссийские политики (...) Ситуация ясна и для нас: кто бы ни правил в Польше, он должен добиться ограничения монополистской позиции «Газпрома» на нашем энергетическом рынке. Это так же важно, как вывод из Польши советских войск в начале 90-х (...) Конечно, за все это придется заплатить, но другого выхода нет. Ставка в этой игре — конкретные национальные интересы Польши. Они противоречат интересам Москвы, и с этим ничего не поделаешь». (*Славомир Поповский, «Жечпосполита», 2 янв.*)

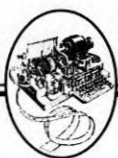
• Как сообщила Канцелярия президента, «созданный Лехом Качиньским Совет национальной безопасности на своем первом заседании подчеркнул необходимость немедленно принять решение о строительстве терминала для сжиженного газа, предпринять шаги, направленные на диверсификацию поставок газа в Польшу, и увеличить добычу газа в стране».

• Халина Бортновская: «Надо признать, что никто не может быть исключительно жертвой или исключительно палачом. Люди меняют свои роли. Поляки были жертвами, но нам случалось и причинять зло. Это зло мы передавали дальше по принципу: «Если мне плохо, то я сделаю кому-нибудь еще хуже». Трудно отомстить обидчику, поэтому месть переносится на других, более слабых (...) Но ведь когда-нибудь надо разорвать эту цепь. Именно в этом заключается прощение». (*«Газета выборча», 24-26 дек.*)

• В праве въезда в Белоруссию отказано советнику премьер-министра по делам поляков за границей Михалу Дворчику. Белорусские пограничники заявили ему, что его присутствие на территории Белоруссии нежелательно. (*«Жечпосполита», 12 дек.*)

• «Продержав сутки в минском аэропорту аккредитованного в Белоруссии корреспондента Польского телевидения Агнешку Ромашевскую, белорусские власти депортировали ее (...) Пограничники аннулировали ее визу, вручили ей решение о депортации и посадили в самолет, следующий в Польшу. В качестве причины депортации на решении было написано: «Другие причины». (*«Газета выборча», 15 дек.*)

• «Власти Белоруссии обязали двух польских священников Минско-Могилевской архиепархии покинуть страну до конца [декабря] месяца. Между тем президент Александр Лукашенко сказал, что государство продолжает поддерживать белорусскую римско-католическую Церковь. Лукашенко поздравил с Рождеством белорусских католиков в лице митрополита Минско-Могилевского кардинала Казимира Свёнтека. По словам кардинала, визит президента «свидетельствует о том, что отношения между государством и Церковью разви-

ваются все более успешно». (*«Тыгодник повсехний»*, 8 янв.)

- «Польша создаст независимую радиостанцию, вещающую на Белоруссию, и пошлет правительственных наблюдателей на мартовские президентские выборы — такую помощь белорусской оппозиции обещал премьер-министр Казимеж Марцинкевич, встретившийся в Белостоке с оппозиционным кандидатом в президенты Александром Милинкевичем. «Польша всегда и везде поддерживала демократические перемены. Тем более она должна сделать это для своего ближайшего соседа», — сказал Марцинкевич». (*«Газета wyborcza»*, 6-7 янв.)

- «Общество «Казахская община в Польше» и «Жечпосполита» возмутились тем, что маршал Сената Богдан Борусевич был гостем на инаугурации президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, которого никак нельзя назвать демократическим лидером. Но разве для политика, считающего себя демократом, визит в страну, управляемую сатрапом, встреча с ним и совместная фотография равнозначны измене самому себе, высоким идеалам и безупречной биографии? (...) Одно дело — вручать ордена, называть диктаторов демократами или сознательно закрывать глаза на их неблагоприятные поступки, а совсем другое — наносить плановые дипломатические визиты в их столицы». (*Войцех Ягельский, «Газета wyborcza»*, 13 янв.)

- «Свобода и право на самоопределение литовцев всегда были для польской демократической оппозиции незыблемым канонem», — сказал Адам Михник в посольстве Литвы в Варшаве, где литовский министр иностранных дел вручил ему, Богдану Борусевичу и еще полтора десяткам политиков и журналистов награды за заслуги в деле обретения Литвой независимости (...) Награждены были также представители органов местного самоуправления и полицейские, которые в 1991 г. поддержали литовцев, создававших в Польше эмигрантское правительство на случай интервенции Москвы». (*«Газета wyborcza»*, 13 янв.)

- «Награды были вручены, в частности, Яну Вальчику с дочерьми Анной и Лилианной — владельцам гостиницы «Заязд Наполеонский» («Наполеоновский постоялый двор») на ул. Пловецкой [в Варшаве]. В январе 1991 г. старинное здание из камерной гостиницы превратилось в штаб литовских оппозиционеров, которые, прорвавшись через зеленую границу, планировали создать в Польше эмигрантское правительство (...) Свежая информация из Вильнюса поступала бесперебойно благодаря специальной телефонной линии, соединявшей «Заязд Наполеонский» с литовским парламентом. Связь поддерживалась непрерывно в

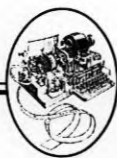
течение двух недель, что было большой заслугой работников Польской телекоммуникации (...) Продавцы в магазинах давали литовским беженцам одежду. Люди бросали деньги в ящики для пожертвований (...) Были задействованы и полицейские. Например, они охраняли деятеля литовской Полонии Чеслава Окинчица (ныне советника президента Валдаса Адамкуса), которому удалось бежать в Польшу (...) Анджей Ожеховский, в то время начальник местного отделения полиции, (...) приказал своим людям (...) охранять «Заязд Наполеонский». (*Анна Кренжлевич, «Газета wyborcza»*, 14-15 янв.)

- «С января в рамках задач НАТО польские летчики будут патрулировать небо над Литвой, Латвией и Эстонией. С аэродрома в Минске-Мазовецком в Литву вылетели 68 военных, техников, механиков, метеорологов и связистов. К ним присоединились шесть пилотов и четыре истребителя МиГ-29. Пилоты будут реагировать на нарушение границы посторонними самолетами (...) Миссия продлится три месяца». (*«Жечпосполита»*, 28 дек.)

- «Польский воинский контингент останется в Ираке до конца 2006 года — об этом заявил премьер-министр Казимеж Марцинкевич, а президент Лех Качинский утвердил его решение. Численность контингента уменьшится с 1400 до 900 человек. Изменится и характер миссии: он будет консультативным и учебным». (*«Тыгодник повсехний»*, 8 янв.)

- Проф. Бронислав Геремек, евродепутат, бывший министр иностранных дел: «Я бы хотел особо подчеркнуть, что после 1989 г. [сменявшиеся польские] правительства вели внешнюю политику в той форме, за которую боролась «Солидарность» (...) Наша внешняя политика, соединяющая лозунги свободы и независимости с выбором фундаментальной международной ориентации, осуществлялась и будет осуществляться впредь. Весь политический лагерь, уходящий корнями в «Солидарность», должен воспринимать такое положение дел с удовлетворением и гордостью». (*«Газета wyborcza»*, 13 янв.)

- «Как сообщила газета «Джерузалем пост», американские евреи и еврейская община Кракова передадут полякам дом Иоанна Павла II. Небольшой дом, где родился и вырос Кароль Войтыла, принадлежал семейству Баламутов. Во время войны вся семья стала жертвой Катастрофы. Спасся только Хаим Баламут, который некоторое время назад хотел продать дом за миллион долларов. В конечном итоге здание купит еврейская община Кракова, а затем передаст полякам в знак благодарности за позицию Иоанна Павла II по отношению к евреям». (*«Тыгодник повсехний»*, 25 дек.)

• Александр Квасневский дал показания в ходе беатификационного процесса Иоанна Павла II (...) Встреча с представителями Церкви прошла в президентском дворце. Вопросы задавал епископ Тадеуш Перонек, председатель краковского беатификационного трибунала (вспомогательного по отношению к трибуналу в Риме) (...) Вопросов было по крайней мере несколько десятков». (*«Жечпосполита»*, 21 дек.)

• «Збигнев Соботка не сядет на 3,5 года за старуховицкую утечку информации (...) Бывший замминистра [внутренних дел] оказался в числе 13 мелких преступников, помилованных [президентом Александром] Квасневским за неделю до конца его полномочий. Среди помилованных нет [бывших депутатов] Генрика Длугоша и Анджея Ягелло, тоже получивших приговоры по старуховицкому делу, а также Рышарда Калиша, бывшего президентского юрисконсульта. Президент смягчил Соботке наказание до одного года условно с двухлетним испытательным сроком, но оставил в силе запрет занимать публичные должности на протяжении пяти лет (...) По мнению [министра юстиции Збигнева] Зёбро, «старуховицкая афера» — символ коррупции власти и предательства замминистра по отношению к полицейским». (*«Жечпосполита»*, 17-18 дек.)

• «В студии радио «Мария» премьер-министр Казимеж Марцинкевич обещал проверить, чем руководствовался президент Квасневский, когда подписывал акт о помиловании Збигнева Соботки. Это уже второй визит главы правительства в торунскую штаб-квартиру телевидения «Трвам» и радио «Мария» (...) Ранее (...) в одной из передач выступил министр-координатор спецслужб Збигнев Вассерман». (*«Газета wyborcza»*, 19 дек.)

• «После почти пяти месяцев следствия по делу об избитии детей работников российского посольства в Варшаве и краже их мобильных телефонов задержан 21-летний житель варшавского района Стегны Филип П. Согласно показаниям свидетелей, он был одним из мужчин, совершивших нападение (...) В августе за решеткой оказались трое других мужчин. Однако им было предъявлено лишь обвинение в скупке краденого: у них нашли телефоны, украденные у россиян (...) Полиция вышла на след еще одного преступника». (*«Жечпосполита»*, 21 дек.)

• «После публикации в «Жечпосполитой» премьер отправил в отставку министра государственной казны Анджея Микоша (...) Во вчерашней статье «Замем семейства Микошей» мы рассказали о связях Анджея Микоша с Витольдом В., обвиненным в биржевых махинациях. В декабре 2002 г. Микош от имени своей жены заключил с Витольдом В., кото-

рый действовал от имени своей матери, договор о займе на сумму, равную 370 тыс. долларов наличными». (*«Жечпосполита»*, 4 янв.)

• «По распоряжению главного комиссара полиции, его подчиненные могут силой задерживать парламентариев, подозреваемых в вождении в нетрезвом виде и отказывающихся пройти тест на трезвость. Первой жертвой новых правил стал депутат «Самообороны» Януш Вуйчик». (*«Тыгодник польский»*, 15 янв.)

• Марек Мигальский, политолог из Силезского университета: «Предвыборные обещания «Права и справедливости» можно вкратце изложить так: «Может, мы и не станем богаче и нам не будет житья удобнее, но зато жизнь наверняка станет честнее и чище». Таким образом, решающими факторами [успеха или поражения ПиС] будут качество кадров и народное доверие, а не уровень безработицы или экономический рост». (*«Ньюсуик-Польша»*, 8 янв.)

• «ПиС и правительство Казимежа Марцинкевича — это новый медийный и рекламный уровень (...) Политики ПиС ценят радио «Мария» и ТВ «Трвам» не столько из-за личности о. Тадеуша Рыдыка, сколько из-за публицистических форм, практикуемых этими СМИ. Только там политики могут два-три часа подряд говорить все что угодно, не подвергаясь нападкам журналистов (...) и обращаясь к доброжелательной, политически однородной аудитории — своей целевой группе (...) Членов правительства мило представляют, ведущий перечисляет все их достижения и называет количество детей. Никакой другой телеканал или радиостанция не могут и не хотят предложить политикам такие условия (...) В эфире радио «Мария» при открытом занавесе создается новый улучшенный мир спокойных и деловых людей (...) В таких взаимоотношениях с избирателями преобладает искренность, ибо политики ПиС знают, что имеют дело с себе подобными (...) Они дают этим людям ощущение совместного участия в преображении страны. Пожалуй, такого единства партии и избирателей еще не было». (*Мариуш Яницкий, «Политика»*, 7 янв.)

• Епископ Петр Либера, генеральный секретарь Епископской конференции Польши: «Радио «Мария» вызывает беспокойство польских епископов». (*«Жечпосполита»*, 20 дек.)

• Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: «Если радио «Мария» хочет быть католическим, оно должно укреплять единство Церкви. Между тем его деятельность ведет к расколу». (*«Газета wyborcza»*, 23 дек.)

• «Официальный представитель Ватикана в Польше апостольский нунций архиепископ Юзеф Ковальчик выступил вчера с резким заявлением (...) Архиепископ Ковальчик пишет, что деятельность духовных лиц — в общественной сфере, в фондах или в фирмах, — «каким-либо образом связанная с авторитетом Церкви, должна осуществляться с письменного разрешения соответствующего ординария, а в случае организаций общепольского масштаба — с разрешения Епископской конференции Польши». Такое разрешение необходимо и для «одобрения», пусть даже молчаливого, этой деятельности предстоятелями Церкви (...) «Эти предписания прямо обращают наше внимание на вопросы типа радио «Мария», — комментировал заявление нунция епископ Тадеуш Перонек». (*«Газета wyborча»*, 10 янв.)

• «Несколько лет назад о. Алоизий Венцель из Устрои (...) настоятель прихода Доброго Пастыря (...) основал приют для бездомных, жильцы которого не только получают кров и пищу, но и обучаются какой-нибудь профессии. Рядом с приютом действует нечто вроде бюро по трудоустройству (...) Сегодня владельцы местных предприятий предпочитают искать специалистов в его бюро, а не в обычных: имя священника — гарантия качества и честности (...) В приходском бюро по трудоустройству никто не ведет статистику, однако известно, что благодаря отцу настоятелю работу в округе нашли уже больше ста человек». (*«Ньюсуик-Польша»*, 18 дек.)

• «На второй день Рождества [26 декабря] исполнилось 70 лет выдающемуся польскому прозаику Казимежу Орлосю (...) В годы ПНР он брался за самые трудные, запретные темы — например, написал книгу о катынском преступлении (...) Однако рассматривать его творчество в политических категориях было бы большим упрощением. Его книги — это протест против деградации мира (...) Орлось — с виду бесстрастно — показывает людей, которые утратили все тормоза и разрушают всех и вся, в т.ч. и самих себя. Особенно болезненно автор переживает зло, причиненное детям, инвалидам и животным. Это единственный польский писатель высокого класса, который по-настоящему страстно защищает природу, бьет тревогу, показывая ее истребление и надвигающуюся

опасность». (*Кишитоф Маслонь, «Жечпосполита»*, 24-26 дек.)

• «По мнению журнала «Лёвца польский» («Польский охотник»), в ворон, сорок и грачей нужно стрелять, ибо так уже долгие годы поступают в Дании. Жаль, что в качестве примера приводится страна, где большинство распространенных у нас птиц давно принадлежит к числу редких (...) По данным Всепольского общества охраны птиц, которое уже долгие годы ведет «Мониторинг распространенных гнездовых птиц», в Польше живут 10-20 тыс. пар воронов, 50-150 тыс. пар серых ворон, 200-500 тыс. пар сорок и 300-600 тыс. пар куропаток (...) Откуда же у охотников эта бессмысленная ненависть ко всем, кто каркает или у кого есть когти и кривой клюв? Все дело в том, что зайцев и куропаток действительно все меньше, и нужно найти виноватого. А черные птицы идеально для этого подходят, и в них несомненно легко попасть». (*Адам Вайрак, «Газета wyborча»*, 10 янв.)

• «Ежегодно польские охотничьи заказники посещают 11 тыс. иностранных охотников (...) За них борются 200 фирм, организующих охоту (...) Директор «Ловэкса», принявший в этом году 2 тыс. зарубежных гостей, оценивает свой оборот в 2 млн. евро (...) В сезон 2004-2005 гг. только на территории «Ловэкса» было застрелено 30 ланей, 291 олень, 670 кабанов, 2795 косуль, 2,5 тыс. куропаток и 1,2 тыс. фазанов. Лис никто не считал — их можно убивать даром, так как они «водятся в избытке». (*«Жечпосполита»*, 31 дек. — 1 янв.)

• Станислав Лем: «В журнале «Нэйшнл джеографик» я нашел статистическую таблицу, показывающую, сколько миллионов человек было убито в минувшие десятилетия. Это невообразимые цифры — никогда раньше люди не убили столько других людей. Как-то раз я сказал одной журналистке из Берлина, что мы — раса хищников. Потом я раздумывал, не преувеличение ли это. Сегодня я уверен, что нет! (...) Я бы очень хотел возвестить: есть какая-то надежда (...) Однако мне ничего не приходит в голову». (*«Тыгодник повсехный»*, 8 янв.)

ЭКОЛОГ В НАТО

Беседа с Анной Калиновской

— Может быть, начнем с путешествий.

— Мечта о путешествиях, о выезде из Польши во времена ПНР была прежде всего желанием вырваться из клетки, желанием участвовать в нормальной жизни мира. Опровергнуть ту истину, что мы грубо изолированы, и вместе с тем обязательно вернуться из поездки домой, на родину. Одним словом, это была потребность нормальной жизни.

Поэтому много лет спустя, когда я получила возможность лично участвовать в процессе вступления Польши в НАТО, он имел для меня еще и символическое значение: это было как возвращение из иного мира в нормальный.

— Почему вы тогда попросту не уехали из Польши?

— Потому что это было бы бегством, то есть чем-то ненормальным. А я хотела жить нормально.

Я еще училась в лицее, когда у меня появилась возможность выехать в Швецию в летний лагерь отдыха, устроенный христианской организацией, которая хотела предоставить молодежи из-за железного занавеса возможность встретиться с западными ровесниками. В этом лагере я встретила ребят из Восточного Берлина, которым чудом удалось бежать через Берлинскую стену. Они рассказывали о своем бегстве, о тех ужасах, что пережили в ГДР. Среди них была девушка, дочь пастора, которой во время побега прострелили руку. Их рассказы убедили меня в том, что желание вырваться «из клетки» и жажда нормальности одинаково сильны во всех странах за железным занавесом. У нас дома открыто говорилось обо всем, однако только общение с ними позволило мне осознать, что такое давление режима.

Вернувшись из Швеции после каникул, я на несколько лет повзрослела по сравнению со сверстниками, потому что увидела свободный мир и узнала тех людей, которые бежали через стену, — не только для того, чтобы сбежать, но и чтобы еще что-то сделать. Помочь тем, кто остался.

— В каком году это было?

— Это было в 1964 г., и понимание того, что есть люди, которые хотят что-то изменить, разговоры о необходимости этих перемен в то время, когда все это казалось таким безнадежным, стало началом моих сомнений: в самом ли деле все должно оставаться так, как есть.

На следующий год, едва окончив лицей, я знала, что мне снова предстоит уехать. Судьба оказалась ко мне милостивой, вернее судьбу спровоцировала моя мама. По окончании первого курса она устроила мне приглашение в Англию, к своим друзьям, в качестве няни к детям.

В их большом доме под Лондоном была большая ванная, а в ней огромная полка с книгами — там были все эмигрантские издания.

Это был еще один ускоренный урок, и не только истории, — это был еще один скачок сознания. И своего рода путешествие во времени.

В Англии случилось и еще кое-что: я встретила молодого человека, с которым нас соединило, как это обычно говорится, романтическое чувство. Он был сыном польского офицера, родился во Львове уже после того, как отец ушел на фронт. После войны отец вместе со II Корпусом оказался в Англии и в течение многих лет пытался вытащить к себе жену и сына. После многих невообразимых трудностей и побега через границу, семья, наконец, воссоединилась в Великобритании, а мой друг начал работать в польской секции Би-Би-Си. Когда после своей работы в каникулы я вернулась в Польшу, нашим знакомством немедленно заинтересовались соответствующие органы. Я же по своей наивности добивалась выезда по его приглашению — кончилось тем, что у меня на несколько лет отобрали заграничный паспорт. Он хотел приехать в Польшу, но не получил визу, нам пришлось встречаться в соседних странах, например, в Чехословакии, куда в то время можно было поехать в турпоездку, то есть минуя паспортное бюро. Для тех, кто оказался в таком положении, выезд в Англию на постоянное жительство грозил невозможностью вернуться в Польшу, а я на это не решилась.

В конце концов наш союз распался. Как в песне поется: «Я за морем, ты за морем». Все это еще более усилило ощущение замкнутости и изоляции. Усугубился «паспортный синдром», сопровождавший меня до конца существования ПНР.

— А вы с еще большей решимостью постановили доказать, что и здесь можно жить нормально.

— Тут, собственно говоря, было уже не только желание перемен и путешествий, жажда нормальности, но и моя личная «партизанская война в форме выезда» с режимом, с коммунистической системой, усиленная и этой печально-романтической историей.

Эта невероятная решимость: я все-таки должна выезжать и не позволю запереть себя как в ящике, — и привела в конце концов к тому, что в паспортном бюро что-то треснуло, и дело пошло.

Это был вдвойне горький успех: спасти наши отношения было уже слишком поздно, а вдобавок многие считали, что если мне все-таки удастся выезжать из Польши, значит, у меня есть какие-то связи.

Между тем мои упорные хождения по всяким учреждениям не имели ничего общего ни с какими связями и тайными договоренностями — я делала это ради себя самой. Я хотела показать, что можно вырваться из клетки без всяких уступок. Мне хотелось ездить, познавать, делиться впечатлениями, но когда я возвращалась из таких вояжей и на меня смотрели с подозрением, то я замыкалась в себе, и часто мне просто не хотелось рассказывать об этих поездках, чтобы не вызывать зависти или каких-то домыслов. Но наряду с «подозрительными» выездами на Запад, по-прежнему существовала дозволенная зона для путешествий в «страны народной демократии». И такие путешествия, как, например, научная экспедиция по Монголии или поездка на Байкал, я вспоминаю сегодня особенно тепло.

— И вот 80-е годы — время «Солидарности».

— Это были прекрасные времена, когда границы начали открываться. В середине 1981 г. мне удалось выехать на научную стажировку в Данию, там меня застало военное положение. Мной тогда овладели противоречивые чувства: я опасалась, что если я, в соответствии с декретом о военном положении, немедленно не вернусь из-за границы, то потом лишуся права приехать на родину. Но все же я оставалась в Дании еще несколько месяцев. Правда, нарастало ощущение, что меня опять заперли, только по другую сторону клетки.

Когда я вернулась, многие удивлялись: в Скандинавии те, кто тогда остался, могли неплохо устроиться, получить квартиру, работу... Я потом написала книгу, такую небольшую повесть под названием «Короткий поводок».

И потом, по возвращении, еще в той безнадежной атмосфере военного положения, появлялись некоторые новые возможности для поездок. Это был «аэрофлотский» туризм (использующий специальные дешевые билеты советских авиалиний для групповых поездок), когда вместе с группами, состоявшими из торгашей и контрабандистов — они тогда были форпостом свободного рынка, — можно было побывать в весьма экзотических местах, например, в Индии или Таиланде. Выгодно «обменяв» купленное у нас в «ПевЭксе» [польская «Березка», валютный магазин] виски на индийские рупии, а потом продав в Польше купленные за эти рупии в Индии модные тряпки, можно было получить очень хорошую разницу в цене. Благодаря этому путешествия оказались доступными для людей, обладавших решимостью что-то в мире увидеть, несмотря на невысокую зарплату и лимит валюты, которую гражданин, выезжая, имел право купить...

Тогда я совершила свое самое большое путешествие, продолжавшееся почти три месяца, по Индии и Непалу, а затем второе — в Гималаи, включавшее также Сингапур, Малайзию и Таиланд, причем значительную часть маршрута я проехала самостоятельно. Никто тогда еще не слышал о террористах, похищающих туристов, или об отрядах маоистов в сельской части Непала.

В этих путешествиях необычайно увлекательным было также то, что, прорвавшись из другого мира, чтобы познакомиться с экзотикой, ты вдруг замечашь, что для местных жителей ты точно так же экзотична.

— Но в этот период вы не только имели возможность совершать экзотические путешествия — вы работали с нелегальными издательствами, сотрудничали с Комитетом по оказанию помощи ближнему в Подкове-Лесной, у вас дома был организован театр...

— Это время было мрачное и полное абсурда, но с другой стороны — весьма плодотворное интеллектуально. А для меня, не переносящей «замкнутости», очень важным было то, что начали разрушаться социальные барьеры внутри общества. В подпольной деятельности встретились художники, актеры, юристы и люди множества других профессий. В Подкове-Лесной при храме св. Христофора был создан Приходской комитет помощи ближнему, в котором под опекой священника Леона Канторского собрались люди самых разных возрастов и профессий.

Вернувшись в Польшу еще при военном положении, я знала, что хочу участвовать в какой-нибудь деятельности такого рода. Поначалу это было не так просто, ибо действовали определенные правила конспирации. В конце концов мне удалось наладить сотрудничество с подпольными издательствами. Сначала у меня появились связи с издательством «Пшедсвит», потом я была посредником в контактах между разными подпольными издателями.

Мне запомнился такой любопытный эпизод: в качестве распространителя изданий не только «Пшесвита», но и других издательств, я ездила в Силезию, поскольку во время прежних поездок у меня там были знакомства среди шахтеров. Потом я несколько лет ездила в Силезию с нелегальщиной, возила издания и встречалась там с шахтерами; эти встречи за пивом (которого в Варшаве постоянно не было) открывали передо мной совершенно новый, незнакомый мне мир. Тогда происходил довольно странный обмен, весьма характерный для времен ПНР: я привозила нелегальную литературу, а они взамен снабжали меня разными товарами из шахтерских магазинов, которых было не достать.

Это тоже было путешествие в иной мир, интересный для меня и с этнографической точки зрения, как поездка в Индию или Непал. Открытие чего-то совершенно неизвестного, путешествие к очень интересным людям и открытие в собственной стране новых территорий.

— Вернемся еще раз к тому, что происходило в Подкове-Лесной.

— Наверняка во многих событиях 80-х годов (сегодня уже ставших историей) Подкова-Лесна занимала свое особое место на карте Польши. Это был совершенно невероятный общественный феномен: такое скопле-

ние интеллигенции, представителей художественных кругов, людей, так сильно влиявших на формирование общественного мнения в стране, и все — в одном небольшом поселке. Структура этого интеллектуально-художественного сообщества людей свободных профессий, атмосфера довоенных традиций и история движения сопротивления времен II Мировой войны стали самой благоприятной почвой для диссидентско-демократической деятельности 1980-х. Огромную роль в качестве вдохновителя этих событий, наряду с приходским священником Леоном Канторским, сыграл учредитель Приходского комитета помощи ближнему писатель и историк Богдан Скарадзинский. Он-то и пригласил меня сотрудничать в комитете. Например, в этой деятельности мне пригодились знакомства в подпольных издательствах. На воскресные встречи с авторами приглашали известных людей: журналистов, политиков, экономистов — вы-

ступая перед аудиторией в костеле, они могли говорить о том, что действительно важно. «Домашний театр» с разными спектаклями несколько раз был гостем у меня дома. На чердаке моего дома выступали с концертами известные барды того времени — Ян Кшиштоф Келюс и Антонина Кшиштонь. На мой чердак, в небольшое в общем-то помещение, набивалось, рассаживаясь буквально где придется, и даже на полу, почти по восемьдесят человек. По сей день на полу сохранились следы этих массовых посещений. После выступления — как правило, с неоднократным исполнением «на бис» — собравшиеся пели все вместе; в моем доме, стоявшем возле самого леса, можно было нарушать принципы конспирации. После спектаклей известные актеры: Эва Далковская, Эмилиан Каминский, Анджей Пищатовский — вели себя совсем не как звезды. Часто они оставались со зрителями, шутили с ними и разговаривали еще несколько часов. Помогала я устраивать представления и в других домах. И в других местностях. Самое оригинальное из них состоялось в складском помещении большой птицефермы. Так я, эколог, совершила еще одно путешествие — в страну профессиональных организаторов сцены.

— Ранее мы говорили о ваших путешествиях по разным мирам, с которыми вам приходилось знакомиться...

— Еще во время своих поездок в Силезию я начала писать, уже не только как натуралист, но вообще писать. Благодаря домашнему театру я познакомилась с актерской средой. Мне это очень приглось, ибо, когда представляют мою книгу и надо прочесть отрывки, я всегда могу обратиться за помощью к кому-либо из знакомых артистов. Это был еще один из многих миров — актерский мир.

Другой, литературный мир — это люди, связанные с подпольными издательствами.

Но самым главным все же оставалось формирование круга людей, которым была близка сфера моей деятельности — охрана окружающей среды. Плохое состояние окружающей среды было одной из тех проблем, которых при коммунистическом режиме официально не существовало. Вместе с тем эта тема настолько назрела, что во многих странах с нее и началось диссидентское движение. Так было в Болгарии, в Венгрии, где «Дунайский круг» — люди, собравшиеся бороться против строительства плотины на Дунае и атомной электростанции, — положил начало гражданским движениям, созиданию демократического общества. В Польше это направление тоже стояло у истоков гражданского общества. Экологическое движение, боровшееся за улучшение качества окружающей среды, которая была доведена до катастрофического состояния социалистическим хозяйствованием, не считавшимся ни с людьми, ни с природой, началось именно в 80-е годы. Это тоже был один из анклавов независимости,

и я тогда участвовала в формировании группы экологов, связанных со «Службой охраны окружающей среды» — был такой независимый бюллетень. Закончилось это публикацией в 80-е годы независимого отчета о состоянии окружающей среды.

— Вы принимали участие в подготовке Польши к вступлению в НАТО и в Евросоюз.

— Возможность участвовать в этом процессе в области охраны окружающей среды была для меня очень важна. Так же, как и работа в Международном союзе охраны природы и природных ресурсов (IUCN) [ныне переименован во Всемирный союз охраны природы] — крупнейшей организации, куда входят люди и учреждения, занимающиеся охраной природы. Деятельность в этой организации и осознание того, что представители стран всего мира выбрали меня делегатом от Польши в ее высший орган — совет из 25 человек, — были для меня чем-то чрезвычайно важным и опять-таки вытекали из разных вещей. Но есть тут, конечно, и другой аспект: если участвуешь в объединении чего-то, то нельзя быть одновременно везде. Я описала эти дилеммы в своей книге «Короткий поводок», где рассказала об ограничениях и выборе, который приходится делать. А было бы здорово, если бы жизнь была как «шведский стол», где есть всё и всего можно понемножку попробовать, но, к сожалению, в жизни все иначе, и отсюда эта раздвоенность.

— Хотя вы против того, чтобы ограничиваться рамками конкретной специальности или профессии, вы, тем не менее, выдающийся эксперт в области экологии. Почему именно экология?

— Все, о чем мы беседовали, связано с моей профессией. Экология — это наука о взаимозависимостях, взаимовлияниях и взаимосвязях. Поэтому экология как наука дает мне возможность наблюдать в мире природы то, что меня больше всего интересует в мире общества, — взаимозависимость и значимость каждого элемента в функционировании целого. Экология — это еще и система мышления, признающая, что каждая часть имеет свое значение и без всех этих отдельных нитей, связей и обратных связей не сможет функционировать целое. В этом и заключается дилемма, ибо если хочешь, исходя из теории экосистемы и взаимозависимости, видеть в целом функционирование общественных, политических и природных систем на Земле, то без подобного взгляда не обойтись. То есть можно сказать так, что одному специалисту не под силу это описать, но один человек может обратить внимание других на существующие взаимосвязи, показав, что ни одну из частей целой системы — ни в обществе, ни в природе — нельзя оставить без внимания, ибо целое в таком случае не сможет функционировать непрерывно. Не будучи литератором, я, тем не менее, стараюсь об этом писать, обращаясь ко всем, а не только к естествоиспытателям. Кое-кто злорадно замечает, что с тех пор, как я начала писать, в том числе о целостности функционирования мира, я уже не могу в полной мере относить себя к среде естествоиспытателей, ибо этой среде я уже чужда. Но нельзя же замыкаться в рамках одной сферы деятельности, если жизнь дала мне возможность испытать многое. Кстати, если бы мне пришлось описывать свою роль в различных сферах деятельности, то, пожалуй, главной для меня была бы роль катализатора, человека, который помогает разным людям и организациям стать движущей силой. Эту движущую силу приобретают благодаря знаниям, а я эти знания в области окружающей среды стараюсь передавать, пытаюсь просвещать людей с помощью своих книг. Экология дала мне еще одну замечательную возможность: раньше я занималась только исследованием природы, в частности, изучала влияние кругооборота фосфора на различные среды, но у меня складывалось впечатление, что, занимаясь исключительно исследованиями, я упускаю нечто весьма важное — возможность показать людям, как изменения в окружающей среде влияют на их жизнь, как можно предотвращать разрушения. Я пришла к выводу, что следует людям многие вещи объяснять, показывать, что это необходимые знания, следует убеждать людей, как важно мобилизовать сознание общества, мобилизовать экологические движения. Моя работа в Международном союзе охраны природы дала мне такую возможность — передавать международный опыт Польше, но одновременно позволила познакомиться и международный мир экологических деятелей с польскими достижениями в области охраны природы.

— Вы не только участвовали в такой работе среди гражданских деятелей, но еще и участвуете в разработке проектов по охране окружающей среды, осуществляемых НАТО.

— Мое сотрудничество с НАТО основывается на том, что в деятельности НАТО, наряду с оборонным аспектом, присутствует также такой аспект, как созидание мира во всем мире с помощью деятельности на благо окружающей среды. Считается, что вопросы, связанные с окружающей средой: с отсутствием доступа к воде, заражением возделываемых почв, загрязнением воздуха, — серьезная причина конфликтов в мире. Совместная деятельность на благо улучшения состояния окружающей среды и справедливого доступа к ее благам — это в настоящий момент один из важнейших методов предотвращения войн. Поэтому мне удалось убедить комитет НАТО по вызовам современному обществу (в его задачи входит также забота об окружающей среде) заняться программой совершенствования экологического мышления в армии с помощью экологического образования. Армия — это очень большая группа людей, но во многих странах, где существует срочная служба, как в Польше например, довольно часто образование молодых людей завер-

шается именно в армии. Потом они переносят определенные образцы поведения в армии в гражданскую жизнь, и тут открывается прекрасная возможность формировать таким образом экологическое мышление в рамках всего общества.

Оказалось, что этот проект очень понравился, и в течение четырех лет я вела группу, в которую включились не только члены НАТО, но и его партнеры. Этот проект вызвал интерес и в России, ибо НАТО начало осуществление программы сотрудничества с Россией, считая, что сближение между странами возможно именно через решение проблем, которые касаются всех и при этом носят нейтральный характер, что свойственно сфере охраны окружающей среды. Этому служит просвещение в области экологии, которое ведет к стиранию различий между странами в этой сфере. В ходе осуществления проекта, которым я занималась на протяжении четырех лет, мы встречались с представителями 16 стран и действительно использовали все возможные способы просвещения, включая фильмы, армейские конкурсы, книги, учебники — то, что может послужить делу просвещения в области охраны окружающей среды. Все это было собрано на компакт-диске, включая адреса тех организаций, где эти материалы можно получить. Чтобы те страны, которые пока еще не располагают широко развитой системой просвещения, могли воспользоваться образцами и методиками, уже разработанными другими, чтобы не тратить время на изобретение того, что уже разработано. Этому и служит идея комитета НАТО по вызовам современному обществу — идея использования технологий, разработанных не только для армии, но и в целях охраны окружающей среды и в целях просвещения.

Такую деятельность в международном масштабе проводит также Организация Объединенных Наций. Я имела возможность участвовать в Совете Земли, то есть в крупнейшей, организуемой каждые 10 лет конференции ООН, посвященной вопросам окружающей среды. Последняя по времени конференция состоялась в Йоханнесбурге в 2002 г. и была посвящена подведению итогов за прошедшие десять лет, то есть за период, истекший со времени первой конференции, проходившей в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Это было, пожалуй, самое представительное собрание людей, занимающихся проблемами окружающей среды, с участием представителей правительств, глав государств, президентов; были намечены совместные действия, которые провозглашены целями развития ООН в новом тысячелетии. Это была встреча, определившая направление политики стран всего мира. Я была очень горда тем, что могу участвовать в пленарном заседании, представляя Международный союз охраны природы. Но вопрос в том, что все эти высокие цели осуществляются потом в весьма малых масштабах, а те, кто пытается их осуществить, словно ведут партизанскую войну, стараясь как можно шире эти цели распропагандировать, прилагая усилия к тому, чтобы эти документы не затерялись в ящиках письменных столов, а дошли до общественности. Сейчас проводится в широком масштабе акция, более всего связанная с моей специальностью, — Десятилетие просвещения ради устойчивого развития. Признание важности просвещения в таком масштабе всегда оставалось пределом моих мечтаний... Ибо то, что было для меня делом первостепенной важности, — просвещать людей с помощью книг, убеждать их в том, сколь сильное влияние на нашу жизнь имеет охрана окружающей среды, — теперь получило одобрение на высшем международном уровне. И мне очень приятно, что я была в авангарде просветительской деятельности, что у меня была возможность начать эту деятельность в Польше еще в 80-е годы, когда нам и не снилось, что мы сможем подключиться к работе в этом направлении. В первом в Польше учебнике по междисциплинарному подходу к проблемам охраны окружающей среды «Экология — выбор будущего» (1992) я писала: «Нельзя не признать, что формирование общества, развивающегося в гармонии с законами природы, в огромной мере зависит от нашего подхода, образа мыслей и чувств каждого из нас как члена общества. И все это формируется именно благодаря просвещению в русле философии целостности».

— Для многих людей наступает в жизни такой момент, когда начинаешь подводить итоги, и многим хотелось бы что-то изменить в своей жизни, если бы можно было вернуть время назад.

— Наверняка есть много такого, о чем сожалеешь, что можно было бы сделать иначе, но тут же начинаешь думать о том, что если бы все пошло иначе, то не произошло бы того, что было потом. Многие события в моей жизни мне очень дороги, ибо открыли для меня какую-то иную, интересную сторону мира, причем не только в географическом аспекте, но и в более широком — общественном и человеческом.

Вот в этом и заключается раздвоение, о котором мы все время говорим, та любознательность и то метание между желанием самому увидеть, попробовать и ко всему прикоснуться и необходимостью выбрать то, что важно в данный момент.

Да, кое-что могло бы сложиться иначе, но в принципе любой накопленный опыт для меня важен.

Беседу вела Сильвия Кшемяновская

Лешек Шаруга

«КУЛЬТУРА» И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

I.

Вероятно, по-своему парадоксален тот факт, что один из самых оригинальных и ценимых Ежи Гедройцем публицистов «Культуры» в последние годы не раз выражал сожаление о том, что Львов перестал быть польским городом. Это тем более любопытно, что автор, относящийся к Гедройцу с нескрываемым восхищением и считающий его одним из редких образцов для подражания, обладает у польской общественности нерушимым авторитетом. Речь идет о Станиславе Леме (печатавшемся в «Культуре» под псевдонимом «Г-н Знаток»), чей «Высокий Замок» как будто развивает эгегическое стихотворение Збигнева Херберта, где говорится:

Этот город —
Нету города
Ушел под землю
Чуть еще светится
Как пень трухлявый
Пустое место
Но все еще воздух над ним дрожит
От тех голосов

(Здесь и далее фрагменты стихов в пер. Н. Горбаневской)

И, может, действительно жалко, что в польской литературе Львов не дождался, как Гданьск, своего Грасса. Свое огорчение, говоря о Херберте, выразил Анджей Павлишин: «В его творчестве (...) ощущается метафизическая боль; на мой взгляд, без Львова невозможно было написать все, что он написал. Я ощущаю его боль, когда он пишет о страхах господина Когито, который не хочет возвращаться в родной город, потому что не застанет там никого — только тень и пепелище, — но думаю, что в известной степени это преувеличение, как преувеличено и мнение Станислава Лема, который так ни разу и не захотел вернуться во Львов». «Не хотел вернуться» во Львов и Ежи Гедройц, что, как известно, обошлось «Культуре» потерей немалого числа подписчиков. В ноябре 1952 г. на страницах журнала было напечатано письмо свящ. Юзефа З. Маевского — а известно, что редактор «Культуры» рассматривал отдел писем в редакцию как своего рода «свободную трибуну» (причем случалось, что он и сам инспирировал некоторые письма), — где вопрос «утраченных земель» был поставлен с необычайной решимостью, притом в противостоянии тогдашним настроениям не только эмиграции, но и немалой части общественности в стране. Маевский писал: «...как мы, поляки, имеем право на Вроцлав, Щецин и Гданьск, так и литовцы справедливо требуют Вильнюса, а украинцы — Львова. (...) Пусть литовцы, которые испытывают судьбу похуже нашей, радуются своему Вильнюсу, а во Львове пусть развеивается желто-голубой флаг». О важном значении этого документа свидетельствует то, что среди некоторых других материалов он включен в приложения к «Автобиографии в четыре руки» Ежи Гедройца.

Наверняка ближе к тогдашним настроениям была Беата Обертынская, писавшая в стихотворении «Англия»:

Ваша Англия — ваша, и безопасна,
на холмы опираясь, на лесистые пасма.
Травяниста, и птичья, и снегом белёна,
не расколота надвое линией Керзона.

Линия Керзона была — и не только для эмигрантских кругов — символом утраты тем более болезненным, что на родине не могло быть и речи о возможности выразить несогласие с существующим положением дел. Однако в эмиграции у этого вопроса был особый аспект, и официальная позиция лондонского правительства в изгнании состояла, с одной стороны, в признании территорий на западе и севере страны, полученных после Ялтинской конференции, а с другой — в требовании вернуть восточные окраины Польши, включенные в территорию СССР. Эту позицию прежде всего выражал выходивший в Лондоне в 1946-1960 гг. еженедельник «Львов и Вильно» под

редакцией Станислава Цата-Мацкевича*. Как пишет историк и библиограф польского книжно-журнального дела в эмиграции Ян Ковалик: «Еженедельник «Львов и Вильно» — довольно одинокий пример эмигрантского регионалистского журнала, обладающего как литературным уровнем, так и политическим динамизмом. Он начал выходить в ноябре 1946 г., объявив себя изданием «независимым, готовым принять на своих страницах всех, кто ищет путей обретения свободы Вильна и свободы Львова, без различия партийных, общественных взглядов и взглядов на политическое будущее Польши». Несмотря на многократные злоупотребления журналом как личной политической трибуной реактора С.Цата-Мацкевича, заслугой «Львова и Вильна» было пробуждение бдительности эмиграции в вопросе восточной границы». И, не скрывая сарказма, Ковалик добавляет: «Журнал перестал выходить осенью 1950 г., за шесть лет до возвращения Цата-Мацкевича в «Польшу без Львова и Вильна»».

Подобные начинания, разумеется, не облегчали отношений с литовцами и украинцами, поэтому неудивительно раздражение Ежи Гедройца, писавшего Юзефу Лободовскому: «Уже Андерс, когда был в Штатах, навредил достаточно. Знаете ли Вы (...) что, когда Андерс был в Нью-Йорке, должен был состояться украинский митинг, чтобы его приветствовать. Он не нашел ничего более срочного, чем произнести перед этим речь о Львове, и понятно, что украинцы пришли в бешенство. Порой прямо руки опускаются». Раздражение Гедройца не удивляет, если отдать себе отчет в том, какое значение он придавал польско-украинскому сотрудничеству. Однако в этом контексте стоит вспомнить интересную гипотезу Януша Корек (в статье «Парадоксы парижской «Культуры»»), который в жесте постулируемого «отречения» Польши от прав на Вильно и Львов видит не столько стремление удовлетворить территориальные амбиции соседей Польши, сколько инструмент, позволяющий осуществить картину объединения Центральной и Восточной Европы, где Польше предстояло бы играть главную роль. Комментируя проект создания в эмиграции Центрально-Восточной бригады, Корек пишет: «Зато сам вопрос о границах был куда сложнее. «Отречение» могло помочь улучшению отношений между заинтересованными народами (и их эмигрантскими представительствами). Ибо споры о Вильне и Львове мешали заключить соглашение (...). Таким образом, сиюминутной причиной «отречения» было желание создать воинскую часть, которая совместно с англосаксонскими силами могла бы принять участие в грозившей тогда войне с СССР. Эти практические причины «отречения» не принимаются во внимание в литературе предмета, которая сосредотачивается на нравственной стороне вопроса».

Это тем более интересно, что федералистские концепции не были тогда в эмигрантских кругах чем-то изолированным и замысел Гедройца вписывался в более широкую тенденцию. Эти концепции появляются во внутренних документах лондонского правительства. Но в то же время, как пишет Павел Махцевич в книге «Эмиграция в международной политике», «независимо от инициатив правительства или отдельных политических группировок, концепции федерации развивались и пропагандировались Федеральными клубами, куда, кроме поляков, входило немало видных политиков и представителей культуры стран Центральной и Восточной Европы. (...) Федералисты выпустили ряд документов, из которых возникает образ сообщества Междуморья (Intermagium), включающего 16 государств региона: Албанию, Белоруссию, Болгарию, Венгрию, Грецию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Сербию, Словакию, Словению, Украину, Хорватию, Чехию и Эстонию». Причем идея создания воинской части, которая не только помогала бы силам Запада, но одновременно была бы доводом суверенности планируемой федералистской деятельности, в мысли Гедройца не была чем-то новым. Подобными инициативами были попытки сформировать десант, который пришел бы на помощь Варшавскому восстанию, а также найти поддержку у американцев во время корейской войны, когда он убеждал генерала Андерса, что тот «должен выпустить призыв к американской Полонии, чтобы ее члены вступали в армию (...) что такой призыв произведет хорошее впечатление на американскую общественность». В этом контексте не удивляет и публикация в «Культуре» (1953, №5) письма в редакцию П.Гинивитта, посвященного будущей федерации государств Центральной Европы. Много лет спустя продолжением той же позиции стало подписание в 1977 г. Гедройцем и рядом других польских политэмигрантов «Заявления по украинскому вопросу» вместе с русскими, чехами, венграми.

К тому времени это «отречение» в самой Польше было довольно широко принято, о чем свидетельствуют как публикации на страницах первых номеров выходившего с 1976 г. в самиздате люблинского журнала «Спотkania» («Встречи»), так и обширный очерк Войцеха Рошковского «Восточные границы Польши», опубликованный в конце 70-х отдельной брошюрой в самиздатской серии «Польского соглашения за независимость» (ПСН). Подводя итоги, автор писал: «Если бы сегодня кто-нибудь захотел предложить справедливое решение вопроса об этих землях, то прежде всего он должен требовать демократизации жизни в Литве, Белоруссии и на Украине и свободы их народам. Создание на этих землях демократического строя позволило бы живущим там полякам обрести гражданские свободы при сохранении национального облика, а Польше — развивать традиционные культурные связи с бывшими восточными территориями Речи Посполитой». Столь же важно — и, несомненно, хотя бы отчасти вдохновлено «Культурой» — заявление ПСН «Польша—Украина» (1981), где говорится: «Изменение политического

* Заметим, что противоположную позицию занимал его брат Юзеф Мацкевич. Ему принадлежат, в частности, посвященные этой теме статьи в «Культуре» за 1953 г. «Недоразумение или дешевый патриотизм?» (№1) и «Реакция эмигрантской общественности на письмо Юзефа Масевского» (№5).

сознания и психологии обоих народов — в настоящем положении одна из самых важных и срочных польско-украинских проблем, нуждающихся в решении».

2.

Однако независимо от вопроса политической природы, идея — или даже образ — Междуморья наверняка была одной из важных точек отсчета и даже своеобразным историческим фоном мысли Гедройца, что особенно наглядно проявилось в отношениях редактора «Культуры» с Ежи Стемповским и Станиславом Винценцем, а также до некоторой степени — с Мельхиором Ваньковичем и Юзефом Мацкевичем. Верно подчеркивает Анджей Ковальчик, что «Культура» вырастала из традиций «восточников». Более того, в своей книге о Ежи Стемповском он пишет: ««Культура» под редакцией Ежи Гедройца (несомненного «восточника») стремилась обновить образ мыслей поляков о Востоке, прежде всего заставляя их осознать, что они сами — часть этого Востока и потому несут ответственность за его политическое и культурное будущее». При этом понятно, что главным партнером Польши в осуществлении этой программы стала Украина, а следовательно, польско-украинская проблематика приобретала на страницах журнала и в деятельности «Института литературного» [«Литературного института», издательства «Культуры», по сей день продолжающего свою деятельность после кончины редактора и журнала] привилегированное место. Притом эта нацеленность на будущее означала стремление к переистолкованию прошлого, прежде всего к пересмотру идиллической картины, царившей в мифе восточных окраин.

Несомненно первым текстом, который сделал польско-украинские отношения предметом бурной дискуссии, была опубликованная в 1952 г. статья поэта и переводчика Юзефа Лободовского «Против призраков прошлого» («Культура», 1952, №2). Стоит, однако, подчеркнуть, что с самого начала существования журнала в нем появлялись тексты украинской литературы в переводах Лободовского или его статьи об этой литературе — до 1996 г. их было напечатано в общей сложности 130, причем подавляющее большинство приходится на первый период издания «Культуры», до 1973 года. Со временем по разным причинам — из-за отсутствия притока текстов с самой Украины, а также из-за того, что эмиграция была «выработана» почти до конца, — центр тяжести был перенесен на политические вопросы, особенно после 1989 года. Независимо от этого, следует подчеркнуть огромное значение издания «Институтом литературным» гигантской антологии украинской литературы на языке оригинала «Расстрелянное возрождение» (см. в «НП», 2005, №9 рецензию на сборник переписки Ежи Гедройца с украинской эмиграцией). Как пишет Богумила Бердыховская:

«В письме к Стемповскому Гедройц не скрывал удовлетворения: «Посылаю проспект украинской антологии, которой я несколько горжусь, тем более что делал ее вопреки всем». Оборот «вопреки всем» не был в этом случае риторическим. Соображений, которые стояли за изданием антологии, не понимали даже близкие сотрудники редакции «Культуры»».

Сам Гедройц с самого начала считал проект антологии необычайно важным. В переписке со Стемповским он подчеркивал: «...хочу издать *по-украински* украинскую литературную антологию периода «национал-коммунизма» на Украине (...) такого рода антология, стоит ей попасть в Польшу, уже сама всяческими каналами дойдет на Украину. Не хочу переоценивать свою затею, но мне она кажется весьма нужной». Стемповский же, как и часть круга «Культуры», склонявший редактора к умеренности и опасавшийся того, что выйдет, если «дразнить Советов», сам не был до конца уверен в правильности принятого Гедройцем решения: «Я вовсе не уверен, должна ли антология содержать какое-то вступление с польской стороны и что подумают украинские читатели о появлении такого издания под польским флагом?» Притом опасения автора «Эссе для Кассандры» не были лишены оснований, прежде всего если говорить о реакциях украинских кругов. Например, Бердыховская пишет: «И в наше время антология на Украине переиздается. Причем если переиздание издательства «Смолоскип» (Киев, 2002) содержит информацию о первом издании (...) то переиздание 2001 г., вышедшее в издательском центре «Просвіта», не содержит никакого указания на первого издателя и место издания (...) а сама антология в такой форме включает рекомендацию министерства просвещения и науки Украины».

Тем не менее несомненный успех, которым стало издание антологии, вдохновил Гедройца на новые планы. В 1960 г. он писал Юрию Лавриненко: «Не помню уж, писал ли я Вам, что мы готовим белорусскую антологию. В ней будет страниц триста, она будет двуязычная. Очень трудно, однако, с материалами. Рассчитываю, что она выйдет поздней осенью». Как известно, этот проект не был осуществлен, однако он свидетельствует о том, что в картине сотрудничества с соседними странами литература играла необычайно важную роль. Была в планах Гедройца и литовская антология. Таким образом, нет сомнения, что «украинский вопрос» в деятельности «Культуры» не был чем-то изолированным — он вписывался в проект, очерченный в известной статье Юлиуша Меровского «Русский «польский комплекс» и УЛБ» (1974), где говорилось: «В Восточной Европе — если на этих землях когда-нибудь установится не только мир, но и свобода — нет места никакому империализму, ни русскому, ни польскому. Мы не можем орать, что русские должны отдать Киев Украине, и одновременно провозглашать, что Львов должен быть возвращен Польше». И далее: «Если для упрощения территории, охватывающую Украину, Литву и Белоруссию, мы обозначим сокращением УЛБ, то следует констатировать, что в прошлом — а в какой-то степени и сегодня — территория УЛБ была чем-то большим, нежели «яблоком раздора» между Польшей и Россией. Территория УЛБ определяла форму польско-

русских отношений, осуждая нас либо на империализм, либо на вассальство». Одна только — и это тезис как самого Меровшевского, так и Гедройца — деятельность в пользу построения суверенности территорий УЛБ, то есть стремление к независимости государств этого региона, может привести к ликвидации этой дилеммы. Потому-то Гедройц придавал такое большое значение начинаниям, на вид крайне далеким от политики, таким как публикация свободной литературы этих народов, а следовательно — и тут ясно видно, что литература оставалась для него одним из самых важных, по крайней мере в рамках его собственной активности, инструментов укрепления национального самосознания, — задача побуждать или будить чаяния независимости. Не случайно Гедройц напоминал Чеславу Милошу об обязанностях, лежащих на него во время поездки в ПНР после получения Нобелевской премии: «Свое пребывание в Люблинском католическом университете я закончил бы призывом к тому, чтобы в ЛКУ были созданы кафедры литовской и белорусской филологии, и ты мог бы учредить там две стипендии для литовца и белоруса. У тебя вроде бы злотых в достатке».

Но эта же деятельность — кроме шагов, связанных с текущей обстановкой, — означала и необходимость переистолкования истории существовавших отношений с соседями, прежде же всего — отказ от имперских грез, неизменно входивших в польский политический склад ума, особенно по отношению к Востоку. Гедройц одним из первых после войны понял то, что на протяжении следующих десятилетий были вынуждены понять политики бывших колониальных держав: что только отказ от имперских амбиций может составлять основу мышления о будущей мощи государства. Эта мощь Польши в центрально- и восточноевропейском регионе в такой концепции невозможна без построения партнерских отношений с соседними странами, а это означало отвергнуть патерналистское отношение к ним. Только так — на это указывает прежде всего публицистика Меровшевского — становится возможным нейтрализовать имперские устремления России, опасные как для суверенности Украины, Литвы и Белоруссии, так и для независимости Польши. Этот вопрос, впрочем, продолжает оставаться актуальным, что подтверждают слова еще одного автора из круга «Культуры» — Ежи Помяновского, который уже в настоящее время (в одной из своих статей, составивших сборник «К востоку от Запада») предостерегает перед возможностью воссоздания российской империи: «Возможность помешать этой попытке эволюции в значительной мере зависит от Польши. Вместо того чтобы защищаться от последствий имперской болезни (...) стоит прибегнуть к профилактике. Помогать движению вспять вернее всего можно путем укрепления независимости Украины, Литвы и — дай-то Боже — Белоруссии. Повторим в который уже раз: без Украины нет империи». Очевидно, что Украина в этой концепции играет особую роль и что «украинский вопрос» в польской политике представляет собой функцию понимания и «русского вопроса», и поиска путей его решения.

3.

Одной из основных проблем, связанных с «украинским вопросом», стала проблема отказа от мифологии польских «кресов» (восточных окраин). В письме автору этих строк в середине 90-х Ежи Гедройц предлагал отказаться от понятий «кресы» и «кресовый» как определений, обидных для украинцев и вызывающих у них ассоциацию с имперской историей Польши, и заменить их понятиями «пограничье», «пограничный». Значение этой позиции подчеркивает также Даниэль Бовуа в беседе с Изой Хруслинской и Петром Тымой. Комментируя изданную в 1995 г. книгу Яцека Кольбушевского «Кресы», он констатирует: «Я знал взгляды Кольбушевского тех времен, когда он писал статьи на эту тему. Они казались мне довольно уравновешенными, и я считал, что он смотрит на польское присутствие на «кресах» несколько отстраненно и способен предложить полякам разумный взгляд на эти вопросы. Между тем он написал книгу, которая показывает действительность идиллически, что никак не соответствует действительности». А в конце интервью он подчеркивает: «Я считаю, что как украинским, так и польским историкам остается еще очень многое сделать. (...) Общие усилия, вложенные в процесс сближения позиций, огромны. Лишь бы «кресовая» ностальгия не блокировала этот процесс и становилась все более маргинальной. Не будет истинной европейской интеграции без полного взаимного понимания соседа при обязательном ученичестве у Юлиуша Меровшевского». Тем не менее в этом контексте стоит привести слова из книги Кольбушевского, которые хотя бы в некоторой степени опровергают полемические замечания французского историка Украины, — о том, что «по сути миф «кресов» был своеобразным сентиментальным самообманом, которому сегодня уже не может найтись места, ибо этого требуют польские государственные соображения».

Дело, однако, довольно запутано, и этих сложностей выдающийся французский ученый — кстати, связанный с кругом «Культуры», — как будто не принимает во внимание. Очевидность позиции Меровшевского и «Культуры» сегодня неопровержима. Однако в Польше с этой позицией все не так просто хотя бы потому, что здесь на протяжении десятилетий эта тематика в публичном дискурсе оставалась под запретом, да и потому еще, что «кресовый» дискурс весьма сильно укоренен исторически. Обретение Польшей суверенитета было связано в этом вопросе с пробуждением мстительных чувств, порой крайне несдержанных.

Культивирование мифа «кресов» после 1989 г. стало если не общераспространенным, то живо явленным в нашей жизни. Это имеет свои опасные стороны, так как может пробуждать мстительные чувства, но имеет и положительные, важнейшая из которых — внимание, направленное к востоку. Верно подчеркивает значение этого поворота Анджей Ковальчик в вышеприведенной цитате из его книги о Ежи Стемповском, где говорит об «обновлении образа мыслей». Чтобы это «обновление» — скорее тут следовало бы говорить о создании совершенно нового подхода — стало возмож-

ным, необходимо преодолеть все, что Юлиуш Меровский в статье «О евреях, космополяках и восточниках» назвал польской «ненавистью к Востоку». Он писал, что «польская прозападность вытекает не столько из любви к Западу, сколько из ненависти к Востоку». Эта ненависть, что имеет смысл здесь досказать, в значительной степени вытекает из отказа понимать, построенного на смеси почти презрительного высокомерия и демонстративного нелюбопытства, самый яркий пример которого — полное отсутствие в польских школьных программах по всемирной литературе имен украинских, белорусских, литовских авторов. Авторы многочисленных в сегодняшней Польше научных работ из области «кресоведения» в принципе практически отказываются — кстати, вероятно, неосознанно — от попыток сопоставить польскую позицию со взглядами соседей.

Нагонять такое отставание — дело не простое, хотя в начинаниях, постепенно ведущих к перемене такого состояния дел, недостатка нет, и их несомненно можно назвать еще одним «уроком Гедройца». Я имею в виду хотя бы публикации Люблинского института Центрально-Восточной Европы или блоки материалов на страницах гданьского «Пшеглэнда политичного» и ольштынской «Боруссии» — журнала-лауреата премии «Культуры», — наконец, все более частые выступления украинских писателей в Польше. И все таки может создаться впечатление — хотя бы при просмотре школьных учебников истории, — что образ Востока формируется исключительно как образ России, а польско-украинские или польско-белорусские отношения исчезают из поля зрения. Это впечатление похоже на то, с каким поляки просматривают немецкие школьные учебники истории, где история Германии показана сквозь призму ее отношений с Англией или Францией, а вопросы немецко-польских отношений отодвинуты на едва заметные поля, сведены к эпизодическим событиям. На роль истории в формировании польско-украинских отношений у Гедройца указывал его многолетний украинский сотрудник Богдан Осадчук, самый активный комментатор этих проблем на страницах «Культуры». В своей статье «Роль Ежи Гедройца в польско-украинских отношениях» Осадчук писал: «Иногда я терзал Ежи, чтобы он объяснил мне, как и почему он открыл для себя украинский вопрос. (...) Началось со слушания лекций Николая Кордубы по истории Украины. Гедройц учился на юридическом факультете, и слушать лекции профессора Кордубы, специалиста по этническим и территориально-пограничным вопросам, было для молодого политика и начинающего редактора чисто личным удовольствием. Лекции варшавского украинского историка сыграли в политической и издательской карьере Ежи Гедройца огромную роль. Украинский вопрос на всю жизнь стал для него центральным». Хотя центральным вопросом всей жизни Гедройца был вопрос польский, мнение Осадчука все же верно, ибо решение польского вопроса было в значительной мере обусловлено решением вопроса украинского.

Его решение — и в этом Гедройц отлично отдавал себе отчет — невозможно исключительно в плоскости политической деятельности. Ее должна поддерживать активность в области культуры, ибо культура, если речь идет о взаимопонимании поляков и украинцев, — самое подходящее пространство диалога. Этому служил и труд, вложенный в издание «Расстрелянного возрождения», и неустанный интерес ко всем проявлениям культурного самосознания украинцев, заметное хотя бы в систематически выходившей на страницах «Культуры» «Украинской хронике». Тем более что это помогает понять отличие опыта обоих народов и формируемых этим позиций. Права Оля Гнатюк, обратившая внимание в статье «Прощание с империей» на существенные различия, разделяющие политическое мышление обоих обществ: «Наверняка существует важное различие в мышлении о государстве в Польше и на Украине. Это вытекает из различий исторического опыта, а также из подхода ведущих кругов общества: принципиально важно, чтобы они умели мыслить в государственных категориях, а не только в категориях, вынесенных из национальных мифов и литературы. Стоит также попытаться сопоставить эти мифы и развить литературный обмен — так станет возможной дискуссия о взаимных отношениях и отличиях, дискуссия, очищающая подступы к политике». Было бы интересно составить словарь или хотя бы эссеистический путеводитель по польско-украинским и украинско-польским стереотипам, вступлением к которому, можно сказать, служит уже опубликованный «Боруссией» сборник «Польско-украинские темы» (2000). И в просветительской главе такого путеводителя стоит совместно совершить путешествие, описанное Адамом Загаевским:

*Ехать во Львов. С какого ехать вокзала
во Львов, если не во сне, на рассвете,
когда чемоданы в росе и рождаются
курьерские, скорые. Внезапно въехать во
Львов, среди ночи, днем, в сентябре
или марте. Ежели Львов существует (...)
Львов, он повсюду.*

Милош Петр Внук

ОХОТА НА КУРДЛЕЙ, АПОКАЛИПСИС И БРЕДНИ

В гостях у Станислава Лема

В то лето начало июля выдалось довольно холодным. На юге Польши, а особенно в окрестностях Кракова, небо хмурилось часто, как лицо обиженной девушки. Шел проливной дождь, вдали вспыхивали молнии, покрывавшие все небо чудовищной сетью, которая, казалось, доходит до самых Татр. Потом выглядывало солнце, и на какое-то время можно было снова поверить, что вокруг стоит календарное лето. Из теленовостей мы узнавали, что в горах выпал снег, а в Закопане температура колеблется около нулевой отметки. Лето или не лето?

Мои соотечественники, с которыми я чаевничал и вел ночные беседы, утверждали, что близится час исполнения апокалиптических предсказаний Нострадамуса. Главным критерием была фраза: «Когда лето с зимой сойдется». И действительно, было похоже, что два времени года сталкиваются друг с другом как две лодки на волнах, когда рулевые уже ничего не могут сделать.

«Что не вышло у коммунистов, то сделают посткоммунисты. У людей больше нет сил терпеть. Мракобесы утробят Польшу. Всех нас ждет гибель, причем скорая. В будущем году мир захлестнет волна безумия, и произойдет глобальная катастрофа», — вот лишь малая часть предсказаний, о которых мы говорили в Кракове и которые вскоре должны были сбыться.

Чтобы обсудить этот крайне пессимистический сценарий на ближайшее будущее, я отправился на «чай» к Станиславу Лему. Встреча состоялась в дождливый вечер в роскошной вилле, построенной в 80-е годы на песчаной почве нового краковского микрорайона Клины. Там, скрытый от посторонних глаз, и живет Станислав Лем, автор нескольких десятков научно-фантастических романов, повестей и рассказов.

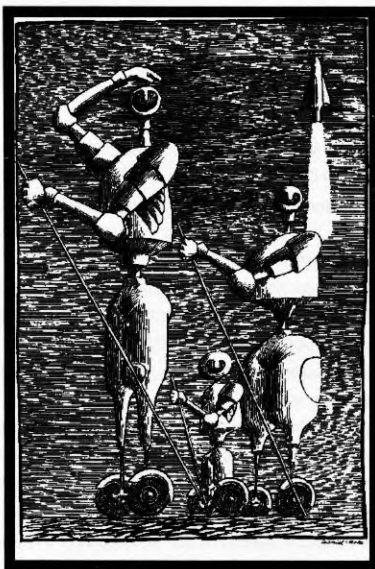
Лем — не прорицатель и не наследник Нострадамуса, а... врач, которому надоело ставить диагнозы в психиатрической больнице и который решил поставить диагноз всему человечеству. Поскольку он занимается этим уже почти 50 лет, трудно не согласиться с тем, что это авторитет особого масштаба. У

Лема нет хрустального шара. Вместо него он пользуется основательными знаниями, причем не только врачебными: прежде всего в его арсенал входят точные науки, такие как физика, астрономия, математика, астрофизика, биология, химия, биохимия... Есть и еще один важный компонент (назовем его центральным компьютером) — голова Лема. Сегодня Лему 72 года. Однако... не будем забегать вперед.

Я не без труда разыскал дом под мистическим номером 66. В дверях меня встретила удивительно милая женщина, от которой веяло спокойствием и глубокой внутренней культурой. Это была пани Барбара, жена писателя. Пани Барбара обладает необыкновенным талантом: благодаря ей каж-

дый гость, приглашенный сюда, сразу чувствует себя как дома. Она сказала, что пан Станислав будет готов к разговору через несколько минут, и принесла чай и печенье. Она уже знала, что я приехал издалека. Я поведал ей о своих опасениях относительно недалекого будущего Польши и всего мира. «Об этом можете не беспокоиться», — сказала она мягко, но решительно.

Спустя мгновение на деревянной лестнице слышались шаги, и в гостиную вошел невысокий пожилой человек. Он бросил на меня быстрый взгляд и сказал: «Лучше всего пойдемте наверх, в мой кабинет». За дверью, возле которой кончалась лестница, передо мной открылась таинственная «святая святых» — кабинет писателя с огромным письменным

второй стул — для меня. Прошло немало времени, прежде чем я решился произнести первые слова.

Пользуясь воцарившимся молчанием, я незаметно огляделся по сторонам и с трудом скрыл свое восхищение этим пространством, пахнувшим свежим деревом и бумагой и до самого потолка загроможденным книгами. Книги были повсюду: на обширном столе, на полу, на лестнице, ведущей на второй уровень комнаты, и, наконец, над головой — казалось, книжные полки окружают нас со всех сторон. Этот театральный эффект был настолько сильным, что на какое-то мгновение мне почудилось, будто мы с Лемом — двое актеров, находящихся посреди сцены, а корешки книг смотрят на нас выжидающе, как глаза людей в темном зрительном зале. Я заметил, что книги были на многих языках. Пожалуй, больше всего было английских и русских, и только потом шли польские.

Пани Барбара принесла еще две чашки чая — мне и мужу, — и мы остались вдвоем. Я напомнил Лему о старых временах, о тех днях, когда я, ученик лицея им. Бартломея Новодворского, а потом студент Ягеллонского университета, зачитывался его романами. Напомнил я и о немногочисленных популярных лекциях, с которыми писатель выступал тогда перед нами, краковской молодежью. При упоминании об одной из таких лекций в студенческом клубе «Под Ящерами» Лем оживился:

— Вы помните, о чем я тогда говорил?

— Точно сказать не берусь...

— И все-таки. Может, хоть какая-нибудь деталь?

— Помню одну такую деталь о сексе.

— Да? Это совсем на меня не похоже.

— Это было о том, как на некоей планете девушки давали незнакомым мужчинам какой-то приятный на вкус химический раствор, который полностью отбивал охоту к любовным забавам. Только когда парень нравился девушке, она давала ему «противоядие», и... дальше все уже было как в нормальном мире.

— Действительно. Вы не поверите, сколько странных вещей, о которых я пишу в своих книгах, могло бы с успехом произойти здесь, на нашей планете.

— Ну, пожалуй, не все. Взять хотя бы охоту на курдлей, описанную в «Звездных дневниках».

— Вы имеете в виду курдлей с планеты Энтеропия?

— Да, их самых. Чтобы убить такую громадину ростом в несколько этажей, нужно было взять с собой стрелялку, бомбу с часовым механизмом и грунтовочную пасту — что-то вроде слабительного. Этой пастой следовало намазаться, взять в руки бомбу и стоять на стремянке, пока такой исполинский курдль тебя не проглотит. Дальше все было просто: попав в

желудок зверя, надо было настроить часовой механизм, подождать физиологической реакции курдля и, если все шло по плану, покинуть курдля через его противоположный конец, располагавшийся высоко над землей — pardon, над поверхностью планеты. Это был самый опасный момент: высота была слишком маленькой, чтобы прыгать с парашютом, но достаточно большой, чтобы, падая под воздействием гравитационного поля планеты, сломать себе ногу или вывихнуть лодыжку...

Лем рассмеялся:

— Сейчас я бы уже этого не придумал. Теперь я больше думаю о физике и философии, а иногда объединяю все это со своей собственной деланкой — биологией.

— То есть вы следуете рекомендации Вольтера из «Кандида»...

— Вы совершенно правы: *il faut cultiver son jardin* — «надо возделывать свой сад». Мой старший сын — физик. Он живет недалеко от Бостона, на восточном побережье США. Так вот, однажды он рассказал мне о модели вселенной, которая описывается неевклидовой геометрией. Впрочем, если верить Эйнштейну, неевклидова геометрия описывает и нашу собственную Вселенную. Это потрясающие вещи. Помните аксиому о бесконечном числе параллельных прямых, которые можно провести через точку, лежащую вне данной прямой?

— Да. Это полностью противоречит нашей интуиции.

— Так вот, существует такая абстрактная модель вселенной, замкнутой внутри сферы. Существа, обитающие в этом мире, сделаны из проволоки, а распределение температур внутри сферы таково, что если соединить две точки кратчайшей линией, то окажется, что линия эта — отнюдь не прямая, а дуга некоей кривой.

— Что общего имеет температура с линией, соединяющей точки?

— А вот что! Представьте себе, что в точке А стоит гражданин этой гипотетической вселенной и держит в руке кусок колбасы. Это наблюдает собака, находящаяся в точке В. Очевидно, что собака прибежит в точку А кратчайшим путем. Однако, поскольку ее ноги сделаны из проволоки, которая, как известно, удлиняется под воздействием температуры, собака, согласно вариационному принципу физики, будет бежать вдоль некоей кривой, максимальный отрезок которой придется на то место, где ее ноги будут длиннее всего, а следовательно, выше всего будет и скорость. В нашей абстрактной модели это будет не прямая линия... В то же время коэффициент преломления света внутри сферы — это некая функция расстояния от центра, подобранная так, чтобы, согласно принципу Ферма, луч света шел

по той же траектории, которую мы определили как кратчайшее расстояние между точками А и В.

— Тогда и собака, и ее хозяин будут думать, что передвигаются по прямым линиям.

— Вот именно. В этом и заключается суть дела. Существа, населяющие эту сферическую вселенную, никогда не смогут открыть, что их геометрия — неевклидова. Чтобы это заметить, надо выйти за пределы сферы и наблюдать происходящие там явления извне. Таким образом, правду можно открыть, лишь находясь за пределами вселенной и имея доступ в другое измерение — такое, о существовании которого обитатели сферы могут только догадываться. Это может сделать либо высшее существо, создавшее такой мир, либо... наблюдатель извне.

— Это очень напоминает мне наше положение в космосе.

— И не только в космосе, но и в науке. Посмотрите на принцип неопределенности Гейзенберга в физике или на знаменитую теорему Гёделя, вследствие которой строгое, математически безупречное доказательство невозможно.

Некоторое время мы оба молчим. Мне ясно, что человек, изучавший космологию, не мог не задумываться о существовании Бога.

— Вы верите в существование Бога?

— И да и нет. В принципе я агностик, но такой, который практически сам себя убедил, что Бог — очень положительная сила.

— Вам не кажется, что, прежде чем старый режим окончательно прогнал, коммунисты подготовили себе нечто вроде удобной «загробной жизни», то есть нынешнюю Польшу?

— Трудно сказать. У меня самого было с ними немало проблем. Рукописи некоторых моих книг лежали в столе чуть ли не по десять лет, прежде чем цензор согласился пустить их в печать.

— Но ведь в конце концов они вас уважали и не мешали писать.

— Тут вы тоже правы. Таким положением дел я обязан двум факторам. Первый состоял в том, что цензоры тех лет, похоже, не разбирались в научной фантастике. Она казалась им слишком абстрактной, чтобы быть опасной. Конечно же, существовал значительный барьер неприязни, особенно в 50-е годы, сразу после переселения нашей семьи из Львова в Краков. Тогда даже такое, казалось бы, невинное слово, как «кибернетика», находилось в списке запрещенных тем...

— А какой был второй фактор?

— Скажу прямо: дружба с русскими писателями, которые думали примерно то же, что и я, и которым нравилось то, что я писал. Они отнеслись ко

мне очень сердечно — не только потому, что я свободно владею русским языком. Между нами был своего рода тихий сговор конспираторов, которые думают очень схоже, но не могут говорить об этом вслух. Много раз я уезжал из Москвы по-настоящему растроганный. Рискну утверждать, что именно их откровенно положительное отношение к моей прозе дало зеленый свет моим книгам в Польше. Исключением был период военного положения, когда на протяжении нескольких лет мы с женой и сыновьями жили в Вене. В 1986 году мы вернулись в Краков, в этот дом.

— Но в заключение нашей беседы мне бы хотелось спросить вас о самом главном. Что вы думаете об этих странных временах, в которые нам выпало жить? И согласны ли вы с предсказаниями о надвигающейся катастрофе?

— Все это бредни. В 1966 году в своей книге «Сумма технологии» я написал, что «всепланетное объединение будет началом новой эпохи». Тогда я исходил из того, что наука и технология будут главными факторами, стабилизирующими развитие цивилизации и человечества. В то время я не видел или не хотел видеть причин для опасений по поводу будущих катаклизмов.

— А сегодня вы их видите?

— Если вы выключите эту мерзкую машину с пленкой, мы поговорим откровенно.

Пока я занимался выключением магнитофона, Лем подошел к книжным полкам в глубине комнаты. Когда он вернулся к столу, в руках у него были изданные по-русски «Рассказы о пилоте Пирксе».

— Вот вам подарок на память о нашей встрече. Вы выключили магнитофон?

— Да.

Минуту спустя мы уже свободно беседовали, как двое старых знакомых. Сердечно поблагодарив писателя за официальную часть беседы, я вернулся к нашей секретной теме — о будущем Польши, Нострадамусе и надвигающемся глобальном катаклизме. И вдруг услышал такие слова:

— Скажу коротко: этот мир стоит на пороге какой-то беды...

Далее последовал продолжительный монолог. Это многоточие отнюдь не означает конца высказывания старейшины польской научной фантастики. Оно — лишь следствие обещания, которое я был вынужден дать хозяину дома. *Verba volant, scripta manent*, поэтому будет лучше, если мы не станем печатать эту часть нашего разговора.

Однако, если в один прекрасный день Станислав Лем изменит свое мнение, этот репортаж получит захватывающее продолжение.

Ян Твардовский

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

18 января умер замечательный поэт о. Ян Твардовский. 3 февраля он был похоронен в крипте заслуженных под строящимся в Варшаве храмом Провидения Божия. Читатели «Новой Польши» хорошо знакомы с о. Яном. В №4, 2001 мы напечатали цикл его прекрасных и простых стихотворений в переводе Андрея Базилевского («Невозможное неизбежно»). В том же номере мы опубликовали эссе Станислава Грабовского о творчестве этого священника-поэта.

За всё

Спасибо что был покой
и было много тревог
спасибо что не понимал
но и уйти не мог
что руки неведомо чьи успели соединить
тебя и меня что мы можем ещё любить

зонтиком надо мной раскроется и спасёт
смирение — то что нас и в темноте ведёт

Что ты знаешь

Что ты знаешь о боли
о том как любовью и гневом пылают
о том как страдают кони когда их гонят на войны

вижу небо — грозовое спокойное
а дальше
не знаю

После

Мир после смерти
белей метели
отчаянья больше нет —
грехи разрыдались и улетели
поцеловал меня снег

Время

Всякая любовь была бы чуть понарошку
любая дружба — от сих до сих
любая верность была бы неверна
ни один покойник не сдержал бы слова
договорились — и не пришёл
должен был позвонить — и тишина
даже одиночество уже не объединяло бы
и вообще началась бы полная неразбериха
ибо всё что конечно — слишком кратко

но хронометр старый рационалист
как всегда без оглядки на вечность
точно отсчитывает секунды
которых нет

Спокойной ночи

Ночь важнее чем день
хотя может казаться
что всё совершенно иначе
(иллюзия очередная)
ведь именно ночью нам под силу с телом расстаться
уяснить есть ли Бог
когда вокруг тишина
молитва громче звучит — едва слова умолкают
уши ночи прижаты всегда удивлённые
как два сросшихся вместе семечка клёна
и всё это неизменно напоминает:
человек человека ночью в любви zaczynaет
день крикливый притих
а время как заяц мчится
ночью чёрной от света —
любите. И пусть вам спокойно спится

Кохановского «Псалмы»

Верни мне Боже давних лет
горчащий вкус — тот чай в манерке
покойного отца привет
сестрёнкин свитер мамы сердце

и Кохановского «Псалмы»
сожжённые в огне восстания
и всё чего желал другим —
чего увы мне не достанется

и исповедь и ливень слёз
отмерянных рукою Божьей
и просто день обычный день
из детства — на катке быть может

Тот снег что на глаза мне падал
и я шептал забыв про явь...
а после — требника громаду
и чашу мне на гроб поставь

Нынче

Нынче духовных стихов немало
кто только ни уверовал
лучше я умолчу кого бульдог совести напугал
до припадка нервного

о Ты что сияешь в глазах словно в Острой Бrame
не забывай: хорошо или плохо
стихи я писал — я был Тебе верен
в сталинскую эпоху

о. Ян Твардовский

Перевод
Натали Горбаневской

ТЕРПИМОСТЬ

Сколько теперь говорят о терпимости. Быть терпимым — это, иными словами, терпеливо сносить даже чуждые нам взгляды, верования, нравы, культуры, другие традиции, мнения, вкусы, другой тип восприятия. Снисходительный человек — это тот, кто нисходит до понимания мотивов действий своих противников.

В мире человеческой мысли невозможно осуждать, отвергать. Каждый имеет право мыслить по-своему.

В прессе межвоенного периода была напечатана анкета с одним только вопросом: «Кто видел гномов?» Видевших оказалось тысяч пять.

В мире мысли мы можем отнестись с уважением к любому человеческому убеждению, даже к безвредной вере в гномов. Однако, переходя в мир реальных действий, мы должны настраиваться критически, потому что некоторые взгляды мо-

гут быть общественно вредны.

Во времена Просвещения боролись за терпимость, но французская революция, выросшая из жажды свободы, была в высшей степени нетерпима. На наших глазах коммунизм провозглашал свободу совести, убеждений и был крайне нетерпим, хотя все время говорил о терпимости.

Если мы помним часто читаемый в церкви при бракосочетаниях гимн любви из Послания апостола Павла к Коринфянам, то слышим, в частности, такие слова:

«...любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего (...) все переносит» (1 Кор 13: 4-5, 7).

Существует предел терпимости. Нельзя быть терпимым ко лжи, неискренности, преступлению, злу, произволу, насилию, проявлениям ненависти.

Настоящая терпимость позволяет свободно выражать взгляды и не борется с тем, что происходит в мире человеческой мысли. Однако она требует от человека благородства, ответственности, честности, правды.

Терпимость — высокое слово, которым нельзя злоупотреблять. Это слово может оказаться лживым, неподлинным.

Настоящая, честная жизнь всегда ведет к терпимости.

Биология подсказывает нам, что терпимости мы можем учиться у своего организма, обладающего способностью без вреда для себя переносить влияния нездоровых веществ, неблагоприятных условий окружающей жизни. Вместе с развитием техники организм приспосабливается ко все более загрязненному воздуху, но и тут есть пределы терпимости. Случаются отравления выхлопными газами в центре города. Зло перешло границу.

Терпимость не может быть некритичной, безграничной и должна обладать своим защитным инстинктом. Терпимости надо учиться, как любви.

ХАРАКТЕР ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Беседа с Янушем Гловацким

— Названия ваших произведений всегда изобретательны, то же самое можно сказать и о последней книге — «Из головы». У читателя сразу же возникает несколько занятых ассоциаций. А какие приходят в голову вам?

— Когда я был только-только начинающим писателем, мои варшавские друзья прозвали меня «Голова» [по-польски «Глова». — Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.]. Это первое объяснение. «Из головы» означает еще и выбрасывать что-то, избавляться от какой-то проблемы. Ну и, наконец, этот оборот подсказывает, что здесь есть элементы вымысла, «правдивой выдумки», то есть чего-то такого, что если и не произошло в действительности, то должно было произойти. Но в этой книжке не так уж много вранья, как все думают.

— Это и неудивительно, если вы сами на ее страницах утверждаете, что один из принципов, которыми должен руководствоваться эмигрант, — это выдумывать рассказы о своих успехах. И вдобавок пишете, что он должен сам поверить в свои рассказы. Так как же читатели могут вам доверять? Вы же, в конце концов, пишете и о годах своей жизни в эмиграции?

— Знаете, вначале я действительно, как все почти эмигранты, немного привирал, чтобы воспрянуть духом. Это паршивая ситуация, когда человек, будучи, как я, довольно известным писателем, вдруг приезжает в Нью-Йорк, а там никто не знает, кто он такой и чем занимается. В общем, отскакиваю я рикошетом от дверей всех этих издательств и театров, а мне тем временем звонят всякие приятели и красочно описывают свои успехи. Так что я со стыда тоже уверял их, что добился невероятного успеха. Это были в основном художники, графики, которые рассказывали, что они в настоящий момент выставляются у Гугенхайма или в музее Метрополитен. Ну а я на это отвечал, что обо мне только что писал «Нью-Йоркер», а Норман Мэйлер прочитал мой рассказ и пришел в восторг. Так приблизительно это выглядело. А потом каждый из нас посмеивался над враньем другого.

И все же странные законы управляют миром, потому что вымышленные вещи иногда — ни с того, ни с сего — становятся реальностью. Я, например, с самого начала мечтал о том, чтобы Джо Папп поставил мою пьесу в Народном (Public) театре, потому что это лучший театр в Нью-Йорке. Текст «Замарашки» был выслан, а Папп и не догадывался, что хочет ставить по нему спектакль, когда я уже распростиранлся об этом повсюду. А туда ежедневно почтой приходит не меньше десяти пьес. В конце концов как-то так сложилось, что он сделал эту постановку. Конечно, помог мне в этом Артур Миллер и стечение многих других счастливых обстоятельств, но, как видно, из вранья иной раз выходит правда. Так что рекомендую свой принцип коллегам. Хотя (улыбается) я не уверен, что это правило.

— «Из головы» — книга, которая на самом деле существовала уже очень давно, но только в ваших интервью и многочисленных дружеских байках. Я пытаюсь подсчитать: на сколько процентов? Пятьдесят? Шестьдесят? Ведь вы ее действительно начали писать в голове уже с давних пор. Когда?

— Кажется, вы все-таки несколько переборщили с этими процентами, потому что в ней очень много вещей, о которых я никому не рассказывал.

Хотя правда, некоторые сюжеты повторяются, да только никогда не рассказывается об одном и том же точно так же. Я писал эту книгу приблизительно так, как пишется роман. Представил себя литературным героем, и решил, что моя жизнь достаточно интересна, чтобы уложить ее в фабулу. Потому что если серьезно подумать, то в моей жизни отражается немалая часть XX века. И вот я размышлял над тем, каким я был когда-то; что повлияло на то, что я был таким, каким был; и кто виноват в том, что я такой, какой есть.

— *Читая «Из головы», я думал о Гомбровиче. Он в конечном счете всю свою жизнь писал автобиографию. Во время чтения вашей книги у меня создалось впечатление, что вы тоже пытаетесь определить условия, которые будут незыблемы для будущих авторов монографий.*

— (подумав, осторожно) Мне очень приятно, что вы меня сравниваете с Гомбровичем. Я никогда не вел дневников, как он, но зато делал очень много записей. Записывал и записывал. Я знал, что когда-нибудь напишу что-то вроде «Из головы». И в конце концов решил, что вот он, последний шанс, пока я еще много чего помню. Я жил на большой скорости, так что... (с внезапной подозрительностью) ...знаете что, мне вдруг стало неловко: если я вам сейчас начну говорить вещи, о которых я где-нибудь раньше упоминал или — не дай Бог! — писал, то вы меня в тот же миг уличите, что уже слышали это или читали.

— *Ничего подобного не скажу, потому что давно знаю, что писатели проверяют свои книги на собеседниках. Итак, вы жили на большой скорости и...?*

— Жил торопливо, много записывал и принимал разные решения, не раздумывая над ними слишком долго. Такова жизнь, особенно в эмиграции, где все делается очень поспешно и нервно, потому что земля горит под ногами. И тогда совершается много глупостей...

— *Но ваш-то результат не из худших! Многим людям эмиграция явно вредна, но вам она оказалась как будто даже полезна. Так, может, вам, как это ни парадоксально, стоит поблагодарить генерала Ярузельского?*

— Действительно, мне эмиграция помогла. Не будь генерала, моя жизнь наверняка сложилась бы совершенно иначе. Когда я приехал в Лондон на премьеру «Замарашки», я собирался сразу возвращаться в Польшу. Кое-кто из друзей пробовал мне «устроить» какие-то интервью в английской прессе, но в

редакциях отвечали: «Подождем, посмотрим, как пойдет пьеса». Когда через несколько дней объявили военное положение, на меня в тот же миг набросились журналисты, перед театром появились толпы, а меня приглашали на телевидение. И так вот из неизвестного провинциального писателя я превратился в знаменитость. На мгновение, конечно, так как успехи, связанные с политикой, всегда преходящи.

— *Вы как-то сказали, что счастливы, поскольку в эмиграции вам удалось не только сохранить писательское мастерство на приличном уровне, но и обогатить его. Вот так оно вышло, а на самом деле могло бы быть и наоборот: необходимость писать по-английски в большинстве случаев становится «поцелуем смерти» для писателей-эмигрантов. Почему этого не произошло с вами?*

— Знаете ли, эти подходы к тому, чтобы начать писать на чужом языке, были ужасно трудными. Нынче я по-английски сочиняю только диалоги в пьесах. Прозы, однако, уже не мог бы написать, хотя само писание по-английски меня безумно забавляет. Это совершенно новый опыт. Помню, как во время работы над «Антигоной в Нью-Йорке» я часто разговаривал с полицейскими, чтобы научиться их «полицейскому американскому», который абсолютно отличается от «нормального» английского.

Я знаю, что несколько моих приятелей, эмигрировавших и начавших писать за границей на чужом языке, пролетели на этом. А мне, кажется, это не повредило — даже наоборот, помогло. Английский лаконичен, поэтому прекрасно подходит для диалогов, что, кстати, хорошо слышно в американских фильмах. А я люблю писать диалоги...

— *Значит, у вас должна быть до мелочей выработана авторско-издательская политика: что вы пишете и издаете по-английски, а что — по-польски. И кто проверяет тексты, написанные по-английски...*

— Я уже говорил, что по-английски пишу статьи и пьесы, а по-польски — прозу. «Антигона» сразу писалась по-английски, а потом я поехал с ней к одной американской писательнице, которая польского не знает, и мы вместе засели над текстом. Я думаю, это лучший и вообще единственный способ, чтобы произведение не звучало как перевод, а на самом деле выглядело как написанное на том языке, на котором напечатано. Мы сидели буквально над каждой фразой. Потом вместе подписались под переводом. То есть translated by J.G. and Joan Tores [перевели Я.Г. и Джоан Торес]. Хотелось избежать всех тех проблем и подозрений, с которыми столкнулся Ежи Косинский.

— Немногим польским писателям удается за границей прокормиться литературой. Вам выпал невероятный фант. И все же почему так происходит? Может, польские писатели слишком уж высоко задирают голову, может, слишком уж привязаны к романтической роли скитальца, пророка?

— Я считаю великой несправедливостью то, что поляки не завоевывают славы в мире. Мы ведь во всем лучше всех. Надеюсь, вскоре выяснится, что у нас и самые лучшие в мире писатели (смех).

— Добиться успеха в Америке — это страшный грех. Вот вам подходящий случай его искупить, дав пару полезных советов писателям, которые как раз выезжают и не хотят разделить судьбу бомжей, ночующих на лавках нью-йоркских парков.

— (С деланным возмущением) То есть как, извините, — я столько намучился, а теперь должен выращивать себе конкуренцию? Нет, кроме шуток, не буду никому давать никаких советов.

— Ну что ж, процитирую Януша Гловацкого: «Нью-Йорк — это страшно большой город, в котором страшно много писателей». Значит, несколькими поляками больше, несколькими меньше — для вас не должно быть большой разницы. Так как им надо зарабатывать известность за границей?

— Не знаю, в каждом отдельном случае дело обстоит несколько иначе. Надеюсь, что многие из них добьются успеха. Хотя видал я таких поляков, которые, издав книжку в Штатах, на пресс-конференции или «бук-парти» на вопрос, кого еще из польских писателей стоит издать в Америке, отвечали: «Увы, больше уж никого нет. Вакуум! Полная трагедия!» Этим мы отличаемся, например, от чехов, которые очень поддерживают друг друга. Хотя... с другой стороны, осуждают Милана Кундера. И Милоша Формана тоже (разводит руками).

— Образ Польши — страны воров и завыстников — с давних пор появляется в вашей прозе. Крах коммунизма не изменил этого мнения?

— (С упрёком в голосе, но улыбаясь) С этими ворами — это уже перебор... (Оправдывающимся тоном) Это фигура речи, сильное преувеличение... Хотя действительно так уж сложилось, что, например, в Германии о нас бытует мнение как об угонщиках автомобилей. Нельзя, конечно, так обобщать. Однако, бесспорно, бескорыстная зависть — это польская специальность. Со всей ответственностью берусь утверждать, что это чув-

ство действительно существует, оно сильное и, возможно, выделяется на фоне всех остальных наших черт. Тут ведь дело не в том, чтобы занять чье-то место, а в том, чтобы так вообще, на всякий пожарный, кого-то обосрать.

— За всеми спорами о нашей пресловутой зависти и подлости кроется очень серьезный вопрос о сомнительном нравственном и душевном уровне поляков. От чего этот уровень зависит? Казалось бы, пятнадцать лет жизни в Третьей Речи Посполитой должны были что-то изменить, все могло бы уже выглядеть иначе.

— Знаете, я всегда боюсь обобщений типа «поляки», «американцы», «евреи» и так далее. Всегда можно сказать: смотря какие, потому что одни — так, а другие — саяк. Я предпочитаю смотреть на каждого по отдельности, на поляков, гомосексуалистов и прочих. Одних люблю, других — нет, но не отношусь к ним как к однородной массе людей. А откуда взялась польская зависть? А я знаю?... Может, оттого, что это очень бедная страна, которая всякое прошла и где ценности были потеряны уже на ранней стадии коммунизма или там социализма. Вечная нищета и недоверие ко всякой власти. Но бескорыстная зависть была уже в период романтизма. Я не люблю говорить о поляках «вообще». Так что давайте условимся, что мы говорим о проблемах некоторых героев моих пьес, а не о Папе Римском или Чеславе Милоше. Некоторые польские критики обвиняли меня, что мой бездомный Пхелка [Блошка], воришка и болтун, живущий в нью-йоркском парке, — дешевая карикатура на поляков. Мне же тем временем сдается, что с этим Пхелкой у нас, увы, много общего, хотя нельзя забывать, что это только литературный герой. Которого, впрочем, как большинство своих героев, я понимаю и люблю.

— В своей автобиографии вы без сантиментов расправились с мифом Америки как земли обетованной. Но ведь вы сами — доказательство тому, что в США можно, несмотря ни на какие трудности, осуществить свои планы и мечты. Где логика?

— Видите ли, для одних Америка — земля обетованная, для других — нет. Я вовсе не заработал там таких миллионов, чтобы покупать себе острова в Тихом океане. Нет, правда, сильно преувеличивают насчет всех этих успехов и карьеры. Интервью и авторские встречи — это действительно часть писательской профессии, но только сопутствующий элемент. Американские издательства часто платят автору меньше, чем тратят на «бук-парти», куда приглашают журналистов и критиков.

Я просто жил на писательские заработки и считал это серьезным достижением. Масса американских писателей зарабатывает на жизнь, обучая в разных учебных заведениях. Прокормиться собственным творчеством совсем не легко. Мне повезло, что все мои пьесы были поставлены и потом куплены для производства кино или же мне заказывали сценарии. По правде говоря, ни одного фильма по ним так и не сняли, зато мне за них платили. Потому что в Америке так заведено, что если какая-то пьеса прошла успешно, Голливуд тут же на всякий случай покупает: а ну как что-нибудь из этого выйдет? Так что сначала и я преподавал — в Колумбийском университете, но только несколько семестров. Потом мне уже не нужно было этого делать. Не люблю учить. Еще и поэтому не хочу давать польским писателям никаких указаний. Справятся без меня. Что уже и происходит. Загаевский тому примером — добился известности в поэзии.

— Откуда же в книге «Из головы» столько едких замечаний в адрес Америки — взять хотя бы тему политической корректности, которая, по вашему мнению, принимает там иной раз безумные формы? Пытаясь решить для себя этот вопрос, я подумал, что, возможно, это месть за то, что вам пришлось-таки немного погнуть спину в этом краю всеобщего благополучия.

— Нет, это проявление честного, искреннего отношения к этой стране. Я внимательно наблюдаю за ней. Это чудесная, великолепная страна, хоть иной раз она и приводит меня в ужас. Американский идиотизм так же глуп, как и польский, только у него несколько другой оттенок. Впрочем, находясь в Америке, я говорю о ней хуже, чем за ее границами. То же самое и с Польшей — сю я восхищаюсь, только когда из нее уезжаю.

— Мне не дает покоя вопрос, почему вы, безжалостно описывая американскую культурную жизнь в разных ее проявлениях, щадите тамошнюю критику, особенно театральную, выражаетесь о ней с почтением. Чего не хватает польским критикам, почему все подряд, а в первую очередь писатели, относятся к ним с пренебрежением?

— Об американской критике я пишу хорошо, потому что она обо мне хорошо пишет (смеется). Есть какая-то закономерность в том, что чем больше плохих рецензий на мою пьесу появится в Польше, тем вернее ее ждет огромный успех в остальном мире. Часто в польской критике встречается интересное сочетание отсутствия литератур-

ных способностей с целой системой спекуляций и зависимостей. Но я не хочу на эту тему распространяться, потому что мне как клиенту критиков это не пристало.

— Признаюсь, не понимаю: если вам не пристало говорить о польской критике, хотя вы, насколько я понимаю, не опутаны сетью зависимости от издателей, рецензентов и других писателей, то кому пристало? Кто имеет право громко заявить, что польская критика ни к черту не годится?

— Я слишком мало читаю критических сочинений, чтобы вот так по-серьезному их оценивать. Да, наверное, мало читаю... Ведь было же когда-то несколько критиков, чьи вещи читались с наслаждением. А теперь наслаждений ищут в других местах. Критику на берегах Вислы я воспринимаю только как «паблисти». Если рецензия хорошая — хорошо, плохая — Бог с ней. И речи нет о серьезном разговоре.

Когда-то, во времена ПНР, было хуже некуда получить положительную рецензию в «Трибуне люду», потому что люди попросту не приходили после этого в театр. Поэтому я всегда раскрывал эту газету с дрожью и надеждой, что меня обольют нечистотами. А потом вздох облегчения: разругали! Сразу было ясно, что завтра люди будут стоять у входа в театр. То же самое было с кино и литературой.

Нынче в Польше, кажется, не воспринимают всерьез театральную критику. Важнее то, что скажут люди. Американцы читают критические статьи в прессе, потому что вынуждены выбирать. В Польше премьер немного, так что и выбор невелик. Я знаю спектакли, низко оцененные критикой, а позже все равно имевшие успех у публики, а значит, и приличные кассовые сборы.

— А может быть, никто не верит польским театральным рецензентам и они не пользуются авторитетом, потому что их оценки зависят от конъюнктуры и приятельских соглашений, а не от истинной ценности спектакля?

— В американской театральной критике есть несколько замечательных авторов, хотя и у них, конечно, есть свои пристрастия. А также не самые лучшие дни. Когда они гриппуют, например. Однако в принципе они стараются быть объективными: не поддерживают дружеских отношений с писателями, после премьер не ходят на банкеты. Хотя не будем обольщаться, даже и там не все так уж совершенны. А вот плохая рецензия в «Нью-Йорк таймс» убивает пьесу в течение двух-

трех дней, независимо от того, сколько денег ушло на постановку. Иначе и быть не может, если в одном только Нью-Йорке проходит более четырехсот премьер в год. Людям ничего не остается, как слепо верить «Нью-Йорк таймсу» — по крайней мере, они уверены в том, что там работают профессионалы.

— *«Из головы» заканчивается двумя мрачными фрагментами, которые сильно отличаются по своей атмосфере от предыдущих, в целом безмятежных частей книги. Это ваши размышления о матери и о Елси Косинском. Признаться, они произвели на меня сильное впечатление. И вызвали уважение — прояснили мне, что вы не исповедуете идеологию «легкости бытия».*

— Эта книга заканчивается событием, для меня наиважнейшим, — уходом матери. Это было для меня чем-то непередаваемо страшным. Я боялся об этом писать, но написал. А Косинский?.. В Нью-Йорке я долгое время приглядывался к нему. Невероятный успех и вместе с тем — атмосфера подозрений и обвинений. Говорят, что он несколько лет подряд всегда имел при себе яд, то есть был готов к самоубийству.

— *Читая ваши воспоминания о Косинском, я не мог отделаться от мыслей о Марке Хласко. И потом понял, почему. Оба были баловнями судьбы и могли добиться всего. Глядя на них в минуту их славы, на ее вершине, никоим образом нельзя было предвидеть, что они так стремительно упадут вниз. Наверняка вы не раз задавали себе вопрос о цене успеха и о том, как тонка грань, отделяющая успех от поражения...*

— В 1982 году, как раз в то время, когда я очутился в Нью-Йорке, появилась статья в газете «Виллидж войс», которая полностью изничтожила Косинского. А он тогда уже был большой знаменитостью — заслуженно или нет, не мое дело. В этой статье его обвинили в том, что он не сам пишет свои книги, что за него это делают нанятые им издатели, что он не настолько хорошо знает английский, чтобы писать на этом языке.

В результате отменили все его встречи с читателями, перестали переиздавать книги, а люди, которые еще недавно носили его на руках, отвернулись от него. Трагическая история. Можно сказать, что его затравили, так что уже до конца своих дней он оставался чем-то вроде раненого зверя. Исчез из публичной жизни, зашился на семь лет дома и писал свою последнюю книгу — «Отшельник с 57-й улицы». Все это пахло от-

чаянием — его прежнее творчество было ценно своей свободой, отсутствием напряжения, а теперь он хотел доказать, что пишет сам, что он серьезный писатель, эрудит... Получилась довольно кошмарная книжка. Творение, которое должно было вознести его обратно на Парнас, оказалось ужасным провалом. На «Отшельника» обрушились скверные рецензии, и Косинский от этого удара уже не оправился.

Я размышлял о его жизни — судьба или случай ею управляли? Сравнивая его историю с историей Эдипа, задавал себе вопрос, возможно ли в сегодняшнем мире написать трагедию и каково различие между трагедией и трагизмом. Я даже начал писать о нем пьесу, но отвлекся, чтобы написать «Из головы», хотя думаю, что еще вернусь к этой теме. О Косинском, кстати, появилась уже одна пьеса в Нью-Йорке, но провалилась сразу, потому что была страшно публицистична. Автор все в ней объяснил: много ли Косинский врал, зачем и почему. А мне кажется, что он интереснее как человек, не до конца просвеченный рентгеном, и что-то в этом роде я пытаюсь написать.

— *Вы не хотите раскрыть его тайн или считаете это попросту невозможным?*

— Знаете, однажды я пришел к нему домой, на эту самую 57-ю улицу, а он начал при мне прослушивать answering machine, или, как это по-польски... автоответчик, да? Там были такого типа messages: первый — из Йельского университета, исполненный уважения, преклонения, умоляющий приехать и украсить собой какое-то торжество; следующий — от женщины, мягко говоря, легкого поведения, которая кричала: «Ты, сукин сын, если сию минуту не появишься, я тебя прикончу!»; третий из какого-то колледжа, покорный: «Mister Kosinski, please!»; потом опять же от какой-то женщины с испанским акцентом. Вначале я подумал: «Боже, какая это необыкновенная жизнь!» — но тут же мне пришло в голову, что, возможно, все это он приготовил специально для меня, что это инсценировка, чтобы шокировать нового знакомого.

Косинский делал массу странных вещей, которых я не в состоянии объяснить. Ходил, например, по больницам, к смертельно больным людям. Садился у кровати и читал им отрывки из своих романов. Я не знаю, хотел бы я, чтобы Косинский сел около моей кровати и читал мне «Страсти Господни» или «Ступени»... Вокруг него была атмосфера тайны, неясности. Великий успех и великое падение — это всегда безумно интересно.

— *А вам не приходила в голову мысль, что история Косинского — своего рода предостережение любому писателю в эмиграции?*

— То есть думал ли я о собственном падении? Конечно, но известно ли вам, каким трудом я достиг того, что имею...? *(Проникновенно)* Я страшно намучился. Ей-Богу, добиться чего-то в Америке очень трудно. Там огромная конкуренция, беспрерывно приземляются самолеты с ордами творческих людей со всего мира, а под мышкой они тащат рукописи, мольберты и ноты. Как правило, они исчезают где-то во всеобщей суматохе. Часть из них отталкивается от дна, но большинство исчезает. Однако вот интересное дело: в Америке люди знают, как нелегко чего-то достичь, и, если кому-то наконец это удастся, считают, что это заслуженно. Тогда как у нас воцаряется страшная подозрительность, недоверие к любого рода успеху. Когда в Нью-Йорке начали ставить мои пьесы, у нас тут же сочли это доказательством интеллектуального падения Америки.

— *Сопутствовали ли вам на этом нелегком пути те опасения, которые мучают героев «Охоты на тараканов» и «Антигоны в Нью-Йорке»? Что и вы закончите свои дни на улице и будете спать на лавке, прикрываясь газетами?*

— Когда я писал «Тараканов» — да, было такое. Работа над этой пьесой шла у меня как по маслу, потому что по большей части была записью моих ночных разговоров с женой. Я спрашивал с ужасом: что же будет? Чем все это кончится? Есть ли у нас еще деньги, чтобы заплатить за квартиру и не окажемся ли мы на улице?... Эта вещь действительно очень личная. Это бессонная ночь пары эмигрантов в маленькой квартирке на Манхэттене в компании тараканов, когда из-под кровати вылазят призраки. Тут что-то типа шизофренической мешанины Польши с Америкой, поскольку агенты госбезопасности из Варшавы не слишком отличаются от офицеров иммиграционных служб.

— *Что, и правда не отличаются? Трудно поверить! Это после военного-то положения в Польше?!*

— А вот представьте себе! Меня это сродство поразило еще тогда, когда я только что приехал в Лондон и старался получить американскую визу. Прежде я принял приглашение одного из самых дорогих аристократических колледжей для благородных девиц, в котором, кстати, преподавал еще Эрих Фромм. К тому же президент Рейган осудил военное положение, а Ярузельского вместе с его

свитой назвал шайкой бандитов, ну я и считал, что в американском посольстве мне раскроют объятья и расцелуют. И что оказалось? Когда я принес все документы и приглашения, ко мне отнеслись как к пройдохе, который состряпал какие-то левые бумаги и пытается выцыганить «политическое убежище». Меня, например, спрашивали, не является ли целью моей поездки покушение на президента. Женщин, которые ожидали решения вместе со мной, спрашивали, собираются ли они заниматься проституцией. Я им советовал отнестись к этому как к комплименту, но у них все же были сильные сомнения на этот счет. Актеры, участвовавшие в американском представлении «Охоты на тараканов», тоже не верили, что в иммиграционной службе задают такие вопросы, — ну и в конце концов позвонили туда. Оказалось — задают.

— *Но болезненнее вы все-таки реагировали на нью-йоркских homeless? Это сильнее впечатляло — то, что можно оказаться на их месте?*

— Разумеется, я боялся, глядя на бездомных, лежащих под стенами домов. Когда идешь по Бродвею, приходится перешагивать через людей, спящих на улице. Но если они улыбались, становилось как-то получше. Я даже начинал подумывать, что, может, это и не так страшно — очутиться под этой стеной... Так что, в конечном итоге, я учитывал возможность такого краха... Когда Джо Папп взялся за постановку «Замарашки», я жил на Манхэттене, но за Гарлемом, то есть ужасно далеко. Ночью я возвращался на метро, с пересадкой, частенько засыпал где-нибудь на станции. Это было невероятно! Крис Уокен, который только что получил «Оскара» за «Охотника на оленей», выступает в моей пьесе, а я в этой гарлемской толпе, на какой-то заплеванной лавке, жду электрички. Страшная путаница. Все это крайне занимательно, но я никому не пожелаю того же.

— *Что ж, и впрямь сюрреалистическая картина. А теперь, после всего этого, вы не задаетесь вопросом: а стоило ли? Не слишком ли высока цена карьеры?*

— Видите ли, я все-таки занимался в Америке тем, что люблю и умею делать лучше всего остального, то есть писательством. И к тому же мне кажется — я говорил об этом не раз, — что унижение писателю не повредит. *(Убедленно)* Я в самом деле так думаю! То, через что я прошел, только обогатило мое творчество. Сомневаюсь, что я смог бы написать «Антигону», не покидая Варшавы. Я должен был столкнуться с тем, что в Нью-Йорке повседневность: взлет и падение. Там

успех ходит рука об руку с катастрофой. Я наблюдал это, потому что и сам был в двух шагах от катастрофы. Поэтому я не ропщу.

А стоило ли? Стоило именно потому, что это хорошо на меня повлияло. Я стал писать лучше. Потерял уверенность, что Польша — пуп земли и что тут гений на квадратный метр больше, чем где бы то ни было. Я ни о чем не жалею, как пела Эдит Пиаф.

— *Признаюсь, не вполне этому верю. Вся ваша новая книга — это бурная реакция на слепое подчинение законам мира масс-медиа, гонки за карьерой, пустой лоск. Вас ведь все это приводит в ярость...*

— То есть чему вы, собственно, не верите?

— *Не верю, что вы принимаете эти законы и действительно хотите баловаться этими играми в успех. Вы вынуждены этим заниматься, потому что такова цена публикации. А это меняет суть дела.*

— Да я и не играю в успех. Я признался, что в муках чего-то добился, но имел в виду только само писание книг. Ради этого стоило мучиться. А остальное — требования рынка, благодаря которым мы сейчас сидим у стойки в баре и беседуем. Они, увы, необходимы, и вы им подчиняетесь не в меньшей степени, чем я. Такова сегодняшняя реальность — ничто не обойдется без телевидения.

Конечно, мир болен, его заразили средства массовой информации, которые нами манипулируют и, в свою очередь, сами поддаются манипуляциям. Так уж случилось, и ничего тут не поделаешь. Если мне хочется, чтобы мои книги читали, то я должен с вами беседовать — может, кто-нибудь этот разговор увидит и купит их, а я заработаю денег. А вот доставляет ли мне это удовольствие? (С двусмысленной улыбкой) Трудно сказать. Может, если выпью еще пива, почувствую себя лучше...

— *Как далеко простирается ваша готовность к подобного рода компромиссам? Вам не мешает, что перед нашим разговором в пятнадцатиминутной литературной программе зрители около часа будут выслушивать откровения футбольного игрока или актрисульки популярного сериала о судьбах мира? Подозреваю, что таким образом создаваемая СМИ иерархия ценностей вам не по нутру.*

— Не по нутру, и об этом, помимо всего прочего, моя последняя книга. Об этой путанице понятий, утрате ценностей, об их переходе в стадию цинизма и о кошмарном поглуплении мира. Впро-

чем, это, кажется, заметно всем. Если уж дизайнеры стали величайшими художниками XX и XXI века... Это же бред какой-то! Я здесь пишу, например, как над музеем Метрополитен вывесили гигантский плакат с надписью «Версаче», а рядом висят малюсенькие афиши «Мане», «Пикассо». На эти выставки вообще никто не приходил, но на Версаче валили дикие толпы, потому что в витринах (чтобы никто, упаси Бог, не коснулся рукой экспонатов) выставили платья леди Дианы. Мужчины и женщины плакали, глядя на них. Вот до чего довели мир масс-медиа.

— *Мне хотелось бы вернуться к вопросу о той цене, которую приходится платить за эмиграцию. Много лет назад мне довелось вести встречи с Маклакевичем во время Дней кино и литературы — надо сказать, общение с ним было мощным впечатлением. Могу себе представить, как подобные люди могут влиять на окружающих. Маклакевич и Химильсбах [всемирно любимые польские актеры, Ян Химильсбах еще и интереснейший прозаик] часто упоминаются в вашей книге. Это часть того мира, который вы потеряли, уезжая. Интересно, удалось ли вам хотя бы частично воссоздать его в Америке.*

— Нет, в Америке у меня был совершенно иной мир. От чего-то я отошел или, скажем, отпал, зато узнал новых людей, новые жизненные драмы. Среди них тоже встречались большие художники со всяческими проблемами, с пьянством, к примеру, или кокаином. Так что в итоге это было обогащением, а не только утратой. К Янеку и Здисю я отношусь лирически, но, по правде говоря, не страдаю от какой-то безумной тоски по ним. Думаю и пишу о них с ностальгией, что, наверное, видно, но могу без них жить.

— *С ностальгией? Да, это видно. Хотя необязательно по самим Маклакевичу и Химильсбаху, а по некоторой модели мира, которая потеряна безвозвратно.*

— Да. Это был пээнэровский мир, зараженный абсурдом и несостоятельностью — из-за цензуры и всего остального. Угробить здоровье и талант считалось хорошим тоном, чем я и занимался в течение многих лет, и с неплохим результатом. Возможно, мой отъезд меня и спас, иначе меня уже могло бы и не быть, как очень многих моих друзей и знакомых. Я писал, что когда после семи или восьми лет отсутствия приехал сюда, то ожидал, что это станет огромным событием. Вернулся известный писатель, достигший успеха в

Америке. Захожу в СПАТиФ [Объединение польских артистов театра и кино, а в данном случае кафе при нем] — и что? Там никто вообще не заметил, что я уезжал. Кто-то меня только спросил: «Дернешь еще пол-литра?» Они не заметили, что меня много лет не было.

— Ну, были и такие, что заметили, иначе вы не написали бы в своей автобиографии, что любите приезжать в родные пенаты, чтобы посмотреть на завистников, которых корчит со злости, что у вас все получилось. За американский успех требуется, однако, заплатить: вам никогда уже не быть для поляков тем, кем были Химильсбах и Маклакевич.

— Я отдаю себе в этом отчет. Химильсбах и Маклакевича потому-то все и обожали, что у них жизнь не сложилась: вечно пьяные, оборванные, и вечно занимали деньги. Тогда успех в Польше был подозрителен, к нему плохо относились. Поляки прощали Янеку и Здисю их славу, потому что завидовать было нечему. Все знали, что когда Химильсбах отправлялся пить, то клал верхнюю вставную челюсть в правый карман, а нижнюю — в левый, чтобы не потерять обе разом. Это были потрясающие актеры, в самом деле недооцененные, и страшно жаль, что оба ушли из жизни так преждевременно и бессмысленно. А Янек был писателем по гамбургскому счету.

Еще среди тех, кому удалось пробиться к славе, снисходительно относились к спортсменам. Все знали, что это нищие, контрабандой провозящие золотые часы в трусах, а доллары — в зубной пасте. Помните знаменитую историю Владека Комара, который в те баснословные коммунистические времена покупал на Западе по две пишущих машинки «Оливетти», связывал их ремнем от брюк, вешал вокруг шеи так, что они болтались у него на груди, застегивал плащ и проходил через таможенно?

— Превосходные страницы в книге «Из головы» посвящены описанию пьющей богемы или просто каких-то городских забулдыг. Тут возникают миры необычайно живописные, полные колоритных персонажей вроде тех, которых мы когда-то находили в прозе Конвицкого. А ведь вы с какого-то времени потеряли их из виду, наблюдаете их наскоками. Много ли изменилось в жизни этих польских пропойц?

— Вы понимаете, перевелись нынче такие заведения, как кафе СПАТиФ. Вы уже нигде не найдете такой перетасованной публики, которая была особой приметой тех мест. Там вместе напи-

вались диссиденты и топтуны, которые их подслушивали, жалуясь, что на такой паршивой аппаратуре ни черта не запишешь. Уличные девки сидели в соседстве знаменитых спортсменов, артистов и членов ЦК. Сейчас люди нажили состояния и ходят на «презентации», где вращаются в кругу звезд телесериалов и прочих жалких зрелищ. Что-то пропало.

Тогда все было перемешано. Полная сумятица. Как-то один гэбэшник, который меня допрашивал, спросил, зачем я вообще пишу. «Интеллигентный человек не пишет», — сказал он, — интеллигентный человек не оставляет за собой никаких следов». Этот разговор хорошо передает атмосферу тех лет. Он не вошел в новую книгу, а жаль.

— Когда я учился, мы были обязаны читать ваши фельетоны, так как еженедельники «Культура», «Политика», «Литература» и некоторые другие журналы были в нашей обязательной программе. Признаюсь, вы нас ставили перед дилеммой: с одной стороны, публиковались в передовом партийном издании, с другой — как бы заговорщически подмигивали нам, издаваясь над партийными святынями. Мы замечали, что вы выделяете какие-то изощренные па на канате, но вместе с тем понимали, что это позволено только любимцу Януша Вильгельми. Как функционировал этот договор с нечистой силой?

— Вильгельми действительно имел ко мне некую слабость. Это был страшно циничный главный редактор, но вместе с тем интеллигент, эрудит. Я получал от него уроки цинизма типа: «Янушек, избегай первых порывов души, они могут быть честными». Или: «Не следует слишком уж отбрасывать мораль — однажды это может перестать быть выгодным». Это были его знаменитые бонмо... [Варшавской] «Культурой» Вильгельми руководил довольно жестко и безжалостно, но, кажется, его забавляло, что он мог позволить мне на последней странице газеты насмехаться над тем, за что он воевал на первой. Пропускал он почти все, что я давал. Я был в его глазах кем-то вроде того способного, но хулиганистого ученика, которого еще можно воспитать.

— И в итоге такого «воспитания» вы должны были сделаться еще одним Теплицем или Пассентом [ведущие публицисты и фельетонисты официальной печати ПНР, продолжающие писать и ныне]. Вы же избрали третий путь, и сегодня переизданы ваши тогдашние фельетоны, а люди их покупают. В чем заключается ваш патент?

— Это была своеобразная игра с цензурой. Я разработал систему писания навыворот. Например, когда появилось пресловутое «Глупое дело» Станислава Рышарда Добровольского о марте 68-го, было строжайше запрещено высказываться о нем критически. Тогда я решил засыпать его похвалами и в фельетоне сравнил с «Улиссом» Джойса, в пользу, конечно, Добровольского. Я очень серьезно анализировал, и цензура это пропустила. Говорят, Добровольский тоже прочитал этот текст буквально и остался доволен. А я убедился, что это эффективный метод, и мне довольно долго удавалось обманывать цензуру, пока два моих фельетона не были инсценированы в кабаре «Под Эгидой». Первый был похвалой Аттиле, которого я сделал либералом, воюющим с моральным упадком Запада, а второй рассказывал о Фоме неверующем. Цензоры вдруг увидели, что люди, слушая Пшоняка и Фрончевского, покатываются со смеху, и почувствовали, что с моими текстами что-то не так. С тех пор цензура приклеилась ко мне крепко. Таков был конец моих извращенных игр с цензурой. (улыбается) Что ж, рад, что эти фельетоны не вызвали у вас отвращения, хотя и были опубликованы в коммунистической прессе.

— *Не вызвали, потому что издевательский тон был очевиден. Но, как ни крути, вы писали в правительственной газете, что уже было принятием диктанта. И тут всегда встает вопрос: где граница? Что еще можно себе позволить, а чего — уже нет? Вот в партию вы, например, не вступили. То есть что-то можно было, а чего-то — нельзя. Меня интересует, как вы для себя устанавливали эту границу?*

— Видите ли, где-то все же приходилось писать, если хотелось быть писателем. Конвицкий тоже печатался в коммунистическом «Читальнике». Так что не надо громких слов об играх с властью, раз других возможностей не было. О чем еще тут говорить?

— *Существовала альтернатива — например, парижская «Культура». Если кто-то уперся на своем, то мог посылать свои тексты Гедройцу и, как Стефан Киселевский к примеру, годами функционировать под псевдонимом. Так что и этот Рубикон можно было перейти.*

— Я не перешел. Статьи сказать, сам Киселевский горячо меня убеждал этого не делать.

— *А чем он аргументировал?*

— Твердил, что меня доконают. Говорил, что-бы книгу, которая для меня важна, я писал сам для себя и рассчитывал на то, что когда-нибудь она

будет напечатана. Был у нас на эту тему разговор в СПАТиФе. Крутился там и Витольд Филлер. Киселевский сказал: «Если вы издадите книгу в „Культуре“, вот этот самый Филлер, который сейчас к нам тут пытается подольститься, вас первый и задушит. Будьте осторожны!»

Я считал, что нужно попросту писать хорошо и то, о чем думаешь. В результате нет у меня такого фельетона, пьесы или рассказа, которых я сегодня мог бы стыдиться. Писал такие тексты, что пропускали, и такие, что не пропускали. Постоянно испытывал границу: что еще можно сказать, а чего — уже нет.

Тогда мне страшно хотелось заниматься кино, а это как раз в подполье было бы совершенно невозможно. Если бы меня взяли «на заметку», то запрет был бы уже на все. Вместе с Марексом Пивовским мы написали несколько сценариев, которые не прошли. Один из них был польской версией «Easy rider'a», второй назывался «Я в политику не вмешиваюсь» и был, разумеется, о политике. Под разными названиями мы его подсовывали и на телевидение, и в кино, но он везде застревал. Но повторяю: я не жалею о цензуре, потому что пару вещей мне все-таки удалось напечатать. «Мощь крушится» вышла уже в самиздате.

— *А как вы потеряли расположение Вильгельми? Он ведь считал вас своим любимцем. Что произошло? Я где-то читал, что это случилось, когда вы начали ему приносить свои сценарии. Что же в них такого было?*

— Он просто прочитал то, что я написал, и понял, что заблуждался на мой счет. Кроме того, пока он был главным редактором [варшавской] «Культуры», он мог позволить себе разные фокусы. Но когда он стал шефом кинематографии, это был уже другой разговор. Испугался просто. А может, я начал писать саркастичнее? Не знаю, трудно сказать. Короче, он решил, что забавам с Янушем Гловацким конец.

— *Я прекрасно помню Вильгельми и его абсолютный цинизм. Не верится, чтобы он мог чего-либо бояться. Я помню такие его заявления в прямом эфире, что просто челюсть отвисала от изумления. Он мог позволить себе очень многое. Во всяком случае, не стряпал идеологической баланды.*

— В книге «Из головы» я описал, как однажды пошел к Вильгельми вместе с Вайдой. Я тогда принес ему сценарий под названием «Матч», вроде как о футболе, но очень метафорический. Вайда только что снял «Землю обетованную» и нахо-

дился в зените славы и таланта, тем временем Вильгельми разговаривал с ним так: «Анджей, вы ведь неглупый человек. Вы должны понимать, что кино — это никакое не искусство. Вы это и сами прекрасно знаете. Рильке, Элиот, Селин — это, конечно... но кино?!» Это было неслыханно. Вайда сидел с выпученными глазами.

— *А что с этим вашим сценарием, из-за которого вы пришли?*

— Вильгельми его не пропустил. Позже он сказал мне: «Ну и что ты себе, Янушек, нафантазировал? Что ты будешь первому секретарю ЦК грозить пальцем перед носом?» И таким образом пути наши должны были разойтись неотвратимо. Не знаю, может, раньше ему хотелось показать, как он либерален и как далеко простирается его могущество в культуре? А потом ему уже не нужно было ничего показывать — стало быть, начал разделять и властвовать. И превратился в фараона. Он был на самом деле грозен. Цензуру можно было облапошить, объехать на кривой, его — никогда. Он был для этого слишком умен.

— *Так зачем же он так проталкивался к партийной кормушке? Чтобы растаптывать других? А может, чтобы самому не нужно было уже ни перед кем заискивать?*

— Он был загипнотизирован властью и карьерой. Безумно завидовал Раковскому, что тот был заместителем члена ЦК, а вот ему партия никогда до конца не доверяла — именно потому, что был умен. Чувствовали, что ему нельзя до конца верить из-за его цинизма; чувствовали, что он играет. Мне страшно жаль, что Вильгельми погиб в авиакатастрофе. Очень любопытно, что бы с ним происходило теперь и как бы он себя повел в новых условиях. Опубликуй он мемуары, это был бы необычайно интересный документ.

— *А что бы вы сказали, если бы оказалось, например, что он видел себя таким Валленродом? Так ведь, в конечном итоге, представляют себя сегодня и Кицак, и Ярузельский. Так себя изображает и чуть ли не вся литературная братия, хотя известно, кто что писал.*

— (Со вздохом) Меня уже ничто не удивит.

— *Это должно удивлять. Меня вот все время удивляет, как можно «отмотать» время назад и так перекроить свою биографию. Деятели коммунистического истеблишмента страдают потерей памяти. Но вот вопрос: это и впрямь склероз или они до такой степени циничны?*

— Натура человеческая так богата, что мы способны полностью стереть из памяти определенные фрагменты своей жизни. Забываем о вещах, которых стыдимся. Думаю, что О. Дж. Симпсону удалось убедить себя, что он не убивал своей жены и не раскромсал ее любовника на куски. Не знаю, известна ли эта история в Польше... Глядя его выступления по телевидению, я был совершенно уверен, что ему удалось все это изгладить из своей памяти.

Вот и множеству людей в Польше удалось наивно забыть о своем прошлом. Помню писателей, по чьим конъюнктурным книжкам я учился в школе, а позже они стали беззастенчивыми борцами за свободу и демократию. Широта человеческой натуры... И величие... Может, сам Господь Бог, со своим неслыханным великодушием, как-то тут замешан.

— *Бог пусть будет великодушным, но могут ли люди себе это позволить? Что вы думаете об обнародовании документов Института национальной памяти, касающихся писателей? На основании исследований, проводимых, в частности, [немецким] Институтом Гаука, можно заключить, что масса людей искусства сотрудничала с секретными службами.*

— Это грустно и паскудно. Но ведь известно, что правда о том времени чудовищно сложна. Людей запугивали, шантажировали. Подозреваю, что мало кто доносил добровольно. Вы считаете, что стоит сейчас во всем этом копаться? Может, через несколько десятков лет, когда все умрут... Рассекречивание архивов открывает дорогу гнусным злоупотреблениям и, вместо того чтобы быть орудием справедливости, становится частью политических игр, средством шантажа и т.д. К тому же я не уверен, что надо относиться к рапортам гбэшников как к Евангелию.

— *Но ведь когда это касается писателей, это не служит никаким политическим играм, а только истории литературы. Вы полагаете, что имеет смысл ее ретушировать?*

— Вы ученый, вам и решать. Меня это не особенно интересует. Я все это уже знаю или гадаю.

— *Большинство ваших собратьев по перу вынесло из пэнэровского периода психологические травмы или хотя бы убеждение, что у них украли часть жизни. А вам как-то удалось простить прошлому. Вы даже о цензуре рассказываете с юмором.*

— Не хочу жаловаться на цензуру, потому что все этим занимаются и это нудно. Несколько хороших вещей я напечатал, несколько — не напечатал. Когда не удавалось что-то издать или снять фильм, тоску топили в алкоголе, если позволите так поэтически выразиться.

— *Что ж, я слышу, однако, легкую сентиментальную нотку, сожаление что ли... По коммунизму вы не тоскуете, тогда по чему? По сумасбродной молодости? По атмосфере абсурда — хорошей подкормки для искусства?*

— Страна свободна, и я этому очень рад, но, увы, сегодня редко вы встретите полицейского, который спросит вас шепотом: «Товарищ писатель, а Бог есть?»

— *(Недоверчиво) Вы действительно видели такого полицейского?*

— Конечно.

— *И что вы ему ответили?*

— Что, разумеется, есть.

— *И это было выражением вашей подлинной веры?*

— Абсолютно неподлинной веры.

— *(Подумав, неуверенно) Хм-м... Я ведь допытываюсь неспроста. Я пролистал массу интервью с вами и заметил, что ни одного журналиста не интересовало ваше мнение на такие темы, как вера, любовь, Бог, смерть...*

— Стойте, минуточку! Вера, любовь и смерть в одном интервью? Да тут тем на несколько книг! Что до любви, то я к этому чувству отношусь с подозрением. Хотя если такое множество людей о ней говорит хорошо, то что-то в этом, возможно, есть. А о Боге поговорим в другой раз, уж больно это серьезный вопрос.

— *Не спорю, хотя мне всегда как-то не по себе, если писатель избегает разговора о метафизике. В конце концов, это ведь важный вопрос для литературы. Тем более для великой литературы.*

— Знаете, настоящий метафизический опыт у меня был, когда я поехал с экскурсией в Большой Каньон и наблюдал эту невероятную американскую природу. Я где-то писал о другом важном опыте, каким для меня была поездка в Новый Орлеан, где поставили «Охоту на тараканов». Там в те времена проповедовал один знаменитый священник, действительно мудрый и талантливый человек. Он пришел на спектакль, а потом пригласил меня и режиссера-англичанку на литургию. Это была традиционная новоорлеанская литургия, молились за од-

ного негритянского мальчика, инвалида, которому крокодил отгрыз полноги. Священник говорил мальчишке, что Бог его избрал. Выделил из остальных. Что Он мог его забрать, но так направил случай, что крокодил его только покалечил. Мальчик плакал и был печален, но потом вся церковь запела, и он вместе со всеми. Произошла какая-то совершенно метафизическая вещь. Коллективный экстаз, а сквозь витражи внутрь просачивается кровавый закат... Моя спутница-англичанка, видя все это, сказала, что теперь понимает, почему лондонские церкви пустуют. Под конец священник сказал прекрасную вещь: «Тут с нами есть человек, который приехал из Польши. Возможно, никто из вас не знает, где находится Польша. И вряд ли кто-нибудь из вас когда-либо поедет туда. Но это не имеет ни малейшего значения, потому что Бог везде тот же». *(С некоторым колебанием)* Мое отношение к Богу и религии для меня самого не вполне ясно, поэтому я говорю об этом с трудом. Я бы предпочел, если позволите, эти свои сомнения оставить при себе.

— *Понятно. Хотя я не уверен в правильности такой политики. Ведь и вправду обращает на себя внимание то, что во всех интервью, рецензиях и статьях к вам приросла маска такого человека, с которым можно говорить исключительно о материях легких, приятных и необременительных. Например, о пьянствующей божественной молодежи или о жизни высшего общества. А тем временем это совсем не так. Несколько минут назад мы разговаривали о вашей матери, о Косинском. Эти мотивы есть в вашей книге. Так почему же журналисты и критики не касаются более серьезных тем в вашем творчестве? Взять хотя бы трагическую тему в «Антигоне в Нью-Йорке» и других текстах.*

— *(Импульсивно)* А что я могу поделать?!.. Разве «Замарашка» — это о божественной молодежи? А «Последний сторож», а «Стрекотание», а «Мощь крушится», а «Рапорт Пилата» или «Рейс»? Просто руки опускаются. Это все о варшавской золотой молодежи? А Россия? А Америка? А нищета, отчаяние и страх? Но вернемся к нашему разговору о рецензентах и критиках.

— *Может, начни вы больше разговаривать с журналистами на вечные темы, это бы что-то изменило. Среди ваших любимых писателей — Достоевский, а он-то как раз живо откликался на религиозные вопросы. Даже когда говорил, что если Бога нет, то и отцу в морду можно. В чем он вам созвучен?*

— Среди моих многочисленных мэтров есть глубоко верующие, есть совершенно неверующие. Ничего, я с этим справляюсь. Отчасти касаюсь этих вопросов в «Антигоне в Нью-Йорке». Во времена Софокла, как известно, Антигона должна была выбирать между законом божеским и законом человеческим. Сегодня на небе так облачно, что Бога не видно, а человеческий закон заменен порядком, охраняемым полицией. Мы предоставлены собственному нравственному инстинкту, сами должны ориентироваться и делать свой выбор.

Знаете, для меня это вещи безумно интересные, которых я часто не понимаю. Когда случилась трагедия Международного торгового центра, нью-йоркского кардинала спросили, повлиял ли как-то на его веру тот факт, что погибли тысячи невинных людей, среди них женщины, дети... Он ответил, что нет, что он по-прежнему верит: Бог милосерден и сострадателен, — достаточно увидеть толпы людей, приходящих в церковь и молящихся, в том числе семьи погибших. Я думаю, что в моих книжках много метафизики, только я брезгую морализированием.

— *А как вы относитесь к предназначению? Считаете ли вы свою судьбу полностью себе подвластной, или все происходит независимо от вашей воли?*

— Снова вопрос, на который трудно ответить. Собственно, на эту тему у меня много сомнений и об этом я пытаюсь писать. Зингер сказал, что изменить адрес — значит изменить предназначение. Не знаю, должно ли было произойти все, что со мной произошло, или все это лишь игра случая. Может, именно в случайности моей судьбы и содержится какой-то высший смысл. То есть в совершенном отсутствии смысла. Хаос. Мешанина. Скитание. Блуждание по жизни, по городам и весям.

— *Читая вашу последнюю книгу, я смеялся, хотя в ней, помимо презабавных фрагментов, есть и сильные ноты горечи. Последнее время мне редко случается смеяться за чтением польских книг, ну разве что читая Ежи Пильха. Что за странная болезнь у польской литературы — она совершенно несмешная...*

— Не знаю, я ведь не читаю всего, что пишет сейчас в Польше. Боюсь, что у нас в почете серьезный, резонерский тон. Надутых моралистов у нас возносят на пьедестал. Может, это наследство позитивизма, после лет рабства и оккупации, когда важно было писать для поддержки национального духа? Как вы считаете?

— *Признаюсь, меня не убеждают концепции деструктивного влияния нашей печальной истории, истории бедствий и неудач, на культуру. У чехов тоже были Белая Гора, оккупация и коммунизм, однако они умеют смеяться.*

— *(Задумчиво)* Я из кумовства пытаюсь как-то оправдать эту нашу литературу. По-моему, ее смертельная серьезность (за некоторыми исключениями — Пильх опять же или, вы будете удивлены, Мысливский) — это одна из причин, по которым польскую литературу не знают в мире. Мы живем в сумасшедшую, гротескную эпоху, и смех должен быть с нами. Мы ведь с вами актеры и одновременно жертвы в каком-то фарсе. Или драме? Трагикомедии? Так это я ощущаю и потому пишу так, как пишу. Комедия смешивается с трагедией. Это известный факт, что нет ничего смешнее несчастья. Особенно для людей, которые наблюдают его со стороны. Я считаю, что ирония — лучший способ высказаться о проблемах важных и трагических. Я стараюсь рассмешить, чтобы затронуть. Может, это вопрос моего характера? Греки утверждали, что характер — это предназначение.

*Беседу вел Станислав Бересь. Текст авторизован. Подгот. к печати
Магдалена Блендовская,
Станислав Бересь.
Октябрь 2004 — июнь 2005.*

Михал Комар

Перевод Марины Курганской

СПРЯТАЛАСЬ

Отрывок из романа

Когда поспевают клубника, смородина, малина и вишня, госпожа Е. вновь обращается к наследию и жизни Льва Исааковича Шестова (1866-1938), русского философа. Выражается это в том, что госпожа Е. ежегодно варит из клубники, смородины, малины и вишни варенье и относит местному священнику для раздачи бедным, в знак *caritas**, лежащей в основе ее помыслов. Шестова называли мудрецом, что он сносил с достойным восхищения смирением. Госпожа Е. утверждает, что статус мудреца на редкость мучителен и обременителен: он приводит своего обладателя к разочарованию в людях, ибо тот бывает вынужден постоянно сталкиваться с разными не мудрыми индивидуумами и отвечать на их вопросы, — не только *не* умные, но зачастую и просто дурацкие. Древние греки знали: истинный мудрец — тот, кто постиг, что самое лучшее для человека вовсе не родиться, и потому обязанность отвечать на дурацкие вопросы спихнули на Сивилл — дев с разметающимися волосами, вытаращенными глазами, раздвинутыми коленями и пеной на губах, которые пребывали в полуобморочном состоянии, металась и дрыгалась, словно им кто-то подлил цикуты или чего похуже. Кому-то из них, конечно, нравилось впадать в иступление, но другим, наоборот, было неприятно, против своей воли и правил приличия, вопреки чувству прекрасного, то и дело дрыгаться, *будто их плохо надули* — и всё это на глазах жрецов, клиентов и простых зевак.

Не поняв, что госпожа Е. имеет в виду, говоря о надувании Сивилл, я попросил ее остановиться на этом поподробнее. Проверчивание дырочек в вишнях — занятие монотонное, следовательно, позволяющее вести просветительскую работу среди низших сословий. Госпожа Е. напомнила мне, что о плохом надувании писал Плутарх (ок. 46 — ок. 119) в диалоге *«Об упадке оракулов»*. Плутарх знал, о чем говорит, ибо сам был дельфийским жрецом. Сивилл выбирали из нежных, тоскующих девственниц. Мучимые дурацкими вопросами, они быстро старились от усталости и горя — не будем забывать, что жили они долго, тем хуже для них. Нежные, тоскующие девственницы имеют свойство под воздействием враждебного окружения превращаться в старых дев, ожесточенных и склонных к экстазу, истерикам и извержению пены изо рта. Плутарх рассказывает о пифии, которая, *впав в неистовство, с жуткими нечленораздельными воплями металась так, что бежали не только вопрошавшие ее, но и профет — толкователь предсказаний — вместе с гениями. Однако, вернувшись через короткое время, они застали ее в сознании; она прожила еще несколько дней*. Первый муж госпожи Е. постоянно приставал к ней с вопросами, от которых у нее случались головокружения и задержки месячных. В конце концов она была вынуждена подать на развод, встретив полное понимание со стороны семьи и соответствующих церковных инстанций. Сохранились также сведения — их приводит Гай Петроний Арбитр (ум. в 66 г.) — о Куманской Сивилле, которая высохла и раскрошилась до такой степени, что ее закупили в бутылку и выставили на обозрение в кунсткамере. Посетители спрашивали: «Чего ты хочешь, Сивилла?» — на что та отвечала совершенно искренне, хотя и без энтузиазма: «Хочу помереть».

Льву Исааковичу Шестову повезло больше, хотя судьба тоже его не щадила. В доказательство госпожа Е. приводит такой случай: в январе 1907 года к нему явились студенты с вопросом «Как жить?». Вот так просто — с порога, не успели ноги вытереть о коврик, впрочем, может, даже и не подумали вытереть, со студентов станется, и сразу с вопросом «Как жить?». Без всякого стеснения. В России тогда была ужасная неразбериха. Бунты в армии и на флоте. Бомбы в городах. Партизанщина в деревнях. Правительство учредило военно-полевые суды. Пять офицеров рассматривали дела за закрытой дверью, без адвоката и прокурора, а вынесенные ими смертные приговоры подлежали исполнению в сорок восемь часов. У прадеда госпожи Е. был младший брат — тот, который работал в Баку у братьев Нобелей, а у него был знакомый, доктор Леонид Васильевич В., член партии социалистов-революционеров, популярный патологоанатом. Каждый четверг они играли в вист. В декабре 1906 года Леонид Васильевич поехал в Петербург на торжественное открытие Института

* В христианстве — деятельная любовь к ближнему, милосердие (по латыни — женского рода). — Здесь и далее прим. перев.

экспериментальной медицины. Уехал и не вернулся. Пропал. Снова им довелось увидеться лишь через пятнадцать лет, в Берлине. Оказалось вот что. Получив официальное приглашение на карточке с позолоченными краями, Леонид Васильевич что есть духу помчался в столицу и показал его Евгению Кудрявцеву (ум. в 1906 г.), своему близкому другу, который входил в состав руководства партии эсеров. Подделка приглашения оказалась делом не сложным. На торжестве должен был присутствовать сам премьер-министр — Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911). Какой случай! Но получилось так, что премьер не приехал. Говорят, из-за ссоры с женой. Так что досталось Владимиру фон Лауницу (1855-1906), градоначальнику Санкт-Петербурга. Заслуженному государственному деятелю. За год до этого руководившему кровавым подавлением крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Кудрявцев, прицелившись, выстрелил в него дважды и тут же сам пал от удара шашкой офицера охраны. Поскольку кроме поддельного приглашения у Кудрявцева не было с собой никаких документов, жандармы не могли установить его личность. Поэтому им пришлось попросить Леонида Васильевича В., — ни в чем не повинного свидетеля, к тому же патологоанатома, — который оказался поблизости, чтобы он отрезал террористу голову и законсервировал ее в банке в интересах следствия. Что тот — со слезами на глазах — и сделал, а через несколько дней, переодевшись в чужое платье, бежал в Таммерфорс (ныне Темпере) и даже дальше. В эмиграции он забросил клиническую медицину. Занялся водолечением и производством гомеопатических препаратов. Кроме того, издал брошюру о детской сексуальности, посвятив ее Владимиру Набокову (1899-1977). В молодости я любила ее перечитывать из-за прелестного слога, которым она написана, и фотографий, несколько размытых, но оттого еще более притягательных. Госпожа Е. взглянула на свои руки, обгаренные соком вишни: — Вист — это замечательная игра... Я уже не помню правил, но помню, что замечательная. Кстати, на вист к младшему брату моего прадеда заходил и Калбертсон (1891-1955) — тот, что написал «Contract Bridge». Тогда он был еще подростком, у него едва усы начали пробиваться, поэтому он сам не играл, а приходил поболеть. Умничать, говорят, очень любил. Заглядывал на огонек и Анджей Вышинский (1883-1953), сын Януария, — но этот реже, потому что картам предпочитал танцы, особенно вальс. У него вообще был музыкальный талант. Болельщик должен знать свое место. И вот в такой ситуации являются к философу с вопросом: как жить? — и стоят, ждут ответа. А с башмаков капает. Теперь придется натирать паркет. Расходы небольшие, но хлопот-то сколько. За стремлением следовать авторитету кроется недоразвитие совести, вызванное умственной ленью и отсутствием нравственной самостоятельности. Это болезнь, которая косит народы не меньше, чем грипп, сифилис, опоясывающий лишай и кариес вместе взятые. Принято считать, что здоровье, с точки зрения сохранения человечества как вида, это: способность давать жизнеспособное потомство, способность к труду и способность к борьбе. Госпожа Е. считает, что авторы этой формулы позабыли о способности к *соблюдению разумной меры*. Люди плодятся, работают и воюют с таким энтузиазмом, что им даже подумать некогда, поэтому-то в конце концов они и приходят к выводу: не стоит суетиться, так и так все решает фатум, сила, перед которой надо смириться. В конце концов! Но ведь там, где есть конец, должно быть и начало. Поговорим в таком случае о начале. Госпожа Е. неоднократно участвовала в процедурах, связанных с актом оплодотворения, по большей части добровольно, будучи прекрасно осведомлена о далеко идущих последствиях подобных действий. Поступив на работу, госпожа Е. непременно знакомилась с принятым на данном предприятии внутренним распорядком, привычками начальства и пороками будущих подчиненных. Вставая на защиту своих жизненных интересов, она не чуралась насилия. Но все и всегда она делала *самолично*. Что посеешь, то и пожнешь. Без обид. Без претензий. Каждый человек рождается сам, и из этого факта следует извлечь соответствующий урок. Исключение составляют сиамские близнецы, которых когда-то показывали в цирке, а теперь по телевизору, к вящему восторгу черни. Раз уж мир устроен так, что каждый родится сам, то каждому, надо думать, дано и право быть самостоятельным. Некоторые недалёковидные люди, по своей привычке к сибаритству, этим правом пренебрегают; а когда приходит разочарование, начинают копить в своих мелких душонках обиду на весь мир, не бросившийся к ним на помощь; очень удобная позиция. Они в своей тарелке — все по уши в дерьме. А раз они там все вместе, то чувствуют себя, как дома. Добросовестно составленное, красочно и убедительно изложенное обоснование обиды придает жизни смысл, делает ее сносной, возвращает надежду. Кто умеет красиво излагать, тот считается мудрецом, учителем, мэтром, спасителем. Красиво говорил Гитлер (1889-1945). Иосиф Сталин тоже красиво, но в своем роде. Гитлер — без сучка, без задоринки. Сталин — с задоринкой. Гитлер — как владелец колбасной лавки после рюмки Schnaps'a и двух кружек Пива. Сталин — как мучимый похмельем мастер с лесопилки, в предвкушении klin'a. В наше время появились проповедники, светские и религиозные, с виду трезвенники, а в действительности тихие пьяницы, которые, заявляя, что никаких авторитетов уже человеку не осталось — все себя запятали, — сами надеются выйти в такие авторитеты. Иногда им это удается. *На бесптичье и жгона соловей*. Все это пустое, второй сорт, ноль, возведенный в добродетель, попытка недоразвитую совесть выдать за норму, — но встре-

чается с полным одобрением, поскольку изложено с огоньком. Великие не справились, так чего вы хотите от нас, мы люди маленькие. *А кто не обосрался? Такова жизнь.* — Но давайте договоримся, — сказала госпожа Е., — что человек, обладающий нравственной самостоятельностью, не признаёт подобного рода обоснований, поскольку старается контролировать свой сфинктер. Старается, ему нелегко, но он держится. Возвращаясь к теме, госпожа Е. заявила: — Времена, скажу я вам, были тяжелые, даже очень, но я не в состоянии вообразить себе обстоятельств, пусть самых жестоких, которыми можно было бы оправдать глупость вопроса «Как жить?». Вот почему я не перестаю восхищаться Шестовым и уважать его за то, что он, не колеблясь, ответил студентам: жить надобно так, чтобы летом собирать малину, а зимой пить чай с малиновым вареньем (некоторые, правда, утверждают, что Шестову не пришло в голову ничего интересного, и он вышел из положения, цитируя слова Розанова; не исключено, однако, что это Розанов цитировал Шестова; ах, все равно!).

— Мне кажется, это была ирония, — ответил я неосторожно. День был на редкость жаркий, а я плохо переношу высокую температуру. Потеть ужас как противно. Гадость, одним словом. Потеею я очень сильно, даже когда не жарко, и стараюсь это скрывать, так как отвращение к самому себе вызывает у меня еще большее потоотделение. Вспотев, я не знаю, куда деваться, и злость, мысли начинают скакать, я начинаю неловко выражаться, что опять же приводит к усиленному выделению пота. — Конечно, это была ирония, — проронила госпожа Е., задумалась и бросила на меня исподлбья многозначительный взгляд. — А что вы хотите этим сказать?

Панибратство между господами и прислугой приводит к разрушению всякой иерархии. Поэтому каждый работающий по найму, если он человек ответственный, если ему не безразлично общественное благо, сам должен соблюдать необходимую дистанцию в отношениях с работодателем и, невзирая на возможные знаки поощрения с его стороны (впрочем, весьма обманчивые), не поддаваться соблазну обменяться с ним понимающими взглядами или затеять лукавую игру в недомолвки и рискованно искренние признания. Контракт, который я заключил с госпожой Е., с предельной точностью определяет права и обязанности обеих сторон. В процессе обсуждения финансовых условий договора госпожа Е. посоветовала мне ознакомиться с «Феноменологией духа» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). Проза сочная, но несколько неровная. Напоминает хорошо приготовленное *osso buco* или плохо взбитое *crème brûlée*. Огромное впечатление произвели на меня замечания философа, касающиеся отношений между рабом и господином. Хорошо бы «то, что господин делает по отношению к другому, он делал также по отношению к себе самому, и то, что делает раб по отношению к себе, он делал также по отношению к другому», — пишет Гегель. Следует позаботиться о том, чтобы *истина взаимоотношений* между договаривающимися сторонами не выходила за рамки порядочности в интеллектуальном смысле и была привлекательной с эстетической точки зрения, вообще на высоком уровне. Вот поэтому-то я, услышав вопрос госпожи Е., вытер пот со лба и ответил, что, говоря о прошлогоднем высказывании госпожи Е., я ничего не хотел сказать.

Я уж было начал раскладывать клубничное варенье по банкам (замечу — *горячим способом*), как госпожа Е. затронула проблему *русской души* и ее принципиальных *неладов с иронией* на примере Федора Михайловича Достоевского (1821–1881). Этот писатель, обладая прекрасным чувством юмора, умел высмеять изъязны ближних, а вот к себе самому относился со смертельной серьезностью, возможно, оттого что страдал эпилепсией. Человек, представляющий, как смешно он выглядят со стороны во время приступа падучей: как размахивает руками, ногами, как издает не общепринятые звуки и тому подобное, — в перерывах начинает лихорадочно искать какой-нибудь моральной сатисфакции. Я, бедный, описавшись, на полу тряся, словно в меня бес вселился, выселился и снова вселился, а они тут пилились на меня, комментировали, отпускали шуточки, выражали притворное сочувствие? Сатисфакции! И он находит ее в болезненно раздутом чувстве собственного достоинства. Каждая мысль, мелькнувшая в больном мозгу, кажется ему признаком величия, избранности и чего там еще. У него Миссия! А настоящий миссионер не знает сомнений. Возьмем такого Родю Раскольников из «Преступления и наказания». Юношу амбициозного, нежного, красивого, с прекрасными глазами, изящного и стройного, при этом страстного любителя почитать новинки философской мысли. Сидит он в своей бедной каморке и при свете лампы корпит над «*Der Einzige und Eigentum*» Макса Штирнера (1806–1856) или чем-нибудь таким. Глаза уже режет, но сидит, упрямец этакий. Любого мало-мальски образованный и выдавший виды человек вам скажет, что если Раскольников засел за книгу, то наверняка он ее читает. Чтение — это процесс, требующий понимания буквы произведения, постижения замысла его создателя и умения критично его воспринимать. Речь идет о *дистанции*, которая является необходимым условием осмысленного общения со всяким продуктом творчества. Автора следует уважать. Он для того и пишет, чтобы кто-то его понял. А что Раскольников? Старался, складывал слова, а потом — не долго думая — впал в экстаз. Его осенило! Поскольку философ писал, что единственным мотивом человеческих поступков, поддающимся проверке эмпирическим путем, является эгоизм, то Роде ничего не оставалось, как опубликовать в газете статью, где он доказывал, будто *люди необыкновенные имеют право на все* —

ские преступления и извращения, — а потом взять топор, зарубить старуху-процентщицу и ее сестру, которая случайно подвернулась под руку, и украсть золото. Все оказалось просто, n'est-ce pas? Третьего дня читала прелестные проповеди Бернарда Клервоского. Святой утверждает, что если язычник погибнет от рук христианина, то *такая смерть пойдет на пользу Христу*, и поэтому *убийство — самый лучший выход*. — Вы агностик? — спросила госпожа Е. — С вашего позволения, — ответил я. — То есть язычник, — констатировала она. Я не сопротивлялся. Госпожа Е. заверила меня, что она как католичка против экуменизма и хотя бы поэтому питает к св. Бернарду большую симпатию, что вовсе не означает, будто чтение проповедей уважаемого святого склоняет ее к мысли поубивать знакомых язычников. В оправдание Раскольникова следует добавить, что он был эпилептиком и, вполне возможно, образ его действий был обусловлен болезнью. Вроде бы так и есть, но нет! Допрашивавший Раскольникова пристав следственных дел Порфирий Петрович был в принципе человеком здоровым, а ведь его мысль шла в том же направлении. Порфирий Петрович связал убийство процентщицы со статьей, написанной Раскольниковым, и пришел к выводу, что каждый, кто корпит над чересчур экстравагантными философскими сочинениями, неизбежно станет преступником. Это умозаключение Достоевского достойно жалости, писатель сделал его, потому что — по мнению госпожи Е. — был обуян миссионерской гордыней. Уберите ее из «Преступления и наказания», и романа не станет. Получится так: Раскольников сидит в нетопленной каморке, читает книгу, пишет статью, ставит книгу на полку, идет в редакцию, продает статью, из полученного гонорара вносит деньги за учебу, оканчивает университет, не убивает старуху-процентщицу, не встречается с Соней и не переживает духовного прозрения, потому что оно ему не нужно. Не нужно оно ему, и всё! Достоевский обижался на Бога за первородный грех. Он был настоящим творцом. Втемяшил себе в голову, что человек по своей натуре добр, по крайней мере, самый прекрасный человек в мире — православный русский богоносец из народа. Стоит такого сослать куда-нибудь подальше, лучше на каторгу, и примерно выпороть, как он сразу примет Христа и встанет на путь спасения. Вот последствия диеты, состоящей из квашеной капусты, хлебного кваса, свиного и медвежьего сала! С декабря 1939 по май 1940 года госпожа Е. находилась в львовской тюрьме НКВД по обвинению в шпионаже в пользу Франции. Арестовали ее случайно, на улице, когда она одалживала приятельнице французское издание «Совершенного супружества» Теодора Хендрика ван де Вельде (1873-1937). Смущенные милиционеры, люди большой нравственной чистоты, решили, что это сборник шифров Deuxième Bureau. Допрашивал ее Озеров Алексей Алексеевич, лейтенант госбезопасности. Блондин среднего роста, с бычьей шеей, безжалостный до жестокости. Зато голос у него был приятный. Мелодичный баритональный бас с легкой хрипотцой. Потом оказалось, что он романист-любитель, поклонник русской и французской поэзии. Французский у него немного хромал, понимал он ничего себе, но произношение ужасное до безобразия! Предварительное изучение вещественного доказательства возбудило в Алексее Алексеевиче далеко идущие подозрения. Он не сомневался, что поймал агента вражеской разведки. Убежденный в вине госпожи Е., лейтенант то разыгрывал перед ней роль разъяренного *опричника*, то сбивал ее с толку знаками внимания. Добрый и злой следователь в одном лице. Старая, как мир, тактика дознания. В минуты *передышки* он потчевал ее поэзией. В связи с затронутыми в «Совершенном супружестве» темами, он процитировал для начала классическое произведение Ивана Петровича Мятлева (1796-1844):

Шла старушка мимо будки.
Крикнул будочник для шутки:
«Кто идет?» — «Солдат!» —
Отвечает баба-хвват.
Да, хорош солдат в салопе!
Да и хватъ ее по жопе.

Потом вспомнил стихи Ахматовой А.А. (1889-1966), Блока (1880-1921), Тютчева Ф.И. (1803-1873), — «Привет вам задушевный, братья...» — и, конечно, Пушкина Александра Сергеевича (1799-1837). Декламировал их. Наизусть. С душой. С таким чувством! Словно сам написал. Переживал. Умилялся. Тогда у него темнели глаза. И он переходил на крик. Грозил высшей мерой. Во время чтения романа в стихах под названием «Евгений Онегин», где много лирических отступлений, не мог сдерживать слез. По мнению моей работодательницы, лейтенант Озеров идентифицировался с Татьяной Лариной до такой степени, что при благоприятном стечении обстоятельств, как пить дать, посадил бы Онегина в тюрьму, подверг пыткам, вырвал бы какие-нибудь признания и отдал в лапы *тройки*. Но, когда Алексеич как следует вник в содержание «Совершенного супружества» и выслушал подробные пояснения арестованной, в нем произошел перелом. Он обратился к начальству с просьбой освободить

госпожу Е., а пока, в ожидании ответа, который должен был последовать не раньше, чем через три месяца, предложил ей сотрудничество, а именно: перевести «Совершенное супружество» на русский. Он вызывал ее на допрос, закрывал дверь на ключ, вставлял в «Ремингтон» шесть тонких листов бумаги, переложенных фиолетовой копиркой, и вперед. Переводили а vista, с листа, но кто, в предвкушении верного успеха, стал бы обращать внимание на шероховатости перевода. Алексей Алексеевич продавал копии коллегам по работе, доход честно делил пополам. Любопытно, что никто на него не донес, хотя труда не составляло. А может, составляло? Кто знает? Наверное, что-то помешало, раз не донесли! Госпожа Е. считает, что Россия избавится от своих демонов только тогда, когда сумеет взглянуть на себя с иронией, со стороны. Научиться самоиронии — вот выход. В школьную программу российских школ необходимо ввести «The Life and Options of Tristram Shandy, Gentleman» Лоренса Стерна (1713-1768) и «Космос» Витольда Гомбровича (1904-1969). Но где найти человека, который не побоялся бы взяться за дело такого гигантского исторического масштаба? Человека, подобного Феликсу Дзержинскому (1877-1926), гордому польскому шляхтичу! Я все глаза проглядела, а такого не нахожу. Клубника в этом году какая-то водянистая!

И правда, клубника в прошлом году была водянистая, не устойчивая к плесени.

Вот это-то я и хотел сказать.

Еще я хотел сказать о студентах, которые пришли к Шестову с вопросом «Как жить?» в надежде услышать в ответ слова откровения — простые, волшебные и неотвратимые, — которые позовут немедленно претворить их в жизнь, отдать всего себя, а может, даже умереть за общее дело. Зима. Метель. На студентах форменные университетские пальтишки из дрянного сукна. Все замерзли. Портянки мокрые. Пальцы одеревенели. Наверняка голодные. Переминаются с ноги на ногу, смотрят на философа. Смущены своей смелостью. А тот сидит за столом, на столе шипит самовар, лежит голова чистейшего рафинада, поблескивает серебряный топорик с рукоятью из слоновой кости и щипцы с золотой монограммой, стоят тарелочки из тульского фарфора и розетки с вареньем: черешня светлых сортов, айва и, конечно, вишня. Студенты робеют, они жаждут озарения, как Родя Раскольников, читавший при свете лампы до сердцебиения и рези в глазах. Шестов улыбается, допивает чай из блюдца и, причмокивая от удовольствия (он пьет вприкуску), советует им летом собирать малину — ему словно и невдомек, кому и в каких обстоятельствах он это говорит. Философ он, конечно, уважаемый, но о человеке — никакого понятия.

Вот, собственно, и все, что я хотел тогда сказать, но, не желая раздражать госпожу Е., возбуждая в ней какие-то подозрения, заметил лишь, что слова Шестова требуют еще осмысления. Госпожа Е. вторично бросила на меня косой многозначительный взгляд: — А что вы хотите этим сказать?

В июле мы варим варенье из клубники, малины, вишни и смородины. В августе — из абрикосов. В сентябре, перед отъездом госпожи Е. на Родос, — из персиков, черники, чернослива и мирабели. В октябре — из груш, и иногда из сладчайшего инжира, который госпожа Е. привозит с Родоса. В ноябре — из айвы. Чем плоды сочнее, тем больше требуется сахара. Я считаю, что желатина следует избегать. Необходимо следить за температурой: она не должна быть ни слишком низкой, ни слишком высокой, а ровно такой, чтобы варенье как можно быстрее густело, не теряя при этом своего аромата. Оно должно не стекать, а отклеиваться от ложки как бы отдельными порциями и сохранять запах и вкус ягод. Существует три способа закупорки банок, наполненных кипящим вареньем. Холодный способ заключается в том, что горлышко заливают тонким слоем парафина. При горячем способе банки накрывают куском влажного целлофана, который надо как следует натянуть и обмотать резинкой. А больше всего мне нравится традиционный способ, когда поверх варенья кладут кружок бумаги, пропитанной ромом или коньяком. Я ответил, что проект Шестова кажется мне интересным. Он благороден по замыслу, с практической же точки зрения он идеально подходит для семей, живущих вблизи всякого рода малинников. Летом собираем, зимой едим и ждем лета, снова собираем и так далее. Представляется, однако, что формула Шестова была задумана как директива, касающаяся желательного будущего для всего рода человеческого: «...жить надобно так, чтобы летом собирать малину, а зимой пить чай с малиновым вареньем». Предвижу ряд трудностей с реализацией этой задачи. Нельзя забывать об ограниченных малиновых ресурсах, как диких, так и садовых. Современный уровень мирового производства удовлетворяет потребности только привилегированных классов. Изменить это положение можно лишь путем существенного увеличения сил и средств, вкладываемых в сельское хозяйство, промышленность, науку, образование и культуру. Что, в свою очередь, наверняка встретит сопротивление определенных финансово-промышленных кругов и связанных с ними средств массовой информации, не говоря уж об армии и полиции. На страже современного порядка стоят две силы: деньги и привязанность к традиционному меню в виде джемов с низким содержанием сахара. Итак, исполнение директивы Шестова потребует резкого изменения общественно-экономических отно-

шений в глобальном масштабе. Я не знаком с творческим наследием этого философа, мне почти ничего не известно о его взглядах, характере и вкусах, но я чувствую, что радикализмом своих идей, если не сказать — утопий, он превзошел самого Владимира Ильича Ленина, мечтавшего о создании такого государства, с которым сможет управляться даже кухарка. — Я все же надеюсь, что вы не будете отрицать благородства его замысла, — промолвила госпожа Е., вспомнив, как читала книгу Ленина «Государство и революция», лежа в гамаке и потягивая лимонад, незадолго до вступления Красной Армии в ее имение. Ей хотелось самой узнать, в чем там дело, — стоит ли овчинка выделки. Атмосфера была напряженная, нервная. Дядя Альфред организовал с такими же, как он, помещиками, инициативную группу для защиты Европейской Цивилизации. Кажется, они собирались вступить с немцами в переговоры об условиях создания польского легиона СС. — Дядя Альфред имел богатый духовный мир, — сказала госпожа Е. — После войны он написал несколько книг о Европейской Цивилизации, прогнившей уже в момент рождения, за что при коммунистах получил награду от министра культуры. Министр, к слову, был сыном доярки из его имения. А вот наши батраки, как левые, так и правые, считали, что для Советов главное — как можно скорее коллективизировать женщин. Это явно шло вразрез с благородным стремлением Ленина жить в таком мире, где «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития». Благородство — это нравственная потребность, которая соединяет удовольствие с добродетелью — и делает последнюю привлекательной. Ощувив в себе желание делать добро, благородный человек испытывает от этого удовольствие и не жалеет сил, чтобы доставить удовольствие ближним, тем самым умножая собственное удовольствие. Если бы мир стоял на принципах Любви, благородство стало бы ненужным. К сожалению, мир таков, каков он есть. Так давайте радоваться тому удовольствию, которое охватывает нас при мысли, что среди нас есть те, кому желание делать ближним добро доставляет большое удовольствие! По мнению Ленина, свергнутый большевиками капитализм создал такую совершенную, саморегулирующуюся систему организации и управления, что «большинство функций старой «государственной власти» (...) станут вполне доступны всем грамотным людям». А если так, то любая кухарка должна заниматься управлением, ясное дело, при условии, что научится читать и писать. Госпожа Е. считает, что вождь русской революции переоценил достижения капитализма. Переборщил с восторгами! Занесло! Приехал в Цюрих и пошел на почту получить корреспонденцию. *Poste restante*. Огромное здание с современным телекоммуникационным оборудованием и вежливым обслуживанием поразило его до такой степени, что он пулей помчался домой и записал, что *социализм будет устроен так, как швейцарская почта*. Пищу Ленин поглощал второпях, не задумываясь, его не интересовал ни вкус ее, ни вид, кулинарное искусство для него не существовало, хотя в Швейцарии, куда он эмигрировал, не трудно было найти пару приличных мест, где можно поесть. После чтения «Государства и революции», да еще из-за эксцессов, связанных с реформой сельского хозяйства, которые наносили ущерб ее собственности, госпожа Е. поступила барменшей в казино ближайшего гарнизона. Долго рассказывать. Время от времени ей приходилось, хочешь не хочешь, заходить на кухню. Там работали особы грубые, неопрятные, лишенные вкуса, хитрые, тупые, ехидные, жестокие, жадные до примитивных развлечений, попросту бесстыдные, — а ведь это были кухарки, умеющие и читать, и писать. Чему же удивляться, что под конец жизни Ленин ожесточился, впал в депрессию. Одного благородства мало. Дорогой мой, кухней должны заниматься мужчины!

Чтобы скрыть овладевшее мною смятение, я открыл холодильник, где лежало тесто для пирога со сливами.

Тесто для пирога я замесил с самого утра, узнав, что днем к нам придет Антоний *маленький*, внук Юлика. Юлик — это брат-близнец Тасика, благодаря которому жена Крупека стала кормилицей, благополучно выкормила младшую сестру госпожи Е. и получила приданое в размере ста злотых. Госпожа Е. присутствовала при родах Антония. Младенец родился складный, с одной головой, немного визгливый, без волос на лице, — в общем, ничего особенного, тем не менее родители давали понять, что довольны. Случилось это тридцать пять лет тому назад. Госпожа Е. слыхала, что в настоящее время Антоний превратился в весьма многообещающего магистра истории, зарабатывает на жизнь пением баллад и зонгов протеста в стиле country с христианским уклоном. Не приемлет морального релятивизма, свойственного *цивилизации смерти*. Принимал участие в кастинге для рекламы шампуня «Head and Shoulders». Скромный и благовоспитанный юноша. *Хорошей породы*. Госпожа Е. попросила заварить ей чаю «Russian Caravan» производства «Fortnum and Mason». Его вкус и запах переносят ее в чудесный край детства. В пустых жестяных банках «Fortnum and Mason» хорошо хранить приправы, имеющие сильный запах, запасные пуговицы, кнопки и *аптечные резинки*. Визит Антония имеет научную цель. Речь идет о записи воспоминаний госпожи Е. о ксендзе Винцентии, с которым ее семья была близка в период 1908-1944.

Пирог со сливами из пресного теста — десерт довольно простой, но, как все простое, он требует знания некоторых тонкостей. Возьми сто пятьдесят граммов муки, сто граммов масла, пятьдесят граммов сахарной пудры, желток, ложку сметаны, соль. Замеси тесто и поставь в холодильник не менее чем на полчаса. Сливы помой, разрежь на половинки и вынь косточки. Раскатай корж толщиной ок. пяти миллиметров, положи в форму, наколи вилкой, чтобы не вздулся в процессе выпекания. Поставь в духовку, предварительно разогретую до температуры 220° С, на десять минут. Затем вынь, положи на корж половинки слив и посыпь сверху корицей и сахарной пудрой. Выпекай около двадцати минут.

Кое-кто назовет вам покрывать фрукты на пироге тонким слоем желе с добавлением желатина. У меня с ними весьма натянутые отношения.

Антоний пришел точно в полдень. На небе ни тучки. Раскаленное солнце отбивало у всякой живой твари желание жить. В дверях стоял высокий молодой человек с удрученным лицом, покрытым трехнедельной щетиной. Чувственный рот, сложенный бантиком, придавал лицу меланхолическое выражение. На воротнике его черного пиджака я заметил довольно много перхоти. Под пиджаком черный свитер из толстой колючей шерсти, с глухим воротом. Черные брюки без манжет. На босых ногах сандалии. Меня поразила необыкновенная бледность его кожи. Они разговаривали с госпожой Е. в библиотеке. Встреча длилась около четверти часа. К пирогу он даже не притронулся, хотя тот удался на славу. На небе повисли тяжелые фиолетовые тучи. Когда он выходил, естественная бледность его щек сменилась ярким румянцем. Гроза с молнией и градом нанесла существенный ущерб сельскохозяйственным угодьям, расположенным по соседству. Госпожа Е. удалилась в часовню. Через час я отвез ее в косметический кабинет. Она всю дорогу молчала. На лице госпожи Е. отражалась печаль. Заговорила она лишь на обратном пути: — Меня сразу насторожил его вид. В разгар лета на нем теплая одежда, на одежде перхоть, над перхотью щетина, в щетине губки, как куриная гузка. Сандалии! На него что, епитимью наложили? Говорил выпренне. Через пять минут я поняла, что передо мной наглый *mentula*. Сейчас я уже ни минуты не сомневаюсь, что это... даже не знаю, как его назвать. Я обижена и возмущена. Я в гневе! Я просто вне себя. Наш род берет свое начало в XIII веке. Семьсот лет! Сколько же гетманов, воевод, сенаторов, епископов, и каждый *aetate et intelligentia bene vigentibus***. Чтобы не углубляться в подсчеты, остановлюсь только на двух последних столетиях. Статистически у среднего ребенка двое биологических родителей, четверо дедушек и бабушек, восемь прадедушек и прабабушек, шестнадцать прапрадедушек и прапрабабушек, не так ли? — Я кивнул. — Значит, на одно столетие, — не унималась госпожа Е., — приходится примерно четыре поколения. Дальше элементарно. Два прибавить четыре прибавить восемь прибавить шестнадцать прибавить тридцать два прибавить шестьдесят четыре прибавить сто двадцать восемь прибавить двести пятьдесят шесть, получится пятьсот десять. За двести лет пятьсот десять мужчин и женщин любили и ненавидели, работали и воровали, сражались и бежали с поля битвы, жили в радости и горе, чтобы в конце явить миру этого *рыбьего verp 'y!* И мне будут говорить, что у истории есть цель! А если и так — горе нам! Горе!

Напомню, что *mentula* — латинский вульгаризм, который происходит, как утверждают некоторые, от слова *menta*, означающего стебель зеленой мяты. В данном случае речь идет о стебле завядшем, бессильно свисающем. А *verpa* — это еще больший вульгаризм (синоним *ментулы*), который не обязательно свисает. Эти сведения я почерпнул от госпожи Е., которая в 1991–2000 гг. готовилась вступить в полемику с профессором Дж. Н. Адамсом, автором «*The Latin Sexual Vocabulary*» (The John Hopkins University Press, 1990). Адамс приводит сто пятьдесят пять латинских названий этого органа, в то время как госпожа Е. насчитала сто шестьдесят три. *Рыбий verpa*, на мой взгляд, определение очень точное, не режущее слух. Эта смесь польского с латинским восходит к культуре шляхты XVII–XVIII веков. Я сказал об этом госпоже Е., которая в ответ вспомнила, что ее наиболее просвещенные предки часто пользовались двучленами — сложными словами, составленными в соответствии с правилами римского словообразования. Например, *медоточивый, легкокрылый* и т. п. — *Verpa легкокрылый!* Как вам? Я ответил, что все зависит от контекста. Завтра нам предстоит заняться вареньем из смородины.

** Формулировка, которая традиционно употреблялась при назначении шляхтичей на определенные должности: зрелый по возрасту и умственному развитию (*лат.*).

Бронислав Май

Перевод Анатолия Ройтмана

СТИХОТВОРЕНИЯ

День еще, но уже на Вавеле апельсиновые пламенеют огни.
В гаснущем воздухе беспокойно скликаются ласточки. Легкий
ветер, всего лишь миг на моем отдыхавший лице,
уже далеко, по ту сторону Вислы и, может, сейчас
отдает он тепло моей кожи твоим, не познанным мною,
губам и щекам: на лице чувствуешь дуновение
теплое и плодородное, как дыхание. Это больше, чем я мог бы сказать
о себе. Возвращается ветер и тихо
закрывает мои уста.

Рассвет после ночи бессонной. Лучше всего
выйти из дома: туман, низкое солнце,
на газонах роса, крика птиц
не заглушает ничто, окна темны
и пусты. На улицах и на Рынке
нет никого. Явственно так никогда
я не слышал своих шагов. Никогда
я не слышал на улице лишь
биение моего сердца:
оно беспокойно, все более
беспокойно, с каждым мгновением
все больше. Только на Плантах
вижу молочника, как с шумом он катит
тележку свою. Могу
возвращаться.

* * *

Майский внезапный ливень, люди под арку
прячутся. Одновременно солнце и дождь,
просвеченный солнцем: в просвете над Шевской
чистая розовеющая голубизна. Одно
из мгновений, тех, что нельзя потерять,
если хочется здесь жить. Но не думай
об этом, выгляни и позволь, чтоб холодный
дождь стекал по твоим щекам,
и смотри на юную эту девчонку
рядом с тобой: ее мокрые волосы, от воды
прозрачная блузка, ее лицо,
чистое, порозовевшее от твоего
взгляда. Старайся теперь
ни о чем не думать: чувствуя на лице
свежесть металлической влаги, смотри,
не отводя глаза. Потом хватит тебе
на щеках лишь нескольких капель,
чтоб иметь ее при себе.

* * *

Не напишу никогда длинной поэмы: все
то, что я здесь познал, не позволяет мне
лгать: длится между двумя
глотками воздуха и в одном
взгляде, одном сокращении сердца. Я существую
только сейчас, и того, что есть здесь со мной,
хватит едва ль на десяток
строк, стих короткий как жизнь
бабочки, отблеска света на волне,
человека, собора. Только с десяток строк
и то, что между строк: бесконечный
отблеск света, вечная жизнь бабочки,
человек, преодолевающий
смерть.

* * *

Удивительный вечер: сижу в саду, сосны
на фоне неба еще отчетливы, по соседству
матери окликают детей, слышен поезд стук,
удаляющийся, мягкий. Думаю о моей жизни
как о чем-то уже замкнутом и завершённом.
Не хочу к ней возвращаться. Ничего ни изменять,
Ни исправлять, чистый. Стерта граница между
мною и этим вечером: чувствую всем телом
шелест звезды, скрип сосны, мягкий стук колес.
Чистый, перед новым рождением и началом
чего? Будут ли там деревья, нарастающий звук
поезда, будет ли он вызывать неясную радость
воспоминаний этого вечера, будут ли там
дети и матери, та из них, что меня
позовёт оттуда, где я теперь, и будут ли это
наверняка сосны? — Я не смогу превозмочь
то, что познал здесь, желая
чего-то совсем иного,
чем счастье.

* * *

Так смотреть, чтобы в желтом глазке
цветка все увидеть, что есть:
изваяния города и облаков, недра
морей, извилистые дороги людей,
во всех направлениях режущие живую
землю. Идти всеми путями, сквозь города,
море и память, смотреть так, чтобы стать
наконец-то лицом к лицу
с малым глазком цветка. Тогда так
смотреть, чтобы видя, утратить из виду
формы: ландыша, облака, высотного зданья
и клена. Увидеть, глазам
не принадлежащие: цветок, облако, дом
и дерево. Их единство
и однородность. Если
только они есть.

* * *

Лист, один из последних, оторвался от ветки клена:
кружит в прозрачном воздухе октября, падает на
ворох других, замирает, гаснет. Никто
не восхищался его увлекательной схваткой с ветром,
не следил за его полетом, теперь уж никто
не отличит его среди лежащих листьев, никто не увидел
того, что увидел я, никто. Я
один.

Сегодня

Милость дыхания и дар
памяти, привилегия голода, жажды
и сна, дар созерцания, милость
прикосновения, радость и боль — слишком много всего.
Господи, хоть на миг
позабудь обо мне.

* * *

Это все. Ничего
уже ничего больше
не случится.
Чего ожидаешь.

Стихотворения из сборника «Elegie, treny, sny», изд. «Знак» 2003

Лешек Шаруга

СЛОВО ПРОТИВ ТЬМЫ

Бронислав Май (1953) дебютировал в 1980 году в независимом издательстве, одним из учредителей которого он был, сборником стихотворений «Общий воздух». Он сразу же обратил на себя внимание критики, что в дальнейшем подтвердили полученные им премии — «Солидарности» и Женевского Фонда Костельских. Последний по времени сборник он выпустил в 2003 году.

В поэзии Мая меня всегда интересовало напряжение — имеющее также эстетические последствия, — вызванное стремлением к гофманстелевскому идеалу «другого языка», которое может стать причиной молчания поэта. В стихотворении, так и названном «Другой язык», это напряжение было выражено необыкновенно драматически:

*Вместо воздуха навсегда
туман, в тумане кто-то ко мне
обращается, вроде по-польски, ведь различаю
слова, но не понимаю целого, целое рас-
сыпается, впрочем, быть может,*

это какой-то другой мертвый язык.

Туман значений заслоняет, размывает контуры мира. Из этого тумана выплывают только фрагменты, обрывки действительности. Этот хаос преходящ. Поэт постоянно ищет возможность уловить то, что непреходяще, что существует вне времени: «Уметь, словно ловкий штукляр: / Один магический жест — / И в движении весь Словарь! / Кроме слова слов — Есть» («Вот такой трактатик»).

Охватить целое представляется невозможным, и все же это не означает, что от стремления разгадать его следует отказаться. Этот парадоксальный характер поэзии преодолевает основная мысль последнего сборника: «Говори». Говорить — против тьмы, против тревоги и страха — вот одна из самых важных задач этой лирики. Ничего, что мы имеем дело с «сентиментальным разговором», во время которого было сказано и это: «знаю: нельзя / Распутать это целое». Даже больше — ничего, что, как в «Оде к молодому поэту», известно, что мы не стоим этого «крика, сигнала тревоги, стихом», каким поэт хочет пробудить человеческие чувства. Превыше этого стоит императив добраться до «наичистейшего источника»: «слишком сильно я жажду / чтоб его могло не быть».

Ян Стшалка

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Обычно внешнее впечатление обманчиво. Так, пожалуй, происходит и с книгой «Жизнь с идиотом» — сборником ранних рассказов Виктора Ерофеева, наконец-то переведенных на польский язык.

Где ни поскребешь Ерофеева, заявил ежемесе-
чаник «Арте», в числе немногих отрецензиро-
вавший книгу, тут же обнаружишь Сталина или
Ленина. Но попытки «скрести» приводят, как пра-
вило, к ложным открытиям, которые скорее наво-
дят туман на интерпретацию литературы. Прозу
Ерофеева не свести к плоскому анекдоту о часах с
кукушкой, которая каждый час вместо «ку-ку, ку-
ку» скрипит «Ленин-Ленин». Просто удивитель-
но, что кому-то, кто, предположим, читал его пер-
вый роман «Русская красавица», «Энциклопедию
русской души» или псевдобиографию «Хороший
Сталин», может прийти в голову, что Ерофеев толь-
ко и делает, что плодит антикоммунистическое чти-
во. Вместо того чтобы «скрести», предлагаю про-
честь — это не составит большого труда — его
рассказ «Болдинская осень» объемом в три стра-
ницы. Некто Сисин сидит в электричке и глядит в
окно. «День был серенький, но не дождало. «Если
бога нет, все позволено», — вдруг подумалось Си-
сину, и его приветливое лицо осунулось и померт-
вело. «Все позволено! Все!» — думал яростно Си-
син. — «Кто я такой? Кто? Случайно выживший
человек. Случайно доживший до тридцати лет»...

Итак, первый вывод: Сисина не ленинский эм-
пириокритицизм пронзил — его снедает примитив-
ная достоевщина. И за это ему полагается хо-
рошая взбучка, которой ему не миновать, ибо во
втором абзаце по проходу вагона идут два воню-
чих, пьяных и полуголых милиционера. «Скоты,
— ругается про себя Сисин в третьем абзаце. —
Сучье вымя! Дегенераты! Ну, чего же вы ждете?
Ну, идите сюда! Ну, бейте меня сапогами!» — тут
закончим цитату, ибо далее у Сисина идут нецен-
зурные выражения.

В четвертом абзаце эти «скоты» равнодушно
проходят мимо Сисина, который вяло усмехнулся
и достал из плетеной корзины газету, но не успел

он просмотреть и заголовков, как «руки его стали
трястись, огненные шары поплыли перед глаза-
ми». Он понял, что ему не справиться с газетой, и
затолкал ее обратно в корзину. Спустя пять минут
«загробный голос прошипел название нужной Си-
сину станции». Что за станция — об этом позже.

В пятом абзаце Сисин спрыгнул на платфор-
му и глубоко вдохнул чистый лесной воздух, в шес-
том огляделся вокруг: любимая Россия! «Завет-
ные грибные поляны! Никакие Домбаи, никакие
Карпаты и Гваделупы — Русь! — все говно по
сравнению с твоей необъяснимой и необъятной
тоской». Жаль, думаю я, что «скоты» не спрыгну-
ли на платформу в предыдущем абзаце, ибо Си-
син все же заслужил трепку. А так, вместо того
чтобы считать синяки, он в седьмом абзаце задумался, сжимая в руке перочинный ножик, а его
мозг «лихорадочно заработал». Он вынул из кар-
мана записную книжку и шариковую ручку.

«Уже через полчаса быстрым красивым по-
черком сделал первую запись: Семья — говно». Через пятнадцать минут, в восьмом абзаце, напи-
сал: «Бабы — говно». В девятом задумался «осно-
вательно», после чего облизал губы и нацарапал:
«Родители — говно». Через сорок минут, в деся-
том, «почти без перерыва» добавил: «Родина —
говно. Ленин — говно. Машка — дура — засран-
ка — говно. Жизнь — говно».

В следующем абзаце его осенило мощное про-
зрение: «Культура — говно». В двенадцатом абза-
це рука Сисина «шалила, не слушалась»: «Блажен-
ный Августин — говно». В тринадцатом Сисин
съел бутерброд с колбасой, из-за туч «выплесну-
лось солнце и сейчас же заморосил дождь». Си-
син вылил остатки кофе из термоса и «сказал весе-
ло»: «Кофе — говно». В четырнадцатом он замер
на полчаса. «Было видно, что он никак не может
решиться сделать следующую запись, что уже
сформулировал мысль, но никак не решится. На-
конец — в наступающих сумерках — он вывел с
опаской: «Бог — говно», но тут же в ужасе зачерк-
нул написанное, однако, пораздумав, с нажимом
написал под зачеркнутым: «Бог — самое боль-

шое говно!» — и сиротливо поглядел по сторонам». А последний абзац звучит: «Смеркалось».

Ключом к рассказу служит одно слово, то, которое «прошипел загробный голос». Это название местности, в которой родилась великая русская литература. 3 сентября 1830 г. Александр Пушкин приехал в имение Болдино в нижегородской губернии, собираясь пробыть там месяц, но провел в этой глуши целых три месяца. «Не по собственному выбору, — как пишет Виктор Ворошильский в биографии «Кто убил Пушкина», — но приневоленный высшей силой». Ибо в России в это время разразилась эпидемия холеры и армия окружила деревни, где свирепствовала зараза.

Поэтому поэт не мог вырваться за кордоны, беспокоился об оставшейся в Москве невесте, ибо холера добралась и до столицы. «И вот в таких, казалось бы, наименее благоприятных условиях, — пишет Ворошильский, — в жизни Пушкина происходит высшая кульминация его творчества, возможно, и его самого изумивший яркий фейерверк вдохновения, взрыв таланта, полного уверенности, легкости и силы, проявившегося буквально во всех жанрах литературы».

В Болдине Пушкин написал «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Домик в Коломне», более двадцати стихотворений (например, знаменитые «Бесы») и после семи лет поэтического труда закончил «Евгения Онегина». Он писал изо дня в день, с утреннего кофе до вечера, как будто ему диктовал кто-то невидимый, «а он, — это опять Ворошильский, — лишь скрупулезно записывал».

Ему было дано услышать слова вдохновенные и безупречные, открывавшие невиданные возможности и озарявшие будущие десятилетия. Гоголь и молодой Достоевский выросли на «Повестях Белкина», составивших основу реализма XIX века. Лермонтов и Тургенев не стали бы теми, кем они стали, если бы не «Онегин». Пушкина считали учителем крупнейшие русские писатели XX века: Ахматова и Набоков.

Сегодня Болдино — лишь «загробный голос», а трагикомичный Сисин, который отправился туда по грибы, царапает, правда, что-то в записной книжке, но ни одно его слово не откроет никаких возможностей и не озарит десятилетий. Смеркается. Великая литература умерла. Надо будет воскрешать ее из мертвых, бороться с традицией и классиками, но прежде всего их читать, ибо, когда Сисин бредит, что «все позволено», это вовсе не значит, что он штудировал Достоевского; и знакомству с этим писателем он скорее всего обязан поп-культуре, для которой автор «Бесов» стал идолом. Необходимо будет переносить границы литературы, отвоевывать для нее новые территории, как это делал когда-то Пушкин, заново задавать тон.

Ранние рассказы Ерофеева — «Болдинская осень» здесь самый яркий пример — представляют собой именно попытку завоевать новые территории. Они предваряют его будущую прозу и эссеистику — его поиски и художественные путешествия в глухую деревню, где все начиналось.

Дано ли осуществиться этому плану? Никто не знает, у Пушкина тоже не было предощущения того, что случится в Болдине; «Еду в деревню, — писал он приятелю, — Бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие». Возможно, что и осуществится, если культура освободится от Сисиных. Возможно, ибо холера по-прежнему бушует в русских губерниях.

Эти рассказы читаются так, словно написаны вчера, а не четверть века тому назад. Время не властно над гротеском и абсурдом, замешанными на трагизме — в конце концов это «карманный апокалипсис», как озаглавлен один из рассказов. Это трудная проза, более трудная, чем, например, изданный у нас прежде «Хороший Сталин», но, как пошутил на состоявшейся в октябре встрече с краковскими читателями Ерофеев, если задать себе труд и попытаться понять «Жизнь с идиотом», то можно быть спокойным за будущее польско-русских отношений. Понять — а не пытаться скрести!

TYGODNIK POWSZECHNY

Виктор Ерофеев. *Жизнь с идиотом.*
Пер. Малгожата Бухалик.
Варшава, «Читательник» 2005.

Гюляр Абдуллабекова

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПЕЧАТИ

Зарождение и развитие азербайджанско-польских литературных связей обусловлено прежде всего историческим фактором, связью и перекрещиванием исторических судеб двух народов. История этих взаимоотношений складывается из нескольких основных этапов и факторов.

Развитие промышленности в Азербайджане в конце XIX и начале XX в., интенсивный рост добычи нефти обеспечивали мощный приток рабочей силы со всех концов мира, в том числе и из Польши. В начале XX в. в Азербайджане поселилось свыше тысячи поляков, выходцев из различных концов Польши, были созданы польские колонии, которые имели свои культурные очаги, издавали свои газеты и т.д. Азербайджанцы принимали активное участие в жизни поляков, оказывая им моральную и материальную поддержку.

Азербайджанская периодическая печать большое внимание уделяла польской литературе, культуре и политическим событиям в стране. На страницах бакинской газеты «Каспий» можно встретить переводы произведений польских писателей и статьи, посвященные польской литературе. Так, в газете была помещена статья «Памяти Адама Мицкевича». Активное участие в переводе произведений польской литературы на русский язык принимала Ниса. В ее переводе в газете были опубликованы «Пойдем за ними» и «Приговор Зевса» Г.Сенкевича. В газете был помещен также рассказ М.Балуцкого «Приключения в вагоне». В 1903 г. газета «Каспий» вновь обратилась к творчеству Г.Сенкевича. На ее страницах опубликован его рассказ «Морская легенда».

В переводе Э.Ивинской в этой же газете был опубликован рассказ известного польского писателя С.Жеромского «Дурное предчувствие». Пьеса А.Асныка «Польское сердце» была переведена С.Рахмановой и поставлена в Тагиевском театре.

Знакомство с польской литературой в Азербайджане в ряде случаев шло через русские тексты: прекрасное знание русского языка азербай-

джанской интеллигенцией часто снимало необходимость перевода того или иного произведения на азербайджанский язык.

Газета «Каспий» откликалась на все события, происходившие в Польше, сочувствуя польскому народу, выражая ему искреннюю симпатию. Так, в газете было опубликовано следующее сообщение: «Совершенно исключительный по настроению концерт состоялся в Гродно: после 42-летнего перерыва гродненские поляки впервые услышали публично с эстрады польскую речь в виде декламации и пения. Не удивительно поэтому, что на долю исполнителей выпали бурные овации. Концерт был устроен Варшавской филармонией и открылся полонезом Шопена, за которым последовали песни Монюшко, декламации стихотворений Асныка, Тетмайера и других польских поэтов. Сидевшая в ложе известная польская писательница Элиза Ожешко рыдала, слушая запрещенную раньше родную речь».

Большое количество статей о культурной и политической жизни Польши помещалось также на страницах периодической печати, издававшейся на азербайджанском языке. Среди них статьи, опубликованные в журнале «Мола Насреддин», «Седан-Гафгаз» («Голос Кавказа»), «Ачыг сез» («Правдивое слово»). В 1916 г. газета «Ачыг сез» поместила сообщение о смерти Генрика Сенкевича: «В Швеции в возрасте 71 года скончался один из выдающихся польских писателей, автор многих исторических романов, получивших широкую известность в мире». Далее давался обзор творчества писателя, а также подчеркивалось, что его произведения переведены не только на европейские языки, но были изданы в Стамбуле по-турецки, благодаря чему получили широкую известность в Азербайджане.

В этой же газете была опубликована статья о посмертном чествовании Г.Сенкевича в Баку. Вот несколько выдержек из этой статьи: «22 января в зале общественного собрания польская дума поль-

ского общества организовала вечер памяти недавно умершего выдающегося польского писателя Генрика Сенкевича. На вечере присутствовали представители сорока национальностей. Вечер открыл представитель польской думы на польском языке. В своем выступлении он рассказал о жизни и роли Г.Сенкевича и литературе. Он подчеркнул, что патриотизм и гуманизм — основные черты творчества писателя... Самой большой мечтой писателя была мечта о независимости Польши, — отметил докладчик. Пожелаем же исполнения мечты писателя и почтим его память вставанием». Среди выступивших были представители различных обществ Баку: армяне, грузины, чехи, поляки, латыши, украинцы. От газеты «Ниджат» выступил Али-сабри Касумов, от женского благотворительного общества — Сара-ханум Ахундова, от газет «Адаб юрду» — Нариман Нариманов, «Ени игбал» — Пири, «Совгат» — Рза Заки Лятифбеков.

Выступавшие говорили о литературной деятельности Г.Сенкевича, приветствовали Польшу, сыном которой был писатель, и желали стране новой, счастливой жизни.

«Ачыг сез» писала о Сенкевиче: «Вспоминная сегодня выдающегося писателя Европы Г.Сенкевича, нам хотелось бы привести стихи великого поэта Востока Саади [приводятся в подстрочном переводе]:

Человечество — это единый организм.
Если заболел какой-то орган,
То и другие должны чувствовать эту боль.
Если один человек не чувствует боли другого,
Его нельзя считать человеком.

Мусульманская печать получила воспитание у таких великих философов, как Саади, проповедовавшего братство всех народов. Польша, потерявшая свою независимость, оказалась во мраке на многие века. Зашло солнце Польши, а солнце всех народов — это их независимость. В стране, лишенной солнца, Г.Сенкевич был луной, освещающей мрак. Сенкевич был факелом в душе своего народа».

В начале XX в. крупный польский нефтепромышленник С.И.Рыльский организовал в Баку Польский комитет, который занимался оказанием помощи польским беженцам.

Деятельность польской колонии в Баку освещена на страницах газеты «Каспий»: «С благотворительной целью организуется польский вечер в залах Бакинского общественного собрания»; «...состоится любительский спектакль». На сцене «Польского дома» ставились пьесы польских авторов: «Лобзовяне» В.Анчица, «Девичий вечер» Г.Запольской, «Школьники» Свицерского. Сообщения о постановке спектаклей в «Польском доме» печатались в азербайджанской прессе: ««Польский дом» в Баку устраивает для своих членов и гостей любительский спектакль «Уланы князя Юзефа Понятовского», полная непринужденного юмора пьеса в 4-х действиях с сюжетом из времен начала минувшего столетия в оригинальных костюмах эпохи. Пьеса эта пользуется повсеместно большим успехом. Надо надеяться, что возобновление этой пьесы в Баку привлечет в «Польский дом» всю местную польскую колонию».

Драматическая труппа «Польского дома» ставила популярную комедию-сатиру В.Нежинского «Легкомысленная сестра» с участием польских актеров.

Царское правительство после революции 1905-1907 гг. относилось к полякам с недоверием, считая их подозрительными и неблагонадежными. Так, польский архитектор К.Скуревич, водрузивший на здании Бакинской думы красный флаг, был немедленно арестован и выдворен из города. Среди политических заключенных можно было встретить множество польских фамилий. Их обвиняли в распространении нелегальной литературы, а также в организации восстания.

К началу 1930-х годов большинство поляков вернулось на родину.

*«Известия Академии наук
Азербайджанской ССР.*

*Серия литературы, языка и искусства»,
1981, №4. Перепечатывается в сокращении*

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ВИСЛЫ

Прага — правобережное предместье Варшавы

Моника Ястшембская

Тарговая, Сталёвая, Бялостоцкая, Шерокая, Ягеллонская улицы, костел св. Флориана — это всего лишь десять минут на трамвае от центра Варшавы, достаточно переехать через Вислу. Но, видимо, немногие туристы туда заглядывают. Возможно, они доезжают до костела св. Флориана, но и то лишь потому, что там поблизости зоопарк. Впрочем, трудно удивляться приезжим, если сами варшавяне, живущие в левобережной части города, Прагу скорее обходят. Улицы с ветшающими домами, с которых осыпается штукатурка, темные дворы, в которые страшно даже заглянуть. Такой образ Праги функционирует по другую сторону Вислы. И, честно говоря, это, пожалуй, соответствует действительности. Отсюда люди чаще всего стараются переехать в более приличные районы. Или остаются и пытаются Прагу «обжить».

Агата Рымкевич живет в Праге с 1993 года. Попала она сюда, как сама говорит, случайно. По образованию она географ и урбанист. А родилась в цивилизованной части города, в районе Мокотув. С 1995 г. она доказывает, что Прага — тоже часть столицы.

Тадеуш Карпик уже около 30 лет живет на Сталёвой (это одна из сторон «Пражского бермудского треугольника»). Он переехал сюда из варшавского района Воля. Поначалу Прага показалась ему ужасным районом: «Надо было приспособливаться. Жить так, как все, носа не задирать, упаси Боже не «стукнуть» о том, что видел то-то и то-то».

Ксендз Эдвард Томчик приехал в приход Богоматери Лурдской, что на Виленской (это вторая сторона «Пражского бермудского треугольника») из района Стежны, варшавского блочного муравейника. Но сам он из Верхней Силезии. «Прага меня вовсе не испугала, хотя я слышал, что здесь живет нелегко, что есть здесь и преступники. Возможно, это подтверждается, но сегодня это повседневная жизнь больших агломераций», — говорит он в оправдание пражской действительности.

Чеслав Якубик после работы играет на аккордеоне в «Пражской капелле» [вокально-инструментальном ансамбле]. Он живет в квартале Саская Кемпа, то есть тоже на правом берегу Вислы. Но его район отличается от настоящей Праги, хотя для него это особого значения не имеет: Прага и так растянулась от Фаленицы до самой Жерани и даже еще дальше. Как утверждает его коллега по капелле: «Если бы не было Вислы, то Прага была бы и в левобережной Варшаве». И, наверное, так оно и есть, ибо в Пражской — не только по названию — капелле коренных пражан, пожалуй, всего двое. Капелла была организована в Рембертуве в тамошнем Доме культуры в 1990 году.

Спустя несколько лет в средней школе на улице Ковенской открылась Студия современной культуры Праги. Одним из основателей ее стал Тадеуш Карпик, который, вероятно, уже тогда интересовался пражскими дворами, ходил по ним и записывал историю тамошних часовенок.

В 1995 г. приходским священником в приходе Богоматери Лурдской стал ксендз Эдвард Томчик, он-то и решил вернуть часовенки к жизни. И в том же году Агата Рымкевич основала Общество друзей Праги, чтобы «добиваться для Праги соответствующего статуса внутри города».

По сей день в «Новой-Нашей-Праге», замкнутой в треугольнике Виленской, Шведской и улицы 11 Ноября, по подсчетам Тадеуша Карпика, сохранилось около 30 часовенок. А Агата Рымкевич, обследуя практически всю территорию района Праги, обнаружила их несколько сотен. Большинство из них было построено во время оккупации. Тогда они выполняли функцию дворовых костелов. Вокруг них собирались и молились жители. И хотя это был феномен, характерный для всей Варшавы, теперь, собственно, только на Праге их и можно найти. Они очень разные. Некоторые из них — размером с почтовые ящики, висящие на стенах домов, другие представляют собой небольшие ниши

с фигурками или образом Богоматери внутри. А третьи, более видные, напоминают небольшие беседки. «Некоторые из них очень красивые, но есть и невзрачные», — честно говорит о художественных достоинствах часовенок ксендз Томчик. От некоторых из них остался лишь след — огороженная площадка, на которой сегодня устроена помойка. После войны многие часовенки были разрушены, они исчезали по ночам. Те, что сохранились по сей день, существуют только благодаря опекающим их женщинам. Чаще всего это очень пожилые дамы, которым уже не хватает сил, и они передают соседкам свою обязанность заботиться о часовенках.

Когда ксендз Томчик стал приходским священником, он вернул старую, еще времен войны, традицию

служить у часовенок мессы. И люди сами начали больше заботиться о них. Ксендз с гордостью показывает фотографии часовенок. Обновленные, заново покрашенные, они выглядят довольно необычно на фоне разрушающихся каменных домов. Одна из фотографий явно отличается от остальных: стены блочного дома на Бялостокской, а рядом, в скверике, каменная часовенка. Инициатором ее постройки был ксендз. «Я хотел внести нечто пражское, то, что было прежде характерным, в эту нынешнюю блочную Прагу», — говорит приходской священник. И вместе с часовенкой ожила атмосфера пражского двора. Люди заботятся о ней: «Есть там пан Вечорек, который косит траву в скверике, а кое-кто из женщин следит за чистотой стекол, высаживает цветы». И так по всей Праге. Часовенки — это святыни. Забота об исторических достопримечательностях по-прежнему возлагается на людей старшего поколения. Правда, в начале 90-х Тадеушу Карпику и Тадеушу Дашкевичу, организаторам Студии современной культуры Праги, удалось заинтересовать историей этого района школьников. Дети собирали информацию, записывали историю часовенок, домов. «К сожалению, это продолжалось до тех пор, пока они не окончили 8-й класс», — с горечью констатирует пан Карпик. А старая Прага не может ждать. Поэтому основатели студии фотографируют то, что еще осталось: ворота, дворы и дворики. Чтобы те, кто здесь когда-нибудь поселится, знали, как выглядела та прежняя Прага.

Агата Рымкевич называет себя пражской неопиткой. Взбунтовавшейся неопиткой — добавим мы. Она с упреком говорит: «Прага всегда была и остается предместьем. Причем все более безрадостным». На протяжении всей послевоенной истории отношение к ней было как к падчерице. В неотремонтированные дома переселяли неудобных жильцов. И так происходит до сих пор. А это приводит к еще большей деградации района. «Я живу хорошо, — признается пани Рымкевич. — Но то, что я вижу, когда хожу по Праге, буквально вопиет к небесам». Результатом бунта против бездействия властей стало Общество друзей Праги. Главная цель общества: «Сделать все для того, чтобы вновь присоединить Прагу к столице». Мощной движущей силой этого района, по мнению председателя общества, может стать горячий местный патриотизм его коренных жителей. «Мои дед и отец родились в Варшаве.

Я была воспитана в духе высоких чувств к Варшаве, и здесь я их нахожу». По другую сторону Вислы, где преобладает пришлое население, этого уже не встретишь. Но, к сожалению, эти люди, влюбленные в Прагу своей молодости, — постепенно уходящее довоенное поколение. Молодое поколение надо учить этой любви, тем более что предмет любви не отличается привлекательностью. Эту задачу взяло на себя общество. Каким образом они будут добиваться этого? В частности, они хотят чаще напоминать о лучших, более ярких временах этого района. Например, конкурс на историко-литературную тему «Сохранить от забвения», с одной стороны, заставил вытащить из шкафов старые реликвии — многие из них можно было увидеть год тому назад в Музее истории Варшавы, на выставке, организованной по случаю 350-летия получения Прагой городского статуса, — а с другой послужил открытию литературных талантов: «Люди пишут свои воспоминания, стихи. Иногда графоманские, но пишут от души, поэтому мы принимаем все». В этой литературной части конкурса участие принимает как старшее поколение, так и самое молодое. «Пражане о старой Праге» — так была озаглавлена первая, собранная после конкурса тетрадь воспоминаний. Вторая тетрадь ждет своей очереди.

Написать историю Праги — и одновременно пропагандировать ее — взялись два десятка художников, объединившихся вокруг Анджея Невельского, графика и живописца. Трудно поверить, что этот район может стать источником вдохновения. Но, как уверяет Анджей Невельский: «проза жизни весьма вдохновляет». Правда, четыре года тому назад ему пришлось уговаривать коллег принять участие в Первом пражском пленэре, но потом они уже сами интересовались, когда будут новые выставки. На картинах Шибинского, Левандовского, Вильчинского, Невельского представлена Прага, которая постепен-

но исчезает. Выставки, ставшие результатом этих пленэров, можно увидеть в «Галерее колонны Сигизмунда». Пролетарская Прага попадает в салоны. Художники мечтают о полноценной презентации этих работ. Но на издание альбома или хотя бы каталога им по-прежнему не хватает средств. А ведь это только начало. Им хотелось бы вернуться к жанровой живописи, запечатлеть жителей Праги. «Сейчас это повседневность, но через каких-нибудь лет пятьдесят это может стать таким же свидетельством своего времени, как картины Герымского», — замечает Анджей Невельский. И надо торопиться, ибо тут все очень быстро меняется. Что очень хорошо. В этом вопросе Агата Рымкевич тверда: «Нельзя допустить, чтобы устоялось такое мнение, что Прага должна стать музеем-заповедником старой застройки. Любого защитника подобного мнения я бы в наказание переселяла на Прагу, пусть бы он тут пожил».

Каменные пражские постройки — вовсе не такая достопримечательность, как некоторым кажется. Самые старые каменные дома были построены в XIX веке. Основная масса зданий возведена в XX веке, их отличает низкий уровень комфорта, большинство из них сильно обветшало и вряд ли выдержит ремонт. Шансом для Праги может стать пробуждение ее к новой жизни, что означает строительство новых зданий, похожих на прежние или передающих атмосферу той эпохи. Но тут недостаточно урбанистической ревалоризации. Она должна сопровождаться перевоспитанием местного сообщества. Этого невозможно достичь без изменения облика Праги. А это означает, что необходимо изменить политику властей Варшавы в отношении ее правобережной части. Агата Рымкевич смотрит на это реалистически. И пока что повторяет вслед за китайцами: «Чтобы дойти до цели, надо сделать первый шаг». Поэтому в обществе делают все возможное: стараются пропагандировать Прагу, сделать так, чтобы о ней больше говорили и чтобы испытывали к ней меньше неприязни, чем до сих пор... И оказывается, для такой пропагандистской работы весьма важной стала пражская часть конкурса «Варшава в цветах». Результаты этого конкурса приятно удивили даже саму Агату Рымкевич: «Как сейчас Прага расцвела своими балконами, просто

невозможно себе представить». И Агата Рымкевич знает, что говорит. На протяжении вот уже четырех лет она каждый год, гуляя по Праге, все время высоко поднимает голову, высматривая самые красивые балконы. Результаты весьма впечатляют. «В прошлом году, — сообщает она с удовлетворением, — мы сорвали банк — получили четыре премии президента города и десять премий главного правления Общества друзей Варшавы». Но самое важное, пожалуй, то, что в этом районе нет такой улицы, на которой не было бы более или менее украшенных цветами балконов. Раз уж даже на Бжеской появились цветы...

Если «расцвеченная Прага» — довольно неожиданное словосочетание, то слова «Правская капелла» более всего соответствуют общему представлению об этом районе. Эта капелла, которой руководит Чеслав Якубик, довольно нетипична. Большинство ее участников — пражане по убеждению, а не по рождению или месту жительства. Для них «истинно пражское» означает то же самое что и «истинно варшавское». Только этот район сохранил свой настоящий варшавский колорит. А когда все меняется, становится похожим, то лишь в старых подлинно пражско-варшавских песенках остается нечто такое, что когда-то отличало этот город. А они, «пражские ребята» из разных районов Варшавы, знают эти песенки с самого детства. «Мы еще были в коротких штанишках и за пожарной машиной бегали, а эти песенки уже играли», — уточняет Чеслав Якубик.

Хотя у них остается на это все меньше времени, они по-прежнему играют для собственного удовольствия, встречаясь для репетиций после работы. А Чеслав Якубик намеревается написать песенку о новой Варшаве, которая застроена теперь «стеклянными» высотками. Слова уже есть.

Дорота Коман

— Где угодно, только не тут, — то и дело повторяет мой сын.

2003 год. Мы сидим в маленьком кафе в доме на улице Ягеллонской.

— Каждый вечер я буду умирать от страха за тебя, — убеждает сын. — Подумай, ведь ты так поздно возвращаешься с работы! — решительность Матеуша переходит в упрямство.

Это правда. В последнее время я возвращаюсь домой еще позже, ибо уже несколько месяцев подряд изо дня в день я ищу для нас квартиру «с атмосферой». И ничего не выходит. И вот теперь, когда я уже почти нашла, звучит последний аргумент:

— Родители ни за что не разрешат Асе ездить одной в Прагу...

Моя любовь с первого взгляда (мраморный вход, резные двери с латунными ручками-шарами, старый дубовый паркет и мечта всей жизни — комната для прислуги, где можно складывать со-

вершенно необходимые и совершенно ненужные вещи) в одну минуту уступает первой большой и взаимной любви моего сына к Асе.

А ведь у вас был бы такой хороший адрес, — говорит разочарованный хозяин моей несостоявшейся квартиры (мысленно я называю его «золотая голова» — по ассоциации с выражением «золотые руки», — ибо он тщательно продумал каждую мелочь, а кроме того он просто мудрая голова — ибо ничего тут не изменил, не «осовременил»). — Проспект Солидарности — это звучит. Не каждый поймет, что это уже пражская сторона.

Вот именно. Правская сторона. Он живет тут всю жизнь (ему около пятидесяти), однако стыдится, что он из Праги (естественно, его выдает акцент, скажем так — «староваршавский»). Он, видимо, не знает, что теперь это модный район — парижская атмосфера, богема.

Меня не утешают ни чудесные русские баллады, распеваемые (unplugged) без музыкального сопровождения (я их уже не услышу...), ни чудесный творожный пирог (не удастся забежать по-соседски на домашнюю выпечку), ни даже милейшие хозяева маленького кафе, которые как-то незатейливо и самым обычным образом восхищаются Прагой.

Тут мы наконец нашли свое место, чувствуем себя просто как дома, — говорят они, а спустя несколько месяцев я даже не знаю, где их искать. Может, они в другом месте открыли похожее парижское (простите, пражское) маленькое кафе?

— Прошли времена плохой Праги, — остатком сил убеждаю я Матеуша (сама плохо в это веря).

— Нет.

— Теперь так прекрасно ремонтируют пражские дома. Эти тоже со временем отремонтируют... — настаиваю я на своем (уже без всякой надежды).

— Нет.

— Нет, так нет. — Любовь (ребенка к ребенку) побеждает. Мы выходим в темноту ночи, и вдруг я вижу обратную сторону медали: решетки на окнах, мужчины с низкой концентрацией алкоголя в крови, вымерший ночной город. И как в примитивном сценарии: чем сильнее дождь, тем дольше ждешь трамвая. Стоя на остановке, фоном которой служит красиво подсвеченная церковь св. Марии Магдалины, я нежно прощаюсь с окнами, из которых открывается вид на столь же прекрасно подсвеченный лицей им. Владислава IV (интересно, сколько бы мне пришлось потратить денег на решетки). Ну что ж, не придется мне ходить по Флорианской, не удастся заходить — так вот запросто, по пути на работу — в костел св. Михаила и костел св. Флориана, не смогу я приветствовать мишек по утрам, на остановке возле зоопарка...

Естественно, я еще не знаю (летом 2003 года), что уже через три месяца начну работать в нескольких сотнях метров отсюда — и, направляясь в редакцию, буду проходить (а вернее, пробегать) здесь, заглядывать (правда, реже, чем хотелось бы) на минутку в притвор варшавско-пражского кафедрального собора, и радостно поглядывать на мишек (в конце концов, в моей родной Лодзи я жила возле зоопарка, но там медведи ходили за, а не перед стеной зоосада...). Я буду смотреть и радоваться, что ремонтируют этот, некогда выбранный мною каменный дом; буду негодовать, что время флигелей еще не наступило — поэтому ремонтируют только фасад.

Так происходит и здесь, на Праге, и на Новгородской, где месяц спустя я поселилась (в старом чудесном каменном доме «с атмосферой»), и на моей родной Петровской. Ну да, ведь в тот памятный для меня день летом 2003 года я купила наконец квартиру. Но поскольку судьба — по крайней мере моя — любит хитросплетения обстоятельств, то нотариальный акт о покупке квартиры мне довелось оформлять у нотариуса в моем несостоявшемся доме, ибо это действительно хороший адрес. А то, что судьба может жестоко посмеяться, Матеуш испытал на собственной шкуре. Но это уже из другой баллады, связанной с центром города, а не с Прагой. (Теперь каждому может достаться на орехи, такие времена...).

Январь 2006 года. С террасы у шефа — на последнем этаже высотки «Пражская Доминанта» (в обиходе называемой Термометром) я смотрю на Прагу. Если бы здесь не представляли книги моего издательства, я, вероятно, никогда бы не сумела так основательно осмотреть все вокруг (ибо так называемые вызовы «на ковер» в кабинет начальства, как правило, не дают возможности наблюдать что-либо,

кроме кончиков собственных ботинок; иное дело — мероприятия, когда шеф превращается в доброго и терпеливого гида по Праге, которую он любит, пожалуй, не меньше своих антикварных вещей).

Пожалуй, нет в Варшаве другой такой площадки, откуда открывалась бы такая замечательная панорама Северной Праги — и такой вид на Вислу и Старый город.

А налево — Пражский порт. Я с недоверием выслушала рассказ о ночном исходе крыс, менявших место кормежки, — о марше по улицам Праги крысиной армии, покидавшей закрывшуюся скотобойню на улице Окшей и устремившейся на Восточный вокзал.

Шеф обрисовывает будущие перспективы. «Ревитализация Порта» — звучит чудесно. Но пока это место, говоря объективно, выглядит средне, хотя для меня оно близко — может быть, из-за лодзинских корней? (Красный кирпич, никаких архитектурных излишеств.) Если достаточно далеко высунуться из окна, то можно увидеть даже каменный дом, в котором живет Дорота Масловская (а Матеуш не хотел верить, что теперь здесь живут художники и писатели...).

Направо — корпуса Пражской больницы, дальше Пражский парк. Сегодня на крышах белые, снежные заплатки — и, как всегда, их можно рассматривать часами. Улицы Окшей, Паненская, Клопотовского (ксендза Клопотовского, ксендза — поправляет меня профессор Помяновский. Да, господин профессор, да: короткие прогулки по Праге, когда мы работали над вашей книгой, — это незабываемые ваши рассказы о правой стороне Варшавы, у которой теперь есть даже собственная монография, но для меня ее по-прежнему заново открывают прежде всего те люди, которые мне о ней рассказывают).

А ведь когда семь лет тому назад я переехала в Варшаву (очарованная каменным домом на улице Фоксаль, где я имела счастье несколько лет жить, радуясь тому, что рядом улицы Новый Свет, Хмельная и Повисле) и наконец отправилась на прогулку, о которой мечтала, к реке (ведь я всегда хотела жить у реки), то, гуляя по набережной, по эту, «хорошую» сторону, я видела только бетон и машины, и опять бетон, и машины. Романтизм XXI века.

А на другом берегу — зелень, рыбаки с удочками, песчаные тропинки.

— На ту сторону мы не ходим, — услышала я от знакомых. — Разве что ты хочешь не вернуться.

А жизнь, как мы все знаем, выделяет разные трюки; и вот несколько лет спустя в тот же самый день я переезжаю по Силезско-Домбровскому мосту на «плохую» сторону.

И все больше моих знакомых тоже переезжает на другой берег. И Бася (актриса), и Дарек (с радио), и Ежи (писатель), и Цезарий (журналист).

Ну да, это по совету Цезария я целых полгода изучала Прагу не без помощи туристического бюро «Посредник в торговле недвижимостью». С площади Халлера на Ягеллонскую, со Шведской на Зомбковскую, с Гроховской на Малую... И так изо дня в день.

Накопились анекдоты из цикла «Как я искала квартиру в Праге». Но самое интересное было на Тарговой. Приезжаем. Деятнадцать часов.

— Что так поздно? Вы мне жильцов разбудите.

С ощущением вины я вхожу в квартиру: по полу разложены матрасы, один возле другого. На каждом матрасе лежит жилец. В ногах у каждого жильца — сумка челнока (вам знакома эта модель в клетку? Говорят, она незаменима). По сей день я жалею, что не сосчитала тогда эти матрасы. То ли

удивление было слишком велико, то ли матрасов было слишком много. Ну и «преимущества» квартиры у нас не совпадали.

С точки зрения тогдашних жильцов, самым большим преимуществом этой квартиры было то, что она расположена по соседству со Стадионом Десятилетия, в то время как у меня именно это отбило всякую охоту осматривать ее дальше (хотя я успела сориентироваться, что у шефа, тоже вьетnamца, была, естественно, собственная маленькая комнатка).

— Стадион вам мешает? Прагу вы что ли не знаете? — одернула меня хозяйка квартиры, а вьетnamцы вздохнули с облегчением: квартира буквально рядом с Ярмаркой Европы для них просто сокровище. На этом стадионе я побывала всего лишь раз (не считая концерта Стиви Уандера, но это было не во времена базара!): первый и последний. Говорят, там можно купить все: от противогаза до автомата. Пиратские диски, шмотки, еду, сигареты, алкоголь подозрительного качества. Смешиваются языки. Летают целлофановые пакеты. Наклейки, серая бумага, коробки, картон, жуткая грязь и торговля на газетах — это не моя атмосфера. Я предпочитаю старый добрый базар Ружицкого — хотя сегодня он уже, говорят, не тот, что прежде. Уходит старая Варшава...

Здесь, на Праге, как и во многих местах в Польше, нищета соседствует с богатством, лишай на стенах — со свежей штукатуркой, отваливающиеся балконы — с восстановленными.

— Зачем ты пишешь об этом азиатском квартале? — спросила меня сегодня молоденькая сотрудница. Неужели до института, где она учится, еще не дошла мода? В конце концов, для многих студентов низкие цены в Праге должны быть привлекательными. Да и общество на правом берегу Вислы становится все более уважаемым. Богема, интеллигенция.

И почему, кстати, азиатский? Потому что здесь живет много вьетnamцев? Что в этом плохого? У них есть свои школы, газеты, в будущем им будет где молиться, где встречаться — как во всем мире. Здесь находят свое место приезжие. В том числе из России, Литвы, с Украины. Здесь, рядом с коренными варшавянами с их специфическим «варшавским прононсом», живут «новые варшавяне» — из Лодзи, Вроцлава, Кельце, Олыштына, Люблина и Зеленой-Гуры.

Потому что тут хорошая атмосфера.

Потому что тут все настоящее. В то время как большая часть исторического центра была разрушена во время II Мировой войны, на Праге уцелели чудесные каменные дома начала XIX века, дома межвоенной постройки, магические дворы-колодцы, красный кирпич и зелень парков.

И у Праги есть настоящий центр искусств — Фабрика тростниковых изделий Войцеха Тишинского — расположившийся в старой мармеладной фабрике на Шмульках.

— Вы одна с сыном? Тогда вы будете въезжать прямо в гараж, — пытался меня убедить застройщик нового строящегося дома.

— Но у меня нет машины, — отвечала я.

У него не нашлось ответа. Мы же были на правом берегу Вислы.

На этой «плохой» стороне все больше редакций газет, мастерских художников, галерей.

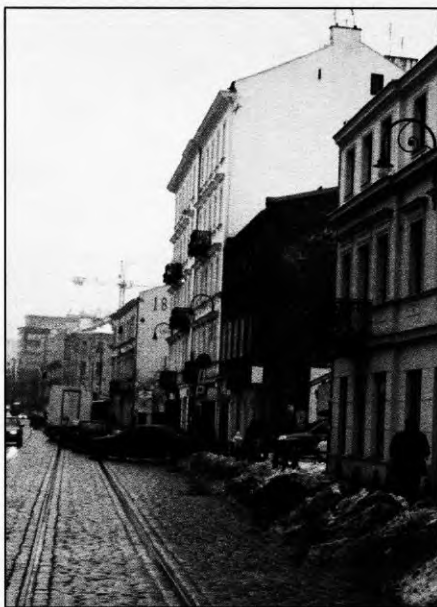

Камила Шиманчик

Первым, кто открыл очарование этой части города, был Ежи Становский, хозяин галереи «Старая Прага». «Я очень люблю старые кварталы... До войны на этом месте на Бжеской был трактир для извозчиков дрожek и пролеток. А во времена Герека не было иного выхода, как открыть мастерскую и раствориться в пейзаже Праги. Живущие здесь люди очень бедны, но их надо уважать, тогда и они вас уважают».

Ежи Становский учился реставрировать мебель в Париже, его сын — в Москве. В их галерее, расположенной на улице, которая пользуется самой дурной славой в городе, бывают жены президентов и послов, сюда заглядывает очень много художников, здесь когда-то ежедневно бывал певец Йонаш Кофта.

Как говорит пан Ежи, он и другие пражские художники хотят создать здесь — и это свое намерение они пропагандируют на протяжении многих лет — «пражский Монмартр».

В старых каменных домах в стиле модерн с запущенными двориками скрыты огромные пространства — просто мечта для художников, желающих иметь мастерскую, галерею или заниматься театральной деятельностью: там такие площади, каких ни в одном другом месте города найти просто невозможно.

«Это наиболее типичный в варшавском смысле квартал, — утверждает Роман Возняк, преподаватель по классу скульптуры в Академии изобразительных искусств, создатель неповторимого в своем роде театра «Academia» — возможно, единственного такого театра в мире. — Эти пражские места привлекают к нам публику с противоположного берега Вислы».

Это подтверждает и Ярослав Люстых: «Здесь настоящий город, такой, какого по другую сторону Вислы уже нет. Можно идти по улице, и путь не покажется долгим. То и дело перед глазами возникает что-то новое: другие ворота, иной фасад, тут более облупившийся, там менее. Почти в каждом дворике есть часовенка. Когда я сюда переселился и начал делать ремонт, оказалось, что под очередным слоем штукатурки сохранилась какая-то роспись на стене, старая живопись еще до времен электрификации. Естественно, те-

перь это часть интерьера».

Не боялись ли они здесь поселиться? Да. Ольга Вольняк вспоминает, что умирала от страха, когда надо было идти в мастерскую. Как-то вечером «слегка» пьяный сосед прогнал ее с криком, но, когда она потеряла ключи, тот же самый господин всю ночь, как сторож, следил, чтобы ничего не пропало. Теперь они друзья... Похожие воспоминания есть и у Миколая Гринберга: «Когда я получил эту мастерскую, у меня был первый вопрос: будут ли меня бить? На что пани Габрыся из муниципальной управы, милейшая, впрочем, особа, мне ответила, что если по заслугам — то да. И это был честный ответ. Думаю, мы избавились от существовавших первоначально опасений, связанных с этим местом. Мы познакомились с соседями, они все спокойные и милые люди, и теперь это уже наше место».

«Прага — это не район, это остров», — повторяют все в один голос. Здесь необыкновенная тишина и покой. Сюда, как правило, не заглядывают гости, которые не сообщили заранее о своем визите, для всего есть время, есть и покой. «Настоящий Монмартр», — восхищаются варшавские снобы. Приличным уже считается бывать именно тут, а не в столичных галереях.

«У меня были мастерские в разных районах, и дело не в том, что я как-то кому-то мешала, — говорит Ольга Вольняк. — Но только здесь, в Праге, я ощущаю себя свободной. Здесь никого не удивляет, что я выхожу в запачканной одежде или ношу какие-то свертки. Одним словом, здесь просто чувствуешь себя гораздо свободнее».

Когда мы поселились в этом доме на Бялостоцкой (у нас теперь четыре мастерских: две живописных и две фото-), то буквально пришли в восторг от того, что теперь мы располагаем громадным пространством и что все так великолепно. Например, моя мастерская выглядела как мастерская по ремонту пишущих машинок, которая тут действительно когда-то размещалась, и мне вряд ли удастся это изменить. Нам пришла в голову идея устраивать время от времени выставки, которые называются «открытые мастерские» и пользуются огромной популярностью, собирают просто толпы посетителей. Иногда многочисленные посетители уже начинают раздражать. Приходят знакомые и показывают наши мастерские своим заграничным друзьям, а те удивляются, что в Варшаве есть настоящий квартал художников, как в Лондоне, Париже или Нью-Йорке».

Недавно была такая выставка «Мастерская-2000», затем — чуть меньшего масштаба, названная «Покраска унитаза». Ольга не может удержаться от смеха: «Здесь есть туалет в коридоре, которым может воспользоваться каждый. Но он был в жутком состоянии. И Миколай Гринберг организовал бал, во время которого был проведен сбор денег. В результате унитаз был покрашен и выглядит теперь прекрасно...»

«Доброй традицией, — добавляет Роман Возняк, — стали мероприятия, которые проходят сразу в нескольких местах. Такой варшавский светский изыск, когда происходит плавное перемещение от одной мастерской к другой в течение одного вечера или уик-энда. Эти мероприятия рассчитаны скорее на пражское сообщество [художников], но поскольку мы не можем существовать вне контактов с окружающей нас средой, то случаются вещи просто невероятные. Например, хозяин соседнего дома теперь всегда интересуется, когда будет очередная премьера и можно ли прийти с женой. То есть и они становятся нашими постоянными гостями, и это достаточно неожиданно, ибо мы занимаемся художественным перформансом, который предназначен не для такого зрителя, а они тем не менее охотно участвуют в наших мероприятиях».

На Бялостоцкой, где есть несколько мастерских, жители дома обслуживают мероприятия, устраивают гардероб, буфет, продают пиво и бутерброды. Прежде весьма недоверчивые соседи, пан Анджей и пани Мариоля с паном Юзеком, встают теперь за прилавок импровизированного буфета, могут даже сбежать на расположенный поблизости базар Ружицкого, чтобы купить еду. Пани Мариоля готовит блюда домашней кухни: котлеты, голубцы, предлагает чай и выпивку. Занятая буфетом, она не видела выставку, но радуется каждой следующей. Она любит художников и их гостей-снотов, а они отвечают ей взаимностью...

Такой же симпатией одаряет эксцентричных гостей пан Рышард, присматривающий за несколькими мастерскими в доме №3 по Инженерной. До войны тут размещался склад мебели, которую богатые варшавяне оставляли на хранение, уезжая на отдых. Сегодня это, пожалуй, единственный дом в Варшаве, где ежедневно в пять часов вечера ворота запираются и никто без согласия пана Рышарда войти не может.

«В этом здании существует необыкновенная карма, настрой на хорошую работу! — говорит об Инженерной, 3 бывший художник, а теперь менеджер Петр Залевский. — Когда мы приходили сюда лет

6-7 назад, Прага была синонимом зла. Теперь здесь все очень изменилось, но все же те, кто сюда пришел, были людьми очень смелыми, хотя бы потому, что существовал миф о плохой Праге. А ведь сейчас опасен весь город. Помещения, единственные в Варшаве высотой в 3,5 метра, построенные еще в XIX веке, пережили войну. Мы оказались тут в общем-то случайно и отчасти из-за моды на лондонский квартал Сохо или парижский Монмартр (улыбается), теперь уже пражский... Все указывает на то, что здесь будут открываться салоны, галереи. Бывать тут стало модно. На наши выставки приезжают по несколько сот человек «из Варшавы в Прагу» Они рассматривают это как путешествие в неизведанное. И убеждаются, что здесь прекрасно. Бывать в Праге становится снобизмом...»

Того же мнения придерживаются Катажина Козыра (сегодня, пожалуй, самая известная в мире польская художница) и Катажина Гурная, у которых есть свои мастерские на Инженерной, 3.

«У нас было на выбор несколько мест. В конце концов мы поверили, что здесь здорово, потому что пол здесь из досок. По какой-то неведомой причине нам показалось, что тут уютно. Мы не бродим по другим улицам Праги, стараемся не

удаляться от нашего дома, потому что здесь нас охраняют наши мужчины и ничего плохого с нами не может случиться. Единственные имеющиеся ворота пан Рышард запирает ежедневно в пять часов вечера».

«Если я иду здесь пьяный (бывает пару раз в месяц), со мной здороваются — говорит сторож дома. — Если я иду прилично одетый, со мной тоже здороваются. В центре города или в других кварталах замечают только прилично одетого человека, потому что только это и принимается в расчет. В Праге всё не так. Сегодня ты напился, отвратительно выглядишь, но ты человек. Как говорится, это квартал, где меньше всего фразеров».

Две Катажины, Козыра и Гурная, сравнивают свои мастерские с большим балльным залом. Здесь им прекрасно работается, а место на Инженерной, 3 они считают своим музеем.

«Мы водим своих знакомых по нашей мастерской, по дворику. Показываем: вот наш дом, а вот старая Прага (известно, что никто не приходит по собственной инициативе бродить по этим закоулкам). Но у нас тут уже свое место, и когда приезжают друзья, знакомые, они приходят от этих закоулков в восторг, словно посетили какую-то галерею. А мы говорим: пожалуйста, посмотрите, как тут здорово...»

Павел Альтамер, художник, известный своими авангардными идеями, увлечен эстетикой, которая считается уродливой. О нем можно сказать, что он ищет красоту в уродстве. Собственно, не ищет — он ее видит.

«Как-то раз я сделал макет старого дворика. И выставил этот макет здесь, в Праге, в одной из магазинных витрин. И удивительно: все прохожие останавливались и по несколько минут стояли у витрины, хотя эти люди живут в таких же двориках и они им кажутся чем-то отвратительным, безобразным... Мне тоже было очень забавно постоять рядом с ними и послушать их комментарии. Конечно, было бы прекрасно улучшить условия жизни людей, живущих здесь постоянно. Однако мне по-прежнему будет доставлять удовольствие создание макетов старой Праги, чтобы запечатлеть ее навсегда.

Стены рушатся, люди стареют, из оконных рам выпадают стекла, и все это можно воспринимать как свидетельство бренности существования. И это прекрасно...»

Фотографии Костаса Кристаса из мастерской на Бялостоцкой («Обо мне часто говорят, что я выдаю себя за грека, а я и есть грек») вдохновлены творчеством Кафки: длинные коридоры, бесконечные лестницы, залы ожиданий. Пражские пространства созвучны этому настроению...

Все пражские художники подтверждают, что если знаешь Нью-Йорк, если знаешь некоторые кварталы Парижа, если какое-то время пожил в Сохо, то Зомбковская и Тарговая кажутся очень похожими на те места: в таких домах, как на Праге, часто живут художники, потому что они идеально подходят для той деятельности, какой они себя посвящают...

«Постепенно к нам начинают приходить люди, и очень удивляются, когда поднимаются к нам по деревянной лестнице в старом облупленном подъезде и вдруг говорят, что чувствуют себя здесь, как в Париже. Как на пражском Монмартре...»

Элиза Вольская

Варшавская Прага — это район, отделенный от Старого города только Вислой. Хотя Прага по-прежнему считается самым опасным районом в городе, в течение нескольких лет она сделалась просто модной.

Гроза Варшавы, Зомбковская улица, прекрасно отреставрирована, а разрушавшиеся каменные дома вновь обрели свой прежний замечательный облик. Довольно быстро стало ясно, что это одна из самых красивых улиц города со своей особой неповторимой атмосферой. Именно здесь, на территории прежнего спиртоводочного завода «Конесер», открылся один из новейших театров — «Фабрика». Открыли театр члены группы «G8», которые наряду с собственными спектаклями собираются показывать на своей сцене спектакли театральных коллективов, приглашенных со всей Польши. Уже теперь там можно увидеть, в частности, спектакль «Как я съел собаку» по Е.Гришковцу (гастроли Калишского театра им. Войцеха Богуславского). Идут репетиции нескольких спектаклей — например, «Павлина королевы» по книге Дороты Масловской.

А в одном из старейших индустриальных объектов правобережной Варшавы, где поначалу размещалась мармеладная фабрика, затем консервный завод, и наконец предприятие Польской резиновой промышленности (сокращенно по-польски PPG — отсюда пошло название популярных кедров «пепеги»), теперь размещается художественный центр «Фабрика тростниковых изделий». Войцех Тшинский, композитор, теле- и музыкальный продюсер, превратил старую фабрику в самое модное место Варшавы. Там проходят спектакли, концерты, конференции, показы кинофильмов, моды и т.п. Это место объединяет самые разные направления художественной деятельности: изобразительное искусство, театр, музыку. Здесь же проводятся встречи с современными писателями, политиками, интересными людьми. На «Фабрике тростниковых изделий» проходили, в частности, концерты «Warsaw Summer Jazz Days», а также Уршули Дудзяк, Томаша Станько, Лешека Можджера.

Прага как магнит притягивает к себе людей искусства. Они приезжают сюда не только из других районов города, но и со всех концов Польши.

Мирослав Низё, вернувшись из США, решил, что будет работать именно в Праге. В 2003 г. он открыл на Инженерной, 3 (где уже есть мастерские знаменитых художников-перформеров Катажины Козыры и Павла Альтамера) «Галерею Низё», в которой популяризирует современное искусство.

«Все началось три года тому назад с выставки друзей, с которыми мы учились в Академии художеств и встретились после моего длительного пребывания за границей. Это были художники, скульпторы, например Вальдемар Мазурек, Марек Сулек. Это были самые первые выставки, а затем уже все закрутилось. Мы проводили выставки художников, уже известных на рынке искусства. Я отбирал самых способных». В «Галерее Низё» проходят также концерты и разного рода встречи.

В Праге художники открывают свои мастерские не только любителям и знатокам искусства, но и всем ее жителям. Ежегодно организуются разного рода совместные акции, например «Соседи соседям». Во время этого продолжающегося несколько дней фестиваля искусство словно проникает из частного пространства в публичное. Выставки, звуковые и визуальные инсталляции появляются в самых разных магазинах — от «Мяса — колбас» до хозяйственных — и ставят перед собой задачу объединить друг с другом две полярные вещи — искусство и потребление. Тем самым искусство становится доступно всем.

Художники не забывают и о детях, которым они адресуют значительную часть своей деятельности.

«Я основал фонд работы с детьми, живущими в Праге, — для них организуются встречи во время детского праздника в день св. Николы Зимнего, в том числе конкурсы рисунков, театральные конкурсы. У детей, живущих здесь, нет возможности посещать театры и ходить на представления. Магда Гурская из группы «Студия [колодец] О», объединяющей людей, которых интересует искусство устного рассказа, рассказывала им разные сказки, например из «Тысячи и одной ночи». На такие мероприятия приглашали детей из бедных, неблагополучных семей, а также детей моих друзей и знакомых», — говорит Мирослав Низё.

А театр «Фабрика» открыл «Мини-фабрику», которая будет ставить сказки современных польских авторов и народные сказки — как польские, так и других народов. После каждого спектакля планируется проводить встречи с детьми самого младшего возраста, во время которых они будут сами, по собственному замыслу, создавать постановки, навеянные увиденным спектаклем. Затем с помощью актеров они сыграют или споют отрывок из спектакля, используя созданные ими самими декорации, костюмы и реквизиты. Дети постарше попробуют свои силы, выступая перед более многочисленной публикой, — для них будут организованы занятия, где их научат рассказывать сказки. Детей старше восьми лет будут учить сочинять сказки.

Зомбковская и Бжеская улицы, памятник Братству по оружию, церковь св. Марии Магдалины, Виленский вокзал, базар Ружицкого — все это лишь некоторые символы Праги. Одни будут по-прежнему на всякий случай обходить их стороной. А других привлечет сама атмосфера этого района, способствующая тому, что Прага превращается в богемный район Варшавы.

«Много людей приходит на вернисажи. Здесь все время появляются новые мастерские, сюда приезжают художники, здесь становится все приятнее. Как все это будет выглядеть через некоторое время, я не знаю, но думаю, что возможности большие», — заключает Низё.

«У этого района есть какой-то неповторимый настрой, — говорит художница Ольга Вольняк. — Сама атмосфера улиц, люди, архитектура словно несут на себе следы истории. Все люди здесь как-то невероятно связаны друг с другом. Здесь ты не анонимная личность, и это тоже здорово. Левобережная часть города ассоциируется у меня с учреждениями, банками, погоней за деньгами, транспортными пробками. А сюда можно убежать от шума, здесь живется спокойнее. Здесь такая немного провинциальная атмосфера... в хорошем значении этого слова».

Януш Майхерек

ИСКУССТВО — НА ДОМ

Театр в местах нетеатральных — на фабриках, вокзалах, в больницах. Последний крик моды — спектакль, заказанный на дом по телефону, как пицца.

С театром теперь так, как с любовью в известном шлягере: «могу любить насквозь, могу — трястись в товарняке, и стоя на одной руке...» Где и в каких только странных, изощренно выдуманных обстоятельствах не показывают нынче театральные представления! На нас двинулась акция «Театр — телефоном» (спектакль можно заказать на дом), которую осуществляет варшавская сцена «Розмантисти» [«Разные разности». — *Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.*]. А недавно в постановке познанского театра «Уста-уста» [«Рот в рот»] актер колесил по городу на американском лимузине, разыгрывая при этом монодраму для трех своих пассажиров.

Очень уж камерное это предприятие, однако мне известен и более чудной эксперимент: театр «La Mort» из Варшавы поставил спектакль для одного зрителя, которому под давлением актеров пришлось из наблюдателя самому превратиться в актера, да к тому же съесть полную миску бульона с лапшой.

Случались представления в тюрьме, в офисах всевозможных фирм, на Центральном вокзале [«Поставь на карту все» ТР Варшава — тот же театр «Розмантисти», по-новому назвавшийся «Территория Варшава»]. Кристоф Марталер на завершившемся недавно фестивале «Диалог» сыграл пьесу «Предостережение перед будущим» в психиатрической клинике в Либёнже. На фестивале «Мальта» спектакль «Театра проб» в режиссуре Яна Каспера был показан в окнах лица в Вонгровце.

Порой играют и под землей, как Художественная сцена Люблинского католического университета Лешка Мондзика, которая показала свое искусство в соляных копиях в Величке. В каменноугольных шахтах прежде выступал Силезский театр танца, а нынче там идет постановка «Тротуар 0,5» Ярослава Станека.

Бывают представления в воздухе: актеры французской труппы «Летающие артисты» проделывают акробатические трюки на головокружительной высоте, подвешенные к гигантскому подъемному крану.

В пустынных заводских цехах недавно поставил «Макбета» Гжегож Яжина. «Театр в нетеатральных местах» сделался темой научных конференций, об этом

пишутся целые книги. Перефразируя некогда модного поэта, весь мир — театр, театр повсюду, но менее всего — в самом театре.

Автор идеи и соавтор акции «Театр — телефоном» Рафал Бетлеевский прежде занимался рекламой, а потому знаком не понаслышке с приемами современного маркетинга, в которых больше обманчивых фокусов, чем подлинного искусства. Его спектакли — результат длящейся вот уже несколько сезонов моды на представления, сыгранные вне театра. Бетлеевский не обязан знать, что его ноу-хау — театр в квартирах — имеет свою историю. Можно было бы вспомнить спектакли Тадеуша Кантора в годы оккупации; полуконспиративный «Домашний театр» времен военного положения в ПНР или «Отдельный театр» Мирона Бялошевского.

Чувствует ли себя Рафал Бетлеевский преемником этой традиции? Сомневаюсь. Ее зачинатели были художниками в подлинном смысле слова, готовыми заниматься своим искусством любой ценой, даже ценой свободы. Между тем группа ТР привозит на дом (или, по вашей прихоти, к рабочему столу) готовое представление, словно горячую пиццу, а за свои услуги требует крутой оплаты. По словам самого Бетлеевского, ситуация напоминает вызов call-girl. Даже степень риска та же, поскольку, отмечает Бетлеевский, клиент не догадывается, что ему предстоит увидеть, так же, как не знал бы, окажется проститутка по вызову красоткой или уродиной.

Первый продукт группы Бетлеевского поступил в продажу 15 ноября и называется «Молоко». Цена от 500 до 1500 злотых, в зависимости от числа зрителей (чем их больше, тем дороже). До сих пор было куплено одиннадцать показов — девять в квартирах и два в офисах. Отклики первых зрителей позволяют судить, что у «Молока» столько же общего с театром, сколько у охранника, явившегося вместо снятой на вечер барышни, да еще и взявшегося упрекать клиента в распутстве с этой самой барышней. Коль скоро, однако, сам Бетлеевский сравнивает свои театральные услуги с вызовом проститутки, следует заметить, что последняя, в отличие от группы актеров ТР, за соответствующую плату делает ровно то, чего от нее ожидают. Этим и отличается профессионализм от псевдохудожественной провокации, которая под маской современного театра надувает людей за их собственные деньги.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В 1962 году, вернувшись из Москвы, Виктор Ворошильский поделился с друзьями открытием — привез стихи молодого, необыкновенно талантливого поэта. Таких открытий было в те годы много: один из моих тогдашних друзей, студент-астроном, ставший впоследствии дипломатом, притащил отпечатанные на машинке стихи Геннадия Айги и во время вечерних встреч читал их нам наизусть.

Поэтом, которого открыл Ворошильский, был Иосиф Бродский. Одно из его стихотворений, «Большую элегию Джону Донну», перевел тогда мой отец, поэт Витольд Вирша, другие стихи — Виктор. Возможно, эту инициативу подхватил и еще кто-то — не помню. Достаточно сказать, что каким-то чудом дело кончилось публикацией, и это была, пожалуй, первая официальная публикация лирики Бродского между Эльбой и Камчаткой. Потом воцарилась тишина. Она должна была воцариться, ибо, как известно, автор не был особым любимцем советской власти. Однако стихи проникали в Польшу, и в конце 70-х в самиздате вышла большая их подборка в переводе Станислава Баранчака, который, кроме того, написал об авторе отличное эссе.

До Нобелевской премии было еще далеко, хотя все знали, что имеют дело с одним из самых выдающихся современных поэтов. Время шло. Бродский и Баранчак встретились в эмиграции в США. Между тем в Париже Барбара Торунчик, некогда редактировавшая варшавский подпольный журнал «Запис», основала ежеквартальник «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»), в редакции которого, помимо поляков (в т.ч. Баранчака), оказались также писатели-выходцы из советского блока — чех Петер Краль, Томас Венцлова и Иосиф Бродский.

Такой состав редколлегии был неслучаен, ибо журнал отличался и продолжает отличаться от других прежде всего сосредоточенностью на культуре Центральной Европы и взаимных связях населяющих ее сообществ. Одной из важнейших публикаций, посвященных этой проблематике, было эссе Милана Кундеры «Похищенный Запад, или Трагедия Центральной Европы», в котором чешский писатель стремился определить особый характер этого пространства, ставшего местом столкновения и смешения двух влияний — с запада и с востока континента. Эссе вызвало живую полемику, которая вылилась в продолжающийся по сей день цикл публикаций под общим названием «Срединная Европа».

К этому циклу, несомненно, следует отнести и блок материалов «Представления», напечатанный в последнем (№92) номере журнала. В него входит несколько стихотворений Марины Цветаевой в переводе Збигнева Дмитроца, «Пиета» Райнера Марии Рильке в переводе Адама Поморского и «Магдалина» Бориса Пастернака (1-я часть в переводе Поморского, а 2-я — Юзефа Вачкува). Стихи сопровождаются двумя текстами Бродского. Первый — это эссе «Примечание к комментарию», в котором автор виртуозно анализирует взаимозависимость перечисленных стихотворений и опровергает тезис о том, что Пастернак был свободен от влияния остальных поэтов. «Боязнь влияния, боязнь зависимости — это боязнь — и болезнь — дикаря, но не культуры, которая вся — преемственность, вся — эхо», — подчеркивает Бродский. Второй текст — это подборка высказываний Бродского о Цветаевой, озаглавленная «Трагическое «нет» Цветаевой». Завершают блок фрагменты дневника Георгия Эфрона и очерк Эвы Беньковской «Психея и система». Беньковская пишет:

«Ее судьба была ужасна. Но, читая о ее жизни, необходимо помнить и о других поэтах, особенно о Мандельштаме. Эти две биографии имеют символическое значение, ибо они оставили отпечаток на времени, след, который не сотрется, — творчество. Из наследия Цветаевой и Мандельштама русские дети — и русисты всего мира — будут узнавать, какими были десятилетия после октябрьской революции. Мученичество Мандельштама и Цветаевой принадлежит истории, которая не дожидалась, пока ее запишут историки, — она писала себя сама. Так было со многими русскими писателями: они знали, что их страдания должны дойти до других, войти в архивы человечества. Это сознавал Солженицын, когда собирался писать свои книги; это сознавал Пастернак, когда брался за «Доктора Живаго». Не было этого чувства лишь у Марины Цветаевой — она не снизошла до этого, в согласии с девизом, который она избрала своим кличем: «Ne daigne». История ее не волновала. Другое дело — легенды давних времен. Она избрала себе Наполеона в родственные души, а Ванدهю — в страны-побратимы из-за героизма, который они воплощали. Возможно, она не заметила бы обоих переворотов 1917 года, если бы тогда не решилась судьба ее мужа, а значит, и ее самой, и ее детей. Единственные идейные стихи, вышедшие из-под ее пера, посвящены Белой армии, так как в ее рядах сражался Сергей Эфрон.

В записках и письмах Цветаевой поражает ее невосприимчивость к истории, к коллективному времени и даже времени собственной жизни. Кто хочет сделать первый шаг в ее мир, прежде чем узнает его в более полном варианте, может прочитать книгу, изданную во Франции Цветаном Тодоровым. Из наследия, опубликованного в России, философ выбрал обширные фрагменты писем и записок (дневников), составив из них биографию поэтессы. Заглавие «Жить в огне» — это ее слова. Подзаголовок «Исповедь», по-моему, неудачен, так как доминирует здесь вовсе не исповедная нота. Читатель, поначалу относящийся с недоверием к манипуляциям, которые неизбежно случаются в любой подборке, читает книгу в напряжении, со все возрастающим чувством ужаса (...) Характерно, что одна из величайших поэтесс русского языка в сущности не знала страны, которая ее раздавила. После революции она прожила там неполные четыре года — в хаосе и голоде Москвы того времени, — а затем уехала в 1922 году знаменитым берлинским поездом, когда власти избавлялись от людей непокорных, видимо признанных негодными к перевоспитанию. Затем она возвращается летом 1939-го и кончает жизнь самоубийством 31 августа 1941 года, в невообразимой для нее — и для нас — «Татарской республике». Советскую Россию она знает лишь по рассказам эмигрантов, чьи политических страстей не понимает. На все переезды она решается ради мужа, белого офицера, который из-за внутреннего надлома и тоски по родине стал агентом НКВД. Оба они пройдут путь через ад, который станет финалом его решения».

Далее Беньковская делится замечательными по своей красноречивости наблюдениями: «Можно сказать, что для русских писателей той эпохи историческая Россия, ее прежняя форма, погибшая в 1917 году, существует как некая телесность. Это видно в стихотворениях Набокова, рассказах Бунина. Новая Россия — та, настоящая, — стала телесностью романов Пастернака, стихов Ахматовой, не говоря уже о книгах Солженицына или Шаламова... Для Цветаевой же, похоже, родина сосредоточена в языке. Поэтесса не признает ностальгии, ибо то, что ей необходимо, что говорит о ее связи с родиной лучше чувств, у нее всегда с собой. Ее «внеродинность» может кормиться из другого источника там, где есть условия для расцвета Психеи: природа, которой можно быть созвучной, сеть любви, которая ее опутывает (...) «Родина-язык» подтверждается здесь как выбор личный, а значит, неочевидный (...)

Вероятно, присущий ей сильно синкопированный ритм стиха, знаменитая сжатость, головокружительные эллипсисы могли возникнуть только по-русски. Ими управляло ее дыхание — сразу узнаваемое дыхание на родном языке, которое одновременно было рваным,

запахавшимся от бега и широким. Это было так, словно в огромном пейзаже из тумана тут и там выступают вершины и деревья, пока весь ход стиха не открывает целиком непривычный нам вид (...) Язык Психеи не мог служить Цветаевой для практического изъяснения. Но ведь должны же существовать сообщества, позволяющие таким говорливым немым жить и лепетать на их неземном языке».

И еще один фрагмент эссе Беньковской: «Равного себе она нашла в Рильке. И действительно, их переписка напоминала какой-то совет богов над крышей мира. Для Марины Рильке был географом неба и топографом души — так же, как и она, подошедшая к божественному ближе, чем все богословы вместе взятые. Она относилась к этой дружбе ревниво, хотела быть единственной представительницей России, играющей значительную роль в воображении Райнера Марии. Она властно исключила из сложившегося треугольника Пастернака, которому была обязана первым письмом Рильке, настаивала на свидании, не понимая, что немецкий поэт уже умирает. Что вышло бы из встречи сдержанного, опасливого поэта с поэтессой, так отличавшейся от него темпераментом и привычками? Оба они были от этого избавлены. Лишились этой встречи и мы — как и других легендарных встреч, которые могли бы состояться, но не состоялись. Через несколько дней после известия о смерти поэта Марина написала ему стихотворение в форме новогоднего поздравления. Целые полчища исследователей Рильке не сумели бы дать столь меткую характеристику его творчеству».

В описываемом номере «Зешитов литерацких» обращают на себя внимание еще два текста: очерк Эвы Зажицкой-Берард «ОПОЯЗ и петербургская традиция литературной дружбы» и эссе Адама Кожуховского «Лишние люди в лишнем городе» — о судьбе петербургской интеллигенции в 20-е годы XX века. В последнем номере журнала это всё, однако достаточно заглянуть в его архив (а сделать это, несомненно, стоит, ибо «Зешиты» не стареют, хотя и нервничают некоторых своим «академическим высокомерием»), чтобы найти другие материалы, связанные с Россией, — взять хотя бы прекрасный составленный номер, посвященный Петербургу. Номер этот был моим бесценным проводником во время двухдневного пребывания в этом городе.

Петербург — это еще и город Бродского, которому приложение к газете «Жечпосполита» «Плюс-минус» (2006, №4) посвятило немало места в связи с 10-летием со дня его смерти. Два стихотворения — Адама Загаевского и Анджея Стасюка, в которых поэты прощаются с автором «Петербургского диптиха», представляют собой часть готовящегося к выходу в краковском издательстве «Знак» сборника стихов Бродского, дополненного подборкой прощальных стихов польских поэтов; помимо уже упомянутых, это Рышард Крыницкий, Павел Марцинкевич, Юлия Хартвиг, а также ирландец Шеймас Хини в переводе Станислава Баранчака.

В «Плюс-минусе» стихи сопровождаются обширной статьей Эльжбеты Савицкой «Зима надо мной». Автор пишет: «Я познакомилась с ним (...) в октябре 1990 года благодаря Чеславу Милошу, который пригласил Бродского в Краков (...) Актный зал Ягеллонского университета был заполнен до краев. Встреча двух нобелевских лауреатов привлекла настоящие толпы. Милош с самого начала отодвинулся в тень, сказав, что не будет читать свои стихи. Бродский, одетый в светло-сиреневую рубашку и вельветовый костюм цвета замшелого камня, вышел на кафедру (...) Теперь ему 50 лет, у него довольно большая лысина, обрамленная венчиком светлых волос, и пронзительные голубые глаза. Кожа бледная, прозрачная — понятно, почему: два инфаркта, две операции на открытом сердце. Он читает стихи по памяти, не заглядывает в книгу (...) Голос, который рвется из человека к небесам. Он устал, но заслушавшийся зал не хочет его отпускать, поэтому он говорит даль-

ше. Напоследок он читает стихотворение «Из забывших меня можно составить город». Милош читает польские переводы Станислава Баранчака — ритмично, но на англосаксонский манер, сдержанно. Впечатление такое, будто он читает совсем другие стихи».

Я могу себе это представить. Я слышал Бродского в Берлине, уже после Нобелевской премии, и не забуду его полунапевного речитатива. Потом мы немного поговорили — может, когда-нибудь я об этом напишу. Пока же передаю слово Савицкой. Встреча уже закончилась, Бродский обедает в гостинице:

«Кто-то принес ему подарок — набор старых открыток из Петербурга. Теоретически поэта должны тронуть виды родного города, но ничего подобного не происходит (...) Бродский не проявляет к открыткам никакого интереса. Пожалуй, дело действительно обстоит так, как он сказал немецкой журналистке сразу после получения Нобелевской премии: «Родина? Я уже совсем об этом не думаю. Я покинул свой родной дом и стал кочевником. Переселяюсь с места на место — где-то задерживаюсь подольше, откуда-то уезжаю быстрее. Я испытываю отвращение к мелодраматизму, связанному со словом «изгнание». Я все время в движении и никогда не чувствовал себя изгнанником — я просто живу за границей»».

И еще одна встреча: «Июнь 1993 года. Торжественное присвоение Бродскому степени почетного доктора Силезского университета (...) Поэта приветствовали толпы. Загипнотизированная публика хотела слушать его без конца (...) Сразу же после обеда мы должны идти на встречу в театр (...) Внезапно я замечаю Бродского — он уже перед гостиницей, снаружи (...) Сцена как из немого фильма. Какой-то пожилой фоторепортер в немодном пиджаке фотографирует его — ставит лицом к свету, велит поворачиваться в профиль и анфас. Поэт безропотно выполняет все приказы, позирует, делает «приятное выражение лица». Невероятно! При виде выходящего из гостиницы общества он говорит, немного смутившись, словно оправдываясь: «Это из-за отца. Он напомнил мне моего отца»».

И заключительная сцена: «Он уже собрал вещи — впереди был переезд в Варшаву. И тут он озабоченно спросил меня, что ему делать со знаками докторского достоинства, которые никак не помещаются в багаж. Я посоветовала ему как-нибудь упихать мантию: она мягкая, приятная на ощупь — можно сделать из нее халат. «Халат у меня уже есть, из Оксфорда», — лишь махнул рукой многократный почетный доктор. Он повысил на меня голос, когда я высказала мнение (не мое, а Тарковского), что русские непригодны к жизни в эмиграции. «Ерунда, чушь! Такие обобщения — это полный бред! Подобный образ мышления, использование массовых категорий — это наследие тоталитаризма. Я себе такого никогда не позволяю! Все люди разные. Одни способны жить в эмиграции, а другие нет»».

А вообще говоря, что означает сегодня эмиграция? Изгнание? Как известно, все мы изгнанники. Из рая.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Уже в 14-й раз в Польше прошла акция «Большой оркестр рождественской помощи». В этом году оркестр собирал деньги на закупку оборудования, спасающего жизнь детям, а также на курсы оказания первой помощи. Сбор средств шел в Польше и во всем мире — в частности, в Дублине, Эдинбурге, Берлине, Стокгольме и среди польских солдат в Ираке. Волонтеры вышли на улицы городов США, Канады и Египта. Главный концерт прошел в воскресенье 8 января на площади Дефилад (Парадов), откуда в 20.00 в небо ударил луч света — символ мира, солидарности и жертвенности. Создатель оркестра и вдохновитель всех его инициатив Юрек Овсяк снова торжествовал, невзирая на громы и молнии, которые обрушивает на него радио «Мария».

• В январе редакция журнала «Политика», как всегда, присудила свои премии, именуемые «Паспортами «Политики»». «Паспорта» вручают самым многообещающим молодым деятелям искусства, но таким, которые уже чего-то достигли. В этом году «паспорта» получили: в области литературы Марек Краевский — «за цикл романов об Эбергарде Моке из Бреслау, которые показали, что польский автор может написать детектив на высоком уровне»; в области кино Пшемислав Войцешек — «за оригинальные фильмы, ставшие манифестом поколения тридцатилетних, которые ищут себе место в нашей действительности»; в области театра Ян Клята — «за смелое и новаторское прочтение классики, за страсть и упорство, с которыми он ставит диагноз польской действительности и исследует силу национальных мифов»; в области визуального искусства Роберт Кусьмировский — «за созданные с размахом произведения, которые вновь ставят вопрос об эффективности иллюзии в искусстве»; в области серьезной музыки Рафал Бле-

хач — «за выдающийся талант пианиста, подкрепленный добросовестным трудом, за умение направлять собственное развитие, а также за скромность и душевность»; в области популярной музыки группа «Скальпель» — «за оригинальное сочетание джаза и электроники, за свободное и творческое преодоление границ музыкальных стилей».

• Варшавская выставка «Неизвестная Бознанская» — это по сути дела первый в столице персональный вернисаж художницы (1865-1940). В экспозицию входят более ста картин — большинство из них предоставили частные коллекционеры. «Большую часть жизни Бознанская провела за границей. Там остались и ее произведения. После войны у нас не было к ним доступа по политическим причинам. К счастью, их скупали польские коллекционеры. Часть наследия художницы до сих пор остается в руках частных коллекционеров», — говорит директор галереи искусств «Захента» Агнешка Моравинская. Бознанская — выдающийся мастер психологического портрета.

• В анкете, распространенной по случаю 50-летия со дня издания первой польской джазовой пластинки, лучшим польским джазовым музыкантом был признан умерший в 1969 г. в возрасте 38 лет Кшиштоф Коменда. Следующие места заняли: Томаш Станько, Збигнев Намысловский, Ян «Пташин» Врублевский и Збигнев Зейферд.

• Премьера «Воццека» Альбана Берга в постановке Кшиштофа Варликовского в варшавском Большом театре — Национальной опере стала крупным театральным событием. «Спектакль Варликовского — это горький урок, не оставляющий равнодушным никого, — пишет Яцек Хаврылюк. — Спектакль тонет в полумраке, в черноте. Цвета закреплены за персонажами (...)

«Воцтек» Варликовского — это насквозь современная пьеса». Постановка Варликовского — далеко не первая положительно оцененная премьера в возродившемся под новым художественным руководством варшавском Большом театре, а планы друга Трелинского—Корд поражают своим размахом и обещают вывести наконец Большой театр из провинциального застоя. Между тем связанный с прежней властью генеральный директор почувствовал себя неуютно и... как в старые добрые времена создал свой собственный Совет театра, в котором программу должны оценивать избираемые члены, в том числе представители профсоюзов и гардеробщики. В театре поднялась настоящая буря. О разрешении спора обе стороны попросили министерство культуры.

• Министерство культуры и национального наследия назначило уполномоченного по делам программы «Патриотизм будущего». «Чем больше патриотов, тем больших успехов достигнет государство, тем больше будет молодежи, остающейся в Польше, а не уезжающей в поисках работы, — говорит недавно назначенный уполномоченный Марек Муртор. — Когда поляк думает о патриотизме, ему сразу приходят в голову баррикады и жертвы (...) Мы хотим изменить это и найти ответ на вопрос: что такое любовь к родине сейчас, когда сражаться за нее уже не надо? Мы хотим, чтобы патриотизм вошел в канон добродетелей».

• Подводя итоги прошлогоднего театрального сезона, Роман Павловский пишет: «Уходящий год принес целую серию нападок на новый, ищущий театр (...) Общей чертой всех этих нападок было использование нравственных, финансовых и организационных поводов для подавления творчества (...) Всевозможные политические деятели местного значения проявили свое невежество, обскурантизм и непонимание искусства». Может быть, именно поэтому Кристиан Люпа, крестный отец современного польского постановочного театра, в очередной раз создал выдающийся спектакль за границей, поставив в Бостоне «Три сестры» Чехова. Об

этом спектакле пишет Петр Грушинский: «Дело не в Москве. Дело вообще не в каком-то другом мире, другом городе, другой жизни. Любая жизнь будет адом и мучением, пока мы не отважимся быть искренними с самими собой (...) Длительный процесс узнавания себя может быть спасением. А для зрителя спасением от отчаяния будет спокойная красота этого спектакля».

• Международный театральный фестиваль «Диалог» прошел в конце прошлого года во Вроцлаве под девизом: «Театр — отражение тревог Европы». «Однако самые волнующие спектакли рождались под влиянием творческих тревог, на пути деконструкции литературных мифов и попыток открыть экзистенциальную правду, — написала Анна Бужинская. — Сами режиссеры признавались, что они не верят в театр, способный изменить образ мышления и судьбу общества. Поэтому свои спектакли они обращают к отдельным людям, чьи ожидания и язык им хорошо известны». Лучшими спектаклями фестиваля были признаны чеховский «Дядя Ваня» в постановке Люка Персеваля из Антверпена и «Заратустра» Кристиана Люпы, поставленный в краковском Старом театре. Размышляя о спектакле Люпы, Иоанна Деркачев написала: «Проблема пророка, который приходит к людям с откровением и терпит полное поражение, — это также проблема самого театра. Может ли театр провозглашать т.н. объективную истину, чему-то учить, к чему-то призывать? (...) Такая возможность существует. Театр может быть отличным индикатором опасений и разочарований общества. Хотя он может и вводить в заблуждение, и манипулировать».

• Русский кинорежиссер Андрей Кончаловский, снимающий фильмы также в США, поставил в варшавском театре «На воле» шекспировского «Короля Лира». Спектакль стал бенефисом Даниэля Ольбрыхского, одного из популярнейших польских актеров, который ролью Лира отмечает свое 60-летие. Об этом спектакле мы еще будем писать, а пока что представим мнение Андрея Кончаловского, которого в связи со спектаклем часто беспокоили польские журналисты. Когда его упорно просили рассказать о

«славянской душе», он сказал: «Конечно, у славян есть нечто общее, но между поляками и русскими гораздо больше различий, нежели сходств. Раньше говорили о железном занавесе, отделявшем соцстраны от всей остальной Европы. Но такой занавес всегда существовал между Польшей и Россией, и он никуда не денется. Это вопрос культуры и религии».

• Андрей Кончаловский был также гостем лодзинского фестиваля операторского искусства «Camerimage», где директор Марек Жидович вручил ему «Золотую лягушку» за творчество в целом. Фестиваль, прошедший уже в 13-й раз (а в Лодзи — в шестой), приобретает ранг самого серьезного в Польше международного кинособытия. В главном конкурсе операторы борются за «Золотую лягушку», а в сопутствующем ему конкурсе киноэтюдоров победителям присуждаются «головастики». Помимо Кончаловского звездами фестиваля в этом году были Иржи Менцель и Вал Килмер, а председателем жюри был оператор Афонсо Беато («Живая плоть» и «Все о моей матери» Педро Альмадовара). «Золотую лягушку» получил венгерский оператор Дьюла Падош за съемки фильма «Без судьбы» по роману нобелевского лауреата Имре Кертеса.

• Впервые врученную в этом году премию им. Збигнева Цыбульского, которую журнал «Кино» решил присуждать молодым актерам, получила Майя Осташевская за роль в фильме «Перемены» и Мартин Дороцинский за роль в фильме «PitBull». Зрители признали самым многообещающим молодым актером Бориса Шица («Симметрия»).

• В Ченстохове на 63-м году жизни умер Марек Перепечко, снискавший себе популярность ролью гуральского разбойника Яношика в телесериале Ежи Пассендорфера. Перепечко сыграл также Нововейского в фильме «Пан Володыевский» и множество ролей в приключенческих фильмах.

• Подводя итоги 2005 года в кино, Тадеуш Соболевский пишет: «В мире идет брожение. Это видно и в кино. Беженцы, война в Ираке, угроза терроризма, напряженные

отношения между Европой и Америкой, движения антиглобалистов, юношеское желание улучшить мир, поиски не скомпрометировавших себя идей, религий, корней — все это вызывает заметный в западном кино интерес к истории (...) Мы живем вдалеке от вопросов, волнующих Запад. Наша хата с краю. Хорошо, конечно, что на нас никто не нападал, что у нас нет колониального комплекса вины, что мы сами не развязываем войн. Но при этом мы живем словно с атрофированной памятью, в нравственном сне. Мы не пытаемся изгонять своих собственных демонов, исповедоваться в своих собственных грехах, разоблачать свои собственные исторические мифы».

• Новый директор нового Польского института киноискусства Иоанна Охорович обещает деньги на дебюты, говорит о возвращении памяти, о необходимости исторического кино и об обращении к национальной мифологии. Она уже объявила о планируемых съемках фильмов о Монте-Кассино и Варшавском восстании. «Однако, — пишет все тот же Соболевский, — в пробивании этих исторических тем есть что-то механическое. Ведь дело не только в том, чтобы показывать, как все было, но и в том, чтобы задаваться вопросом, что эти события значат для нас сегодня». Вокруг института уже начались споры. Главный вопрос заключается в том, насколько он будет поддерживать экспериментальное, дебютантское, трудное кино, а насколько — кино «для людей».

• Новая ситуация возникла и в существующем уже несколько лет Институте книги. Смена директора и планы перевести институт из Кракова в Варшаву вызвали недовольство литературной среды. Новый директор Магдалена Слюсарская определяет свою программу так: «С моей точки зрения, нет ничего важнее, чем научить молодежь, молодых поляков культуре чтения и удовольствию, которое можно от него получать. То есть, попросту говоря, спасти их от функциональной безграмотности. А требования государства и обязанности, которые налагает на нас национальное насле-

дие, заставляют нас инвестировать в польского писателя и польского читателя на польской почве».

• На первое место в списке бестселлеров вышла «Лягушка» — 16-й том саги Малгожаты Мусерович о семье Борейко. Как пишет Анджей Ростоцкий, это «необыкновенно терапевтическая книга». Книги цикла пользуются неизменным успехом, в связи с чем власти Познани, куда Мусерович поселила своих героев, решили воспользоваться этой популярностью. В специально выкупленной квартире героев «Ежикиады» они создали камерный музей, а по городу проложили туристический маршрут. Кроме того, городские власти поддерживают многочисленные клубы любителей цикла. Второе место занял новый сборник стихов Виславы Шимборской «Двоеточие». Далее идут исторический роман Вальдемара Лысяка «Последняя когорта», «Операция Талос» Богуслава Волошанского и «По дороге в Бабадаг» Анджея Стасюка. В категории документальной литературы лидируют книги «Покушение. По следам убийц генерала Сикорского» Тадеуша А. Киселевского, «Горькая слава. Польша и ее

судьба в 1918-1939 годах» Ричарда М. Ватта, а также воспоминания знаменитого польского вратаря Ежи Дудека «Поверить в себя».

• Следует отметить издание IV тома собрания сочинений Александра Вата, в котором опубликованы письма к друзьям и знакомым — в том числе к Чеславу Милошу и Ежи Гедройцу.

• В своей книге «Некрополь» Марек Новаковский рассказывает о литературной жизни в ПНР. Это своеобразный путеводитель по Варшаве — правда, по местам, которых уже практически нет, или же они настолько изменились, что это теряет какое-либо значение. Нет в живых и многих людей, о которых пишет Новаковский. Сегодняшняя Варшава для него — одно большое кладбище. «Это замкнутый круг полутрупов, участвующих в хороводе литературной жизни, который уготовало своим писателям государство и который они сами себе придумали (...) Новаковскому удалось написать книгу-предостережение», — пишет критик. Это предостережение тем, кто видимость литературной жизни принимает за ее суть, как порой случается и самому автору.

ДВА ПОЛЬСКИХ РОМАНА попали в «десятку лучших» «Иностранной литературы»

В журнале «Иностранная литература» (2005, №12) опубликован список «Наш top-ten: десять лучших переводных книг 2005 года. (Выбор главного редактора)». Среди этих десяти книг есть романы Дороты Масловской «Польско-русская война под бело-красным флагом» в переводе Ирины Лаппо и Анджея Стасюка «Девять» в переводе Марины Курганской. Вдобавок Ирина Лаппо вошла в число лауреатов журнала за 2005 год: за перевод романа Дороты Масловской ей вручен почетный диплом критики зОИЛ.

Обосновывая свой выбор, главный редактор пишет:

«Польско-русская война — это сюрреалистическая аллегория упертого национального самосознания, ехиднейшая карикатура на всякую ксенофобию. Во всем виноваты русские, поэтому коренная польская раса ведет с ними войну. Мир героев Масловской напоминает наркотические глюки. В этом мире нет никаких ценностей, есть только бесчисленные идеологии и пустота пресыщения. (...)

Анджей Стасюк — один из лучших и наиболее популярных писателей современной Польши — уже известен российскому читателю экзистенциальным триллером «Белый ворон». И вот впервые на русском — его новый роман «Девять».

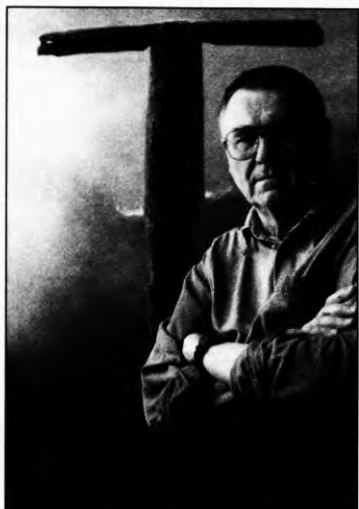
Герой «Девяти», частный предприниматель недавней эпохи первичного накопления капитала, всеми правдами и неправдами пытается вернуть крупный долг. Он ищет денег у старых друзей и бывших жен, у случайных знакомых и «крестного отца» местного значения. Поиски эти оборачиваются трагикомическим путешествием по кругам современного ада с бандитами и сутенерами в роли бесов...»

НГ

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ЗДИСЛАВА БЕКСИНСКОГО

В феврале исполняется год со дня трагической смерти одного из самых выдающихся польских художников Здислава Бексинского. 76-летний живописец был зверски убит в своей квартире сыном человека, помогавшего ему по хозяйству. Вероятнее всего, мотивом убийства был отказ Бексинского одолжить небольшую сумму денег. За несколько месяцев до смерти художник дал интервью Дмитрию Волчку с радио «Свобода». Ниже мы приводим его полностью.

Я думал, что Здислав Бексинский живет в темном замке, как его патрон сюрреалист Гигер, или в насулпленном домишке на улице алхимиков, как пражский маг Ян Шванкмайер. Но нет, патриарх польского авангарда обитает в типовом панельном доме улучшенной планировки. «Я консерватор, — объясняет хозяин, — купил квартиру в конце 70-х и переезжать не хочу». В прихожей зеркало в золоченой барочной раме, полузакрытое картиной: распятие, по которому ползут сиреневые декадентские слизняки. «Это зеркало из борделя, который посещал Ярослав Гашек», — хихикает хозяин. Для европейского или американского коллекционера польское послевоенное искусство — это Бексинский. Фактически Бексинского открыл Гигер, король голливудских монстров, создатель динамической колоды Таро, стальных биомеханоидов. Работы Бексинского 80-х годов — это томительный парад полулюдей-полутрупов, оккупировавших развалины стертых ядерной бомбардировкой городов, прячущихся под деревьями с ветвями из костей и в искореженных неведомыми катаклизмами утлых восточноевропейских автомобилях. Точно Кавафис или Кафка, он много лет

проработал клерком, и только признание на Западе дало ему возможность заняться живописью, а с середины 90-х — дигитальными коллажами. В разговорах с журналистами Бексинский подчеркивает свою робость и нелюбовь к обществу: «Давал автографы на выставке и чуть не упал в обморок от смущения. Когда я прихожу в банк, у меня так трясутся руки, что кассир думает, будто я грабитель или мошенник». Бексинский не любит репортеров, критиков, арт-тусовки, да и завистливые варшавские коллеги его недолюбливают, считают снобом и выскочкой. Мир к западу от Польши, от Лос-Анджелеса до Берлина, отмечает гений Бексинского альбомами, календарями и персональными выставками, а самый дотошный путеводитель «Lonely Planet Guide» в своей польской книжке посвятил художнику специальный раздел. Герой знаменитой повести Эрнеста Сабато «Тоннель» художник Пабло Костель говорил, что «худшие враги искусства — это так называемые друзья искусства: художественные критики, посетители выставок. Они ничего не понимают в живописи и неизменно предлагают неправильную интерпретацию». Первое, о чем я спрашиваю Здислава Бексинского: согласен ли он с мизантропическим выводом героя повести Сабато?

— Я и сам не могу их интерпретировать и думаю, что картины зачастую вообще никакой интерпретации не поддаются. На них следует смотреть не только как на произведение искусства, но, скажем, как на пейзаж, который видишь из окна. В школе учат постоянно интерпретировать произведения: что поэт Мицкевич имел в виду. Все поколения через это проходят. Потом абитуриенты, окончившие школу, выбирают, куда поступить. Математика — слишком трудно, медицина — нет мест, информатика — нет мест. Остаются сельское хозяйство и академия художеств, так что происходит негативная селекция. Все, кому слишком трудно учиться, идут в искусство.

— *Что вас больше всего раздражает в интерпретации ваших картин?*

— По шкале тревожности Тейлора я воспринимаю все спокойно, пусть интерпретируют как хотят.

— *Все ваши картины безымянны, это кажется странным, потому что имя есть суть всех вещей. Почему вы отказываетесь крестить своих «детей»?*

— Я сделал слишком много «детей», на всех имен не хватит. Механизм создания картины — это ведь не желание передать какую-то мысль, идею. Когда я пишу картину, я часто по ходу дела меняю сюжет. Как-то я делал работу с элементом из досок, и вначале у меня выходила Мадонна. Мне эта идея понравилась, и я решил сделать Мадонну-мужчину, только непонятно было, как поступить с младенцем. И той ночью во сне ко мне пришла курица и заговорила по-польски. Я еще удивился, как она произносит эти польские шипящие, потому что клюв у нее был такой, что она не должна была их выговаривать. И эта курица сказала: «Ты не понимаешь женщин». Так что утром я решил нарисовать вместо этой Мадонны курицу.

— *Вас обычно называют сюрреалистом. Ян Шванкмайер, руководитель чешской сюрреалистической группы, говорил мне, что сюрреализм — это вообще не художественное направление, а коллективный путь в глубины души, подобно алхимии или психоанализу.*

— Сюрреализм — течение, объединяющее свободный поток воображения, и это единственная черта, которая объединяет меня с сюрреалистами. В Чехии было сильное сюрреалистическое движение, в Польше — довольно маргинальное. Официально польская критика меня не любила. Я начинал как художник-абстракционист, авангардист, и тогда критики давали положительные рецензии. А потом я, по их мнению, стал льстить вкусам мещанства. Я слишком хорошо знаю этих критиков, теперь они просто делают вид, что меня нет. Бексинский ест рыбу ножом, запивает сладким вином, так что его лучше не замечать.

— *Вы ведь никогда не примыкали ни к одной художественной группе?*

— Да, я всегда стою в стороне. Есть некоторые молодые люди, которые пытаются мне подражать. Если я с ними знаком, я стараюсь делать так, чтобы они отвалили подальше. Когда человек молод, он должен черпать из разных источников и

каждые две недели менять стиль, иначе он может не найти свой собственный. Но очень многие быстро каменеют в собственных вкусах. Это допустимо, когда человеку сорок лет, а когда ему двадцать, он обязан меняться.

— *Поэтому вы и стали заниматься цифровой живописью?*

— В моем случае это было не совсем так. В 50-е годы я занимался фотографией и увлекался фотомонтажом. Тогда я вырезал ножницами, склеивал, еще раз фотографировал со штатива, деформировал изображение, сгибая бумагу, накладывал негатив на позитив. Это была очень трудная работа. В 92-м году я купил компьютер «Макинтош» — просто чтобы была пишущая машинка. И тут я увидел, как действует «фотошоп», тогда это еще была очень примитивная программа. Я научился вырезать и склеивать на компьютере и мне это понравилось. Уже в 97-м году я купил настоящий персональный компьютер, потому что тогда казалось, что фирма «Макинтош» перестанет существовать, и привык к новому стандарту. Тогда я и начал делать такие же фотомонтажи, с которыми работал в 50-е. Работа на компьютере требует совсем другого мышления, чем с полотном. Нужно определить пространство, установить свет, установить камеру и затем конструировать. Думаю, рано или поздно с программами 3D я смогу ваять виртуальную материю. Информация переводится на твердый диск, и можно в одном случае сделать эту материю мягкой, а в другом — твердой, быстро сконструировать твердую форму, в твердой материи уже делать детали, соединяя их потом, как в «фотошопе». Современные компьютеры для этого пока еще слишком слабы.

— *Вы сказали в одном из интервью, что на вас как на художника совершенно не повлияла литература. Меня это удивило, потому что ваша живопись кажется очень литературной, виден сюжет, остановленный кадр. У истории, изображенной на картине, есть недосказанная предыстория и продолжение, сродни кинофильму.*

— Когда пишешь картину, если это не абстрактная живопись, конечно, то с каждым изображенным предметом связан ряд ближайших ассоциаций. Если на картине несколько таких предметов, эти ассоциации входят во взаимосвязь, так что создается видимость литературы. С другой стороны, я часто пользуюсь стереотипами из истории искусства. Всадник — это стереотип, распятие —

стереотип, пейзаж — стереотип, Мадонна с младенцем... Беру известную форму из истории искусства и стараюсь придать ей новое выражение.

— *Я заметил в ваших работах, особенно ранних, сюжеты Лавкрафта.*

— Нет, Лавкрафта я не вижу. Если бы я нарисовал вещи, которые произвели на меня впечатление в литературе, то получились бы картины в стиле Эшера. Я увлекался различными манипуляциями со временем и пространством. То, что делал Роб-Грийе. Вот он, возможно, и повлиял на меня, ну и, разумеется, воздействовала на меня метафизическая литература — Кафка, Борхес.

— *Вы говорили, что музыка оказала на вас большое влияние. Какую музыку вы слушаете?*

— Сейчас я мало слушаю, потому что начинаю глохнуть. А вообще главным образом музыку второй половины XIX века, Шуберта, чуть меньше — барокко. Мой самый любимый композитор — Альфред Шнитке. Мне кажется, что он пишет музыку так же, как я пишу картины.

— *Воспринимаете ли вы живопись как своего рода инструмент психоанализа, вытеснение внутренних страхов на полотно?*

— Это вопрос не ко мне, потому что собственное ухо не разглядишь без зеркала. Только другие могут это сказать. С психоанализом такая проблема: если кто-то делает психоанализ картины, он ставит диагноз пациенту, а не оценивает живопись. Если человек что-то сделает, стол или стул, вот этот микрофон, то его скрытые потребности содержатся в предмете, который он сделал. Можно оценивать человека, но не продукт его труда. Сам себя оценивать я не умею.

— *Я задал этот вопрос, потому что очевидно, что многие ваши картины — это воплощение снов, а сны — материал, с которым работает психоаналитик.*

— Верно, я работаю по принципу свободных ассоциаций. То есть привожу в действие тот же механизм, который бывает во сне. В юности у меня были очень выразительные сны, сны, связанные со страхом. Здание, в котором я нахожусь и, чтобы выбраться из него, должен пройти через помещение, в которое боюсь войти. Или такие визуально насыщенные сны, псевдогаллюцинации, то есть картина, которая складывается вопреки оптической конструкции глаза. Большой пейзаж и самые мелкие детали видны очень отчетливо. Но такие сны бывают редко.

— *Вы не были диссидентом при коммунистах?*

— Нет-нет, я совсем не любил этот строй, но и не боролся с ним. У меня не эпическая натура, то есть я предпочитаю приспосабливаться. Если мне придется жить с медведем в одной берлоге, я найду такое место, куда медведь не дотянется, но бороться с ним не буду.

— *Гигер назвал вас одним из самых важных художников современности и говорил, что вы на него повлияли.*

— Скорее Гигер на меня повлиял, потому что я познакомился с его творчеством раньше, чем он с моим. Мне близка манера письма Гигера, но не его тематика, все эти демоны. Мне очень нравился метод его работы с аэрографом, но при коммунистах нельзя было купить компрессор. Ребята из академии построили простой компрессор, и я начал что-то делать, но выключить его не смог. И этот компрессор так раздулся, что чуть не взорвался. Тогда у меня был заграничный контракт, и я вынужден был писать много картин. В Польше тогда ввели военное положение, и заработать на жизнь можно было только за рубежом, но потом я больше не работал с аэрографом.

— *Что вам больше всего ненавистно в живописи?*

— Нет таких вещей, которые я ненавижу, потому что я доброжелательно настроен к действительности и коллегам. Ведь я и сам работал поразному, у меня авангардное прошлое.

— *Есть ли какой-то художник, не только в живописи, которым вы безоговорочно восхищаетесь?*

— В музыке это Шнитке, в кино — Феллини, а про художников сказать трудно, потому что я сам внутри этого.

*Беседу вел Дмитрий Волчек — Радио
«Свобода»*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Ю.Хен - Уеллс в Кремле
Д.Шевинков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с А.Легоцким, Е.Яроцким, В.Зинем, З.Ромашевским, К.Лангем

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»
главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2006 году

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ

Национальная Библиотека

представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике.
Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52; тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80; +48 (22) 608-28-81; тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60; тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiązki@wp.pl

OWUTYGOONIK
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70; +48 (22) 608-28-71; тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.muzyka.onet.pl/klasyka

**LITERATURA
na świecie**

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91; тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65; +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

odra
międzyznicz

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37; тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.art.pl
www.odra.art.pl

**a
akcent**
literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

**Biblioteka Narodowa,
Dział Wydawniczy
Czasopism Patronackich**

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213
tel. (0-22) 608 24 88

Cena 6 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558065

02